



Ю. Д. Пряхин

# Греки в истории России

XVIII-XIX веков



ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ ГРЕКОВ ЗАРУБЕЖЬЯ  
ПЕРИФЕРИЯ СТРАН БЫВШЕГО СССР  
АССОЦИАЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ  
ОБЪЕДИНЕНИЙ РОССИИ

Ю. Д. Пряхин

**Греки  
в истории  
России  
XVIII-XIX  
веков**

Исторические очерки

Санкт-Петербург  
АЛЕТЕЙЯ  
2008

## ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КЕРЧЬ-ЕНИКАЛЕ В 1775 ГОДУ ВОИНОВ АЛБАНСКОГО (ГРЕЧЕСКОГО) ВОЙСКА: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ЗАБЫТЫЕ ПОДРОБНОСТИ

До сих пор в вопросах переселения в Керчь-Еникале в 1775 году воинов греческих легионов и членов их семей после завершения Русско-турецкой войны 1768–1774 годов имеется ещё немало белых пятен, неопубликованных документов, забытых подробностей и деталей. Несомненно, это было неординарное событие в славной 2600-летней истории современной Керчи, имевшее весьма благоприятные последствия для Юга России, Крыма, древнего города.

Хорошо известно, что греки-волонтеры активно участвовали в большинстве морских и сухопутных сражений войны 1768–1774 годов на Средиземноморском театре военных действий: в боях в Морее, во взятии турецких приморских крепостей, в освобождении островов Архипелага, в захвате турецких купеческих и транспортных судов, в знаменитом Чесменском сражении, полностью уничтожившем турецкий флот в Эгейском море и других боевых действиях, за что они щедро поощрялись, высочайше награждались: получали офицерские чины, земли, российские ордена и медали, дворянство<sup>1</sup>.

После заключения в 1774 году Кючук-Кайнарджийского мира все острова Греческого архипелага были возвращены Оттоманской Порте с условием: «...не мстить жителям, не стеснять христианского вероисповедования, не взыскивать повинности за время их пребывания под властью России (в российском подданстве. — Ю. П.), дозволить желающим переселиться в другие места»<sup>2</sup>.

Со всей остротой встал вопрос о судьбе бойцов «Албанского (греческого) войска» и их семей, активных участников борьбы с турками.

---

<sup>1</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 383, оп. 29, д. 216, л. 3; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 227, оп. 1, д. 30, л. 101, 102.

<sup>2</sup> Записки гидрографического департамента Морского министерства, СПб. Ч. 7. 1849. С. 391.

Греки справедливо предполагали, что после ухода российского флота из Архипелага их неминуемо ждет мщение со стороны турок, жестокие репрессии. Поэтому с целью сохранения своих жизней, семей они готовы были покинуть родные места, бросить нажитое имущество, свои дома и уйти на российских кораблях к единоверцам, в новые места жительства, под защиту и покровительство России, стать беженцами-переселенцами.

Следует заметить, что данные опасения полностью оправдались. Действительно, многие из оставшихся на месте жителей островов, из числа воевавших против турок, сотрудничавших с российскими моряками, принимавших в своё время российское подданство, подверглись жестокому преследованию: были осуждены, лишались имущества, земли, своих домов, свободы, нередко и самой жизни. И такие явления были повсеместны, несмотря на прежние заявления турецких властей.

Представляют несомненный интерес условия, на которых греки решились покинуть Родину, переписка, связанная с подготовкой и вывозом в Крым греков на кораблях российского флота.

26 декабря 1774 года граф А. Г. Орлов-Чесменский информирует императрицу из Пизы о начале переговоров с турецкими властями «...о скорейшем пропуске наших судов» в Чёрное море, о своих действиях по переселению архипелагских греков и их семей в Крым: «...приказано от меня вице-адмиралу Елманову всех желающих переселиться под покровительство Вашего Императорского Высочества сажать на суда, сколько поместиться может, и отсылать их в завоёванные места, принадлежащие Вашему Императорскому Величеству, снабдя при этом довольным числом провианта и письмами к начальникам тех мест, чтобы оные приняты были как подданные российские, и я надеюсь, Всемилостивейшая Государыня, что со временем многие переселятся во оную страну, а более всего будет зависеть от начала, когда первым удастся...»<sup>1</sup>

Весной 1775 года Екатерина II подчёркнуто «благосклонно» и с «особым вниманием» принимает депутацию греков во главе с майором Константином Георгия и капитаном Стефаном Мавромихали. На имя графа А. Г. Орлова-Чесменского следует Высочайший рескрипт от 28 марта 1775 года, дававший переселенцам значительные льготы и привилегии. Так, грекам было обещано: «...в Отечестве нашем прочное и полезнейшее со всем семейством их пристанище...»; учредить в Керчи и Еникале «...свободный и вольный в тех местах порт...»; строительство за

<sup>1</sup> Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 250–252.

счёт казны домов и храмов; освобождение от уплаты налогов на 30 лет, а также от постоев и содержания почты в мирное время; создание казённого госпиталя и аптеки «...для сохранения здоровья», с «...потребным числом медицинских служителей...» и многое другое<sup>1</sup>.

Вскоре всё официально было доведено до греков, «...сделано объявление, ежели хотят ехать в Крым с жёнами и их родом, то для отвозу их суда с провиантом готовы...»<sup>2</sup>

Раскрывает, уточняет детали подготовки и осуществления этой необычной морской операции переписка и действия флотского командования, отражённые в архивных документах. Так, в своем письме от 23 марта 1775 г. вице-адмирал А. В. Елманов, сменивший на посту командующего Архипелагской экспедицией адмирала Г. А. Спиридова, информирует находящегося в Керчи вице-адмирала А. Н. Сенявина, что «...граф Алексей Григорьевич Орлов препоруча мне управление в Архипелаге флота и распоряжение дел, прошлаго 774 года, августа от 9, повелеть соизволил, чтоб из греков и албанцев, которые пожелают в Россию, забирать на корабли больше молодых и прочных к службе или поселению, а обнадёживаниев им более никаких не давать, как только следующие:

1. Что они все, как единовверные с нами, не будут оставлены, и никогда не укреплены навсегда, имея свою вольность;
2. Желаящие поселиться будут все выгоды иметь равно с российскими;
3. Буде пожелают в службу, тогда будут приниманы;
4. Ежели кому как в службе, так и в России не захочется остаться, таковые будут отпускаемы по их желаниям»<sup>3</sup>.

Даже ознакомившись с содержанием рескрипта Екатерины II от 28 марта 1775 года, предоставившего в 21-м пункте значительно большие льготы и привилегии переселенцам-воинам, чем это прежде объявлялось флотским командованием, многие греки по-прежнему сомневались, мучительно колебались, уж больно болезненным и трудным было расставание с родиной, родными и близкими, привычным укладом и образом жизни. Всё это задерживало уход боевых кораблей Архипелагской экспедиции на Балтику, в Россию в соответствии с условиями мирного договора.

В накаляющейся обстановке весьма твердо и категорично звучит приказ графа А. Г. Орлова вице-адмиралу А. В. Елманову передать

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3–5; ф. 383, оп. 29, д. 947, л. 11–13.

<sup>2</sup> Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 301.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 61.

грекам: «...буде ехать хотят, так ехали б, а из того буде поупрямятся, оставить им на волю и распустить всех несмотря уж ни на что...», а самому с эскадрой «...нимало не мешкая выходить из Архипелага»<sup>1</sup>. Только тогда, отбросив последние колебания, греки поспешили на давно готовые к выходу корабли, получив установленное им довольствие, денежное жалованье, а «...сверх того и впредь на два месяца».

Весьма сложным для флотского командования, направившего для этих целей в Константинополь «...бригадира-флота капитана Борисова», оказалось получение согласия Оттоманской Порты на проход через проливы российских военных кораблей с греческими переселенцами на борту, ибо это расценивалось Портою как серьёзное унижение, как одностороннее действие, не оговоренное условиями мирного договора<sup>2</sup>.

Об этом можно судить, в частности, из письма российского поверенного в делах в Константинополе полковника Петерсона на имя вице-адмирала Елманова, направленного в Архипелаг, а также из реляции генерал-фельдмаршала графа А. А. Румянцева Екатерине II.

В письме к адмиралу Елманову полковник Петерсон просил неукоснительно выполнить просьбу турецких властей, избавить их «...от поношения и стыда видеть подданных своих во время, как ещё ненависть от войны не остыла, пред глазами Государя и в виду всей нации проезжающих чрез самую столицу, для поселения в чужой земле, а как сего в Трактате нет, то Порта, хотя и не согласна о таковом пропуске подданных ея, но не будет же со сторону ея и воспрещения, токмо бы то было не поносительным для нея образом исполнено...»<sup>3</sup>

Таким образом, турецкие власти прямо ставили вопрос о маскировке прохода военных кораблей и провоза греков-переселенцев на них в Черное море для поселения в Крыму. Указанные и другие просьбы Оттоманской Порты в целом были удовлетворены. В результате активных переговоров все детали прохода российских кораблей через проливы были согласованы, и это позволило российскому командованию, пробно, ещё в марте 1775 года отправить в Керчь два первых корабля с 270-ю переселенцами, фрегаты «Почталъон» и «Архипелаг», под видом купеческих кораблей, а в мае, значительно задержав выход всего флота на Балтику, ушли еще одиннадцать судов с беженцами, замаскированные под купеческие корабли, под конвоем военного фрегата

<sup>1</sup> Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 301.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 3, л. 286.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 61; РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 3, л. 286.

«Африка». Охранял суда в Эгейском море и обеспечивал проход проливов ещё один корабль, фрегат «Наталия»<sup>1</sup>. Выполнив задачу, фрегаты затем возвратились к эскадре, убывающей на Балтику, к российским берегам.

Среди командиров боевых кораблей, осуществлявших переход в Керчь с беженцами на борту, были и греки. Так, например, фрегатом «Святой Николай» командовал Георгий Карандино, фрегатом «Победа» Николай Кумани, впоследствии известный командир линейного корабля во флоте адмирала Ф. Ф. Ушакова, участник победных морских сражений, контр-адмирал российского флота<sup>2</sup>.

По архивным данным, в Керчь в целом благополучно, хотя и не без происшествий, прибыло свыше двух тысяч человек.

В то время плавание на парусных кораблях из Эгейского в Чёрное море в район Керченского пролива считалось достаточно продолжительным, трудным и опасным, что и подтвердилось в ходе перехода судов с переселенцами в крымские порты.

Так, 11 судов с беженцами были вынуждены сделать не запланированную остановку у острова Тенедос из-за обнаружения сильной течи у некоторых транспортов, «...оказались оные суда гнилыми...». Казалось бы, безвыходную обстановку сумел разрядить греческий судовладелец и капитан Иероним Витали, волонтёр на русской военно-морской службе, лейтенант флота, возвращающийся после выполнения заданий командования из Константинополя и нашедший стоянку российских кораблей. С целью спасения соотечественников Иероним Витали совершает благороднейший поступок, безвозмездно передаёт своё судно в распоряжение россиян. «...Принужден я, — пишет он об этом Екатерине II в своем прошении в 1776 году, — с тех судов людей и экипаж перегрузить на своё судно, дабы оная эскадра не могла потерять своего времени отправил в Чёрное море»<sup>3</sup>. Сам же И. Витали перешел на фрегат «Африка» и на нём прибыл на Балтику, в российские порты.

Чёрное море встретило суда с переселенцами сурово. Пришлось им испытать и штормовой ветер, и огромные волны, и изнурительную качку, а некоторым и кораблекрушение. Так, фрегат «Победа» под командованием Николая Кумани, опытного моряка, проверенного в морских походах и сражениях капитана, в Чёрном море, на переходе

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 3, л. 286.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 12, л. 335–339; д. 30, л. 941–945.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 195, 196.

Константинополь — Керчь, был застигнут сильным штормом, долго боролся со стихией, потерял такелаж и 6 сентября 1775 года сел на камни и был разбит волнами у Балаклавы. Благодаря умелым и отважным действиям капитана фрегата Н. Кумани и его экипажа удалось спасти всех пассажиров, «...которых и привез, в Ениколь благополучно», опытный флотский командир-грек<sup>1</sup>.

Задолго до прибытия переселенцев керчь-еникальским местным военным властям было строжайше предписано «...равномерно принимать, поступать по предписаниям... дабы служащие не имели в провинанте и в квартирах нужды, а вольнопоселяющимся фамилиям, которые обявлят купечество, хлебопашество или же ремесло и художество, дать места и на первый случай квартиры, которые непременно им будут нужны...»<sup>2</sup>

Однако реальная обстановка оказалась намного сложнее, и не было возможности всё делать так, как было заранее предписано.

В своих рапортах командованию от 21 и 30 мая 1775 года полковник Ступишин сообщает о прибытии и размещении в крепости Еникале первой партии переселенцев. Керченская крепость, весьма обветшавшая, частично полуразрушенная, характеризовалась малонадёжной в военном отношении. «...Замок, так и стены крепости весьма в ветхом состоянии и нападения всегдашнего ожидать надлежит», — объяснял своё решение Ступишин<sup>3</sup>.

Только более надёжные еникальские крепостные стены могли дать приют, защитить на первое время прибывших 18 мая 1775 года в порт Керчь на фрегатах «Архипелаг» и «Почтальон» 270 переселенцев: одного майора Георгия Дуси; трех капитанов: Анастасия Метакса, Яниса Посполитаки, Сидорса Пени; четырёх поручиков, девяти прапорщиков (знаменосцев), 30 десятников, 143 рядовых. Всего 190 воинов. С ними прибывших «...жён и родственников мужского пола 20, женского пола 60...» человек<sup>4</sup>.

По мере постепенного подхода остальных кораблей с переселенцами самыми острыми стали проблемы обеспечения жильём, топливом и продовольствием прибывших людей. Разрушенные турками при уходе,

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 30, л. 941; ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 141–144.

<sup>2</sup> Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). Симферополь, 1907. № 41. С. 15; РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 62.

<sup>3</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 52, оп. 1, д. 110, л. 72.

<sup>4</sup> РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 66.



разграбленные татарами жилые дома использовать без серьёзного ремонта было невозможно. На это обстоятельство в один голос постоянно указывали в своих донесениях воинские начальники всех рангов, настаивая на организации доставки строительных материалов, топлива и дополнительного продовольствия, выделения необходимых денежных средств для осуществления ремонтных и строительных работ, укрепления крепостей, налаживания жизни переселенцев в соответствии с пунктами Высочайшего рескрипта.

Еще в декабре 1774 года командующий 2-й российской армией в Крыму князь В. М. Долгорукий, анализируя обстановку в Керчь-Еникале, доносил Г. А. Потемкину: «...ежели какое заведение по укреплению Керчи и Яниколя располагать изволите, то наверное и люди и материалы неотменно туда доставлены быть должны, поелику нет там ни бревна ни доски...»<sup>1</sup>

Командование стремилось наладить коммуникации, по которым бы в обе крепости поступали лес, топливо, продовольствие, боеприпасы, воинская амуниция, медикаменты и другое имущество, необходимое для российских гарнизонов, а затем и прибывших переселенцев, но сделать это было чрезвычайно сложно.

Трудности доставки грузов сухопутным путём через территорию Крыма объяснялись сложностью обстановки в Крыму, недоброжелательностью татарского населения, разжигаемой сторонниками Оттоманской Порты, агентами турецких властей, мусульманским духовенством, соперничавшими группировками, боровшимися за власть, и другими обстоятельствами, провоцировавшими нападения на транспортные караваны, «... разбойнические нападения на проезжающих», несмотря на то, что «...везены оныя были на наёмных татарских повозках», как того требовали подписанные соглашения с крымским ханством, и двигались «...со специальными татарскими провожатыми и ханской охраной»<sup>2</sup>.

Все это предопределило налаживание морских перевозок от Петровской крепости и Таганрога, что также было непростым, весьма дорогостоящим делом, требовало выделения специальных сил и дополнительных средств<sup>3</sup>.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на Высочайшие требования, Керчь и Еникале не сумели в полной мере подготовиться к приёму переселенцев, к содержанию потребного количества российских

<sup>1</sup> ИТУАК, Симферополь. 1914. № 51. С. 44–45.

<sup>2</sup> Там же. С. 17, 46.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 39, л. 38, 44.

войск, что вызвало целый ряд серьёзных трудностей в обустройстве и жизнеобеспечении прибывших, недовольство многих греков, посчитавших себя обманутыми, жалоб в адрес князя Г. А. Потемкина, императрицы. Стихийным проявлением недовольства греков стали побеги из Керчь-Еникале уже летом 1776 года и образование, с вынужденного согласия властей, греческих поселений в Збурьевском ретраншаменте и в Кинбурне<sup>1</sup>. Вместе с тем все желающие могли переселиться в Таганрог и размещались в зданиях, где прежде был расквартирован казачий полк.

Часть самовольно покинувших Керчь-Еникале сумели добраться до Кефе и Козлова, сесть на купеческие корабли и отправились в Варну и Константинополь «...искать у Порты прощения, кои все там и погибли»<sup>2</sup>.

Оценив сложившуюся обстановку, князь Г. А. Потемкин 9 июля 1776 года обращается к Екатерине II с просьбой увеличить ассигнования на нужды греков. «Приемлю смелость, — пишет он, — поднести Высочайшему рассмотрению краткую ведомость о потребной для них по настоящему числу людей сумме, как ежегодному отпуску, так и единовременному на построение всех нужных зданий»<sup>3</sup>. Следует заметить, что выделение просимых средств было императрицей утверждено. С 1776 года впредь на нужды греческих переселенцев, размещенных в Керчь-Еникале, Таганроге, стало выделяться ежегодно не 50, а 72 тысячи рублей. Вместе с тем единовременно было отпущено ещё 64 тысячи на строительство необходимых зданий и сооружений<sup>4</sup>.

Всё это значительно облегчило материальное положение, сняло многие проблемы переселенцев, ускорило их обустройство на новом месте, в избранных пунктах размещения. 2 августа 1776 года князь Г. А. Потёмкин от имени императрицы требует от местных властей «...устремить все силы и возможности к успокоению в пределах Ея Императорского Величества сих прославленных воинов, доставлением им наилучших к жизни выгод...»<sup>5</sup>, обеспечить безусловное выполнение Высочайшего рескрипта от 28 марта 1775 года.

<sup>1</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 17–19, 21.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 36.

<sup>3</sup> Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИИД). Одесса, 1872. Т. 3. С. 210.

<sup>4</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 82, 83; Загорский Е. А. Военная колонизация Новороссийска при Потемкине. Одесса, 1913. С. 31.

<sup>5</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 254, л. 24, 25; ЗООИИД, Одесса, 1844. Т. 1. С. 216–217.

3 августа 1779 года Екатерина II утвердила проект Военной коллегии, предоставленный Г. А. Потёмкиным, о формировании греческого пехотного полка в составе 1762 человек, основу которого должны были составить греки-переселенцы, все ещё числящиеся в составе Албанского (Греческого) войска, способные по возрасту и здоровью носить оружие, решать боевые задачи.

Как это видно из документов, целью создания данного полка было «...с одной стороны, вознаградить службу тех греков, кои в Архипелаге сражались за Россию, и доставить им пристанище, с другой, чтобы посредством их умножить и число полезных поселян»<sup>1</sup>.

Формирование полка было поручено полковнику Дмитрову, штаб-квартирой определён форштадт г. Таганрога; здесь и шло его комплектование с конца 1779 года по 1783 год. На сентябрь 1779 года в списках греческого войска оставалось немногим более тысячи воинов, из них 102 офицера.

«В Керчь-Еникале размещалось 592 человека, в Таганроге 288, в Збурьевском ретраншаменте 130 солдат и офицеров, из коих 28 находились в “дальних отлучках”, в поездках за своими семьями»<sup>2</sup>.

В силу ряда обстоятельств, и прежде всего отсутствия необходимого контингента, в полку вместо 12 было сформировано восемь рот, носивших названия: Афинская, Спартанская, Коринфская, Македонская и другие. Общая численность греческого пехотного полка не превышала в период завершения комплектования 850 человек. Числился он в составе иррегулярных войск, находился в подчинении новороссийских генерал-губернаторов. Переведенный после своего укомплектования в г. Керчь полк в 1784 году направляется на определённое ему постоянное место дислокации в город Балаклаву и его окрестности. Он получил задачу нести кордонную службу, охранять южное побережье Крыма от Севастополя до Феодосии и Керчи, направлять часть своих сил на корабли флота в качестве десанта с началом русско-турецких войн.

Личный состав полка, семьи офицеров и солдат, вновь прибываемые переселенцы составили подавляющую часть населения Балаклавы и сел вокруг города. В свободное от службы время они занимались сельским хозяйством, виноградарством, виноделием, торговлей и другим мирным трудом.

В 1797 году Балаклавский греческий пехотный полк был реорганизован в Балаклавский греческий батальон и стал подчиняться

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 84.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 202, Ч. 3, л. 1, 2.

военному ведомству, успешно нёс кордонную службу, участвовал во всех русско-турецких войнах, а также в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 годов, где опять отличился<sup>1</sup>.

Около 75 лет греки успешно несли службу по охране южного берега Крыма и завершили её с почётом в 1859 году<sup>2</sup>.

В заключение можно сделать следующие обобщения и выводы:

- судьба большинства греков переселенцев, прибывших из Архипелага в 1775 году в Крым, складывалась нелегко, в серьёзных трудностях и лишениях, но в целом достаточно благополучно; те из них, которые не выдержали тягот обустройства, привыкания к новому месту жительства, вернулись обратно на Родину, стали, как правило, жертвой преследования, мести турецких властей, религиозных фанатиков;

- архипелагские греки в целом сохранили свою воинскую структуру, в своём подавляющем большинстве посвятили себя воинской службе, до преклонных лет служили России, явились основателями российской ветви своих фамилий;

- в силу различных причин и обстоятельств прибывшее в Керчь Албанское (Греческое) войско расселилось в ряде мест Крыма, Северного Причерноморья, Приазовья, образовав из своего состава костяк достаточно крупных греческих общин (поселений) в районах городов Керчь-Еникале, Балаклава, Таганрог, Херсон; селений Збурьевск, Кинбурн и др., которые стали притягательными центрами для новых переселенцев;

- греки не утратили своей национальной самобытности, своей духовности, бережно сохраняли свой язык, традиции и обычаи, элементы национального быта, традиционные ремесла и занятия;

- отношения греков с местным населением, властями в целом были всегда доброжелательными, строились на основе взаимопонимания и взаимоуважения;

- власти стремились приобщить греков к земле, к земледелию, садоводству, виноградарству, поощряли национальные промыслы, торговую деятельность;

- из числа архипелагских переселенцев вышло немало замечательных личностей, вошедших в историю России, ее флота. Среди них можно назвать Ламбро Кацони, Николая Кумани, Ивана Анастаси, Георгия Карандино, Ивана Варваца, Стефана Мавромихали, Евстафия Сарандинаки, Михаила Чефалиано и многих, многих других, о которых расскажут ещё историки.

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 33098, л. 1–4; ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3, 5.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 20, л. 1–5; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 82, 83.

# **ОБРАЗОВАНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ В КЕРЧЬ-ЕНИКАЛЕ ИЗ ЧИСЛА ВОИНОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ. ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (КОНЕЦ XVIII — XIX СТОЛЕТИЕ)**

## **I. ПОЯВЛЕНИЕ И ПРЕБЫВАНИЕ АРХИПЕЛАГСКИХ ГРЕКОВ В КРЫМУ, В ПРИАЗОВЬЕ В КОНЦЕ XVIII СТОЛЕТИЯ**

Образование греческих поселений в районе Керчь-Еникале Приазовья тесно связано с военно-политическими событиями того времени, итогами Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, условиями Кючук-Кайнарджийского мирного договора, вызвавшими значительную волну греческой иммиграции в Крым, Приазовье и другие регионы современной Украины, самую крупную за всю многовековую историю российско-греческих связей.

Как показывает исследование, именно на период с 1775 по 1812 год приходится наибольшее число греков-переселенцев, в том числе и с островов Архипелага. Спасаясь от невыносимого османского ига, от преследования турецких властей за активное участие в национально-освободительной борьбе, греки, как и другие христиане, бежали к братьям-единоверцам в освобожденные от турок районы Причерноморья, в Приазовье, в Крым, где и образовывали на свободных, отводимых им землях свои поселения. При этом они широко пользовались доброжелательностью властей, местного населения, а также льготами и преимуществами иностранным колонистам, предоставляемыми властями на основании Высочайших указов Елизаветы Петровны от 29 декабря 1751 года, Екатерины II от 4 декабря 1762 и 22 июля 1763 года.

В частности, в указе 1763 года, в десяти пунктах (со множеством подпунктов) излагались многочисленные и существенные льготы, которые предоставлялись иностранным переселенцам в силу «...той пользы, которая умножением выхода в Россию иностранных народов

государству приобретена будет»<sup>1</sup>. На основе данного документа, для «...высшего управления делом переселения и водворения иностранцев и устроенными ими колониями...» в 1763 году в Санкт-Петербурге учреждается на правах особой Коллегии (министерства. — Ю. П.) «Канцелярия опекунства иностранных», которая получила реальные полномочия, «власть и преимущества, равные против государственной Коллегии». В регионах расселения колонистов образовывались «Канторы опекунства иностранных»<sup>2</sup>.

Все это, несомненно, способствовало усилению переселенческих настроений, активизации процесса эмиграции у народов, томящихся под оттоманским игом. Данное явление особенно усилилось в конце XVIII — начале XIX столетия, именно в этот период возникают достаточно крупные по тому времени новые поселения греков-беженцев в Керчь-Еникале, Балаклаве, Ялте, Феодосии, Евпатории, Таганроге, Николаеве, Херсоне, Одессе и др. местах.

Весьма быстро обустраивается в этот период и вновь образованный в Приазовье г. Мариуполь, вокруг которого создаются свыше 20-ти национальных греческих поселений из числа греков-христиан, вышедших туда из Крыма в 1779 году.

Обоснованный интерес у многих вызывает судьба архипелагских греков, организованно и одновременно переселившихся на российских кораблях в Керчь-Еникале в 1775 году, положивших начало новой волне иммиграции греков. Они образовали в Крыму и в Приазовье свои поселения и очень много сделали для развития этих регионов.

Их созидательная роль еще недостаточно исследована и не получила должного освещения в исторической научной литературе. И это несмотря на то, что вклад указанных греков в историю, культуру, экономику названных регионов очевиден, достаточно весом, признается всеми.

Массовому переселению греков-архипелагцев предшествовали достаточно известные военно-политические события в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 годов: восстания греков против турок, участие их в вооруженной борьбе против Османской империи совместно с российскими войсками и флотом, принятие населением большинства островов Архипелага российского подданства. Условия Кючук-Кайнарджийского мира и ряд других, последовавших за ним важных

<sup>1</sup> Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. С. 7–8, 15; Известия Таврической ученой архивной Комиссии (далее ИТУАК). Симферополь, 1907. № 41. С. 38–39.

<sup>2</sup> См. там же.

для греческого населения событий предопределили массовую эмиграцию греков в Россию. Прежде всего это реальная угроза мести, жестоких расправ после ухода кораблей и войск россиян на родину.

Причины и обстоятельства способствовавшие массовой переселению архипелагских греков в Крым, формировали взгляды и настроения людей, их образ мышления, устремления к новой жизни, готовность осваивать предложенные им земли, обустраиваться навечно вдали от родины, создавать свои поселения, по-новому организовывать свою жизнь и жизнь родных и близких.

Первая Архипелагская экспедиция российского флота в Средиземное море под командованием адмирала Г. А. Спиридова вызвала мощный подъем национально-освободительного движения на Балканах, в Архипелаге.

И это было закономерно. Присутствие боевых эскадр, их успешные боевые походы, победы над турецким флотом способствовали пробуждению национального самосознания у угнетенных народов, активизации их борьбы за свое освобождение. Задачи, поставленные перед экспедицией, полученные инструкции требовали «оказывать поддержку грекам в их борьбе против Турции». Более того, на российские десантные войска возлагалась обязанность «...руководить борьбой греческих и других повстанцев, населяющих Балканский полуостров, и являться организующей силой их восстаний»<sup>1</sup>.

Еще до подхода эскадры Г. А. Спиридова главнокомандующий российскими силами в Средиземном море граф А. Г. Орлов писал из Пизы в ноябре 1769 года одному из руководителей греческих повстанцев Стефану Мавромихали: «...Начинайте с помощью Божией дело, от которого зависит слава и счастье Ваше и всех греков, и Вы приведете его к окончанию с успехом. Об одном только прошу Вас, чтоб войны Ваши были между собой согласны. Тогда Бог благословит ваше оружие...»<sup>2</sup>

В середине февраля 1770 года с прибытием эскадры адмирала Спиридова к берегам Морей и высадкой небольшого десанта у города Витуло, восторженно встреченного населением, началось восстание греков. Уже в первый день к десанту присоединилось около трех тысяч местных жителей. В сравнительно короткий срок было сформировано два Спартанских легиона (отряда), начавших боевые действия в Морее против турецких войск.

<sup>1</sup> Криницын Ф. С. Чесменская победа. М.: Воениздат, 1951. Ст. 5-6.

<sup>2</sup> Записки Одесского об-ва истор. и древн. (далее ЗОИИД). Одесса, 1844. Т. 1. С. 207.

Находившийся на рейде Витуло 26-пушечный фрегат «Святой Николай» под командованием грека Александра Поликути, спустив турецкий и подняв российский военно-морской флаг присоединился к эскадре Спиридова, через несколько дней его примеру последовал другой турецкий военный корабль «Генрих» с греческим экипажем, командир которого Александр Алексиано, как и Поликути, дав присягу на верность России, был принят лейтенантом на службу в российский флот. Его судьба характерна для судеб многих греческих волонтеров, ушедших после окончания войны с российским флотом в Крым, на Балтику и продолживших там службу. Храбрый, отлично подготовленный морской офицер А. Алексиано отличился во многих боях. Он участник ряда сражений войны 1768–1774 годов. Так, например, отряд российских кораблей под его командованием в октябре 1772 года разгромил превосходящие турецкие силы в порту Дамиетта (Египет), готовящиеся к боевому походу. «За отличие» в морских сражениях 30 июня 1774 года отважный грек был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, пользовался уважением и авторитетом у сослуживцев и российского командования. Позднее уже на Балтике А. Алексиано рекомендовал себя грамотным специалистом флота, дослужился до капитана 2 ранга, проходил службу при Петербургском морском порту<sup>1</sup>, имел дом, семью. Осев навсегда в России, он никогда не забывал своей Родины, стремился всячески помогать ей.

Исследования позволяют сделать следующие выводы: широкая и всесторонняя помощь и поддержка греческого населения Архипелага, несомненно, предопределили надежность базирования сил объединенного российского флота, ремонт и обеспечение боевых кораблей, а также боевой успех в срыве морских перевозок и прибрежной торговли, в блокаде Дарданелл, в поиске и уничтожении турецких торговых кораблей. Заложили основы исторической победы российского флота в Чесменском (1770 г.) морском сражении, обеспечившей безраздельное господство кораблей Архипелагской экспедиции в Эгейском море, создавшей благоприятные условия для действий российских сухопутных войск<sup>2</sup>.

Действительно, при непосредственном и активном участии местных жителей солдаты и моряки эскадры Спиридова создали в порту Науза на острове Парос свою главную военно-морскую базу, где

<sup>1</sup> Общий морской список. СПб., 1820. Ч. III. С. 29; РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 41, л. 46, 47

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 2, 3.



построили адмиралтейство, причалы, склады продовольствия, морского имущества, вооружения и боеприпасов, а также корабельные и оружейные мастерские, казармы, госпиталь, береговые батареи и другие укрепления. Развернули для сухопутных войск три стационарно обустроенных военных лагеря гвардии Шлиссельбургского полка, различных пехотных команд, а также торговые заведения, культовые сооружения и многое другое, необходимое для быта, повседневной жизни, обеспечения напряженной боевой деятельности кораблей флота<sup>1</sup>.

В январе 1771 года, на основе настойчивых просьб турецко-поданных жителей островов Архипелага, Высочайшим повелением Екатерины II все желающие греки были «приведены на верность подданства России к Присяге» и стали российско-подданными.

Сбросив этим актом турецкое владычество, население островов активно помогало в борьбе с турецкими войсками и флотом — обеспечивало корабли Спиридова и воинские части продовольствием, водой, фуражом; вело постоянную разведку в интересах российского командования, оперативно предоставляло важную, своевременную, достоверную информацию о силах турецкого флота, его составе, перемещениях, планируемых действиях. Все это анализировалось и умело использовалось русским командованием при подготовке и проведении морских операций, организации действий по срыву морских торговых и военных перевозок в порты Османской империи.

Многие жители островов, прежде всего молодые люди, поступали волонтерами на российскую военную службу, в том числе на корабли эскадры, которая постоянно увеличивалась как за счет прихода новых кораблей с Балтики, так и за счет судов захваченных в морских боях у противника, а также греческими судами, владельцы которых пожелали войти в состав эскадры и были приняты вместе с кораблями в российский флот. К ним можно отнести, например, Георгия Карандино, хозяина судна «Святая Екатерина», и других.

В результате к концу войны в составе Архипелагской экспедиции находилось уже 76 боевых единиц: 15 линейных кораблей, 22 фрегата, 3 бомбардирских судна и другие<sup>2</sup>. Примечательно, что командирами некоторых кораблей являлись местные жители, отличные моряки, прекрасно зарекомендовавшие себя в морских походах и сражениях с турками, среди них можно назвать грека лейтенанта Георгия-Антониоса

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 190, оп. 1, д. 16, л. 1–5; ф. 1331, оп. 1, д. 21, л. 1.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 190, оп. 1, д. 16, л. 1, 75; д. 45, л. 173; ф. 1331, оп. 1, д. 21, л. 1.

Псаро, командира шебеки «Греция», затем фрегата «Не тронь меня!», отличившегося храбростью, флотским мастерством во многих сражениях, ставшего российско-поданным, впоследствии капитаном генерал-майорского ранга, командовавшего в 1790 году частью российских морских сил в Средиземном море, в Архипелаге, кавалера двух высоких орденов, ставшего поверенным в делах России на Мальте<sup>1</sup> и многих, многих других волонтеров — подлинных патриотов Греции. Среди которых можно назвать, например, Ламбро Кацониса (Качони), Николая Ковако, Константина Корояни, Филиппа Марощо — ставших капитанами 1 ранга российского флота, а также Антонио Коронелли, Евстафия Сарандинаки, Михаила Чефалиано и других, заслуживших адмиральские и генеральские чины.

Желая непосредственно участвовать совместно с русскими в вооруженной борьбе против общего врага, греки сформировали восемь батальонов, составивших военный корпус «Греческое войско» (в некоторых источниках «Албанское войско». — Ю. П.), которое с успехом принимало участие в боевых действиях: в овладении совместно с местными повстанцами рядом турецких приморских крепостей и населенных пунктов, в освобождении от турок островов, в захвате торговых кораблей. Можно заключить, что греки участвовали в большинстве основных морских и сухопутных операций и сражений войны 1768–1774 годов, в том числе и в знаменитом Чесменском, докладывая об итогах которого адмирал Г. А. Спиридов писал: «Честь всероссийскому флоту! С 25-го на 26-е неприятельский военный турецкий флот атаковали, разбили, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили...» Среди отличившихся было немало и греков, заслуженно представленных «за свои подвиги и достигнутые победы» к высоким наградам<sup>2</sup>.

После заключения летом 1774 года мира с Оттоманскою портою все острова Греческого Архипелага были возвращены турецкой империи. На повестку дня встал вопрос о судьбе бойцов «Греческого (Албанского) войска», их родных и близких. Греки предвидели, что после ухода российского флота из Архипелага их неминуемо ждет мщение со стороны турок. Поэтому с целью сохранения жизни они были готовы покинуть родные места, бросить дома, нажитое годами имущество и, спасая себя и своих близких, уйти на российских кораблях к

<sup>1</sup> Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. П-Р. С. 111; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1796 года. СПб. С. 55.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 216, л. 3; РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 30, л. 101–102.

единоверцам в новые места жительства, под защиту и покровительство России, покинуть родину, стать беженцами.

По архивным данным, в Керчь в целом благополучно, хотя и не без серьезных происшествий прибыло свыше двух тысяч человек. Все они были заранее обеспечены деньгами и продовольствием на два месяца вперед. Керченским и еникальским местным военным властям заранее было строжайше предписано: «...равномерно принимать, поступать по предписаниям... дабы служащие не имели в провианте и квартирах нужды, а вольноопределяющимся фамилиям, которые обявят купечество, хлебопашество или же ремесло и художество, дать места и на первый случай квартиры, которые непременно им будут нужны...»<sup>1</sup>

Дальнейшая судьба греков складывалась нелегко, в серьезных трудностях и лишениях, но в целом достаточно благополучно. Можно с уверенностью сказать, что наиболее сложными для греков являлись первые годы вне родины. Это годы размещения, обустройства, привыкания к новому месту жительства, к обстоятельствам и условиям непривычной для них жизни, годы обостренной ностальгии, переживаний о судьбах оставленной родины, родных и близких, окончательного определения своей дальнейшей личной судьбы, семей, реализации желаний и целей в условиях предстоящей жизни вне родины.

Возникает вполне законный вопрос, почему греков из Архипелага решено было разместить в районе Керчь-Еникале.

Действительно, обосноваться на Керченском полуострове грекам предложили не случайно. Занятые российскими войсками в ходе боевых действий летом 1771 года, крепости Керчь и Еникале, по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, юридически закреплялись за Россией и вошли в состав Азовской губернии. Обладание этими важными в стратегическом отношении крепостями позволяло, во-первых, контролировать выход из Азовского в Черное море, быстро перебрасывать войска и флот в различные регионы Черноморского театра, Причерноморья; во-вторых, использовать Керченский полуостров в качестве плацдарма для возможного продвижения в будущем в глубь Крыма; в-третьих, во многом контролировать, нейтрализовать действия крымского хана как стратегического союзника Оттоманской порты.

Важность нового приобретения для России хорошо понимала и турецкая сторона. Об этом красноречиво свидетельствует, например, то обстоятельство, что мирные переговоры в Бухаресте в конце 1772 года

<sup>1</sup> Там же. Л. 290–292; ИТУАК. Симферополь, 1907. № 41. С. 15.

зашли в тупик именно по причине разногласий в вопросе о судьбе Керчи и Еникале, так как фактическое присоединение их к России необходимо было узаконить и юридически, переговорным путем.

Известный русский историк С. М. Соловьев подчеркивает, что когда прусский посланник при турецком дворе Зегелин стал уговаривать по просьбе Обрезкова рейс-эфенди согласиться на данную уступку, то тот ответил, что «...от уступки Керчи и Еникале зависит благосостояние Оттоманской империи»<sup>1</sup>. Более того, турецкая сторона заявила, что если Россия «отстанет» от требований в отношении Керчи и Еникале и согласится на ограничение кораблеплавания на Черном море, то ей будет заплачено девять миллионов рублей<sup>2</sup>. Российский дипломат Обрезков от имени правительства России ответил решительным отказом, и война была продолжена еще почти на два года.

28 января 1773 года присоединение Керчи и Еникале к России было обеспечено сепаратным договором с Крымским ханством, а позднее, в 1774 году подтверждено условиями Кючук-Кайнарджийского мира с Оттоманской портой.

Начиная с 1771 года, в названных крепостях постоянно находились российские военные гарнизоны, подчиненные единому коменданту. Когда российские войска вошли в Керчь, в ней «...была лишь одна улица и 674 небольших, крайне убогого вида дома»<sup>3</sup>. Немногочисленное население занималось рыболовством и добычей соли. Общая численность введенных российских войск не превышала пяти тысяч человек. Трудности со снабжением, условия договоров с Турцией, Крымским ханством не позволяли России увеличить свое военное присутствие в Крыму, в регионе.

Хрупкое равновесие сил между Россией и Турцией, сложившееся по окончании войны, в любую минуту могло быть нарушено. Особенно неустойчивой и взрывоопасной была обстановка в Крыму. Так, полковник Ступишин, командовавший в Керчи и Еникале российскими войсками, доносил командованию 2 декабря 1774 года «...о продолжающемся недоброжелательстве крымцев, которые разбойнически нападая на проезжающих в Яныколь и оттуда в Перекоп наших людей, грабят оных и убивают...»<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 15. С. 7.

<sup>2</sup> Там же. С. 9.

<sup>3</sup> История городов и сел УССР. Крымская область. Институт истории АН УССР. Киев, 1979. С. 281.

<sup>4</sup> ИТУАК, Симферополь, 1913, № 51, с. 46.

В этих условиях только наличие сильных военных крепостей на Керченском полуострове могло обеспечить насущные интересы России. Тогда-то и появилась идея: с целью укрепления важных в стратегическом отношении Керчи и Еникале создать там нечто вроде военного поселения, жители которого в мирное время занимались бы хлебопашеством, садоводством, рыболовством, торговлей, а в случае военной опасности брались бы за оружие, становились воинами. Для этой роли греки, хорошо проявившие себя в боевых действиях в Архипелаге, являющиеся единоверцами, подходили почти идеально. Тем более, что в этих местах с древнейших времен всегда проживали греки, хорошо знавшие и освоившие Крымское побережье, имевшие в прошлом здесь свои города и государства.

Так что когда депутация греков явилась в 1775 году ко двору Екатерины II, участь личного состава греческого войска уже была предрешена. Для того, чтобы как-то облегчить расставание греческих волонтеров с Родиной и вознаградить их за боевые заслуги и перенесенные ими тяготы и лишения, помочь выстоять перед предстоящими трудностями на местах нового поселения, Высочайшим рескриптом Екатерины II от 28 марта 1775 года грекам устанавливаются значительные, особые для того времени льготы и привилегии<sup>1</sup>.

В условиях потенциальной опасности нападения на прибывших переселенцев со стороны татар не Керченская крепость, а более надежные еникальские стены могли дать приют, защитить на первое время всех прибывших. Поэтому они и были размещены в крепости Еникале, «...поселены при оной»<sup>2</sup>.

По прибытии всех кораблей с переселенцами наиболее остро сразу же встали проблемы жилья, топлива и продовольствия. Разрушенные турками при их уходе, разграбленные татарами жилые дома использовать было практически невозможно. На это обстоятельство в один голос указывают в своих донесениях воинские начальники всех рангов.

Для того чтобы обеспечить жизнедеятельность прибывших и расквартированных в Керчи и Еникале воинских частей, снабдить их продовольствием, топливом, строительными материалами и многим другим, требовалось установить сообщение морем между Еникале, Петровской крепостью и Таганрогом, на чем и настаивало местное российское командование: для «...полков в Керчи и Еникале пребывающих,

<sup>1</sup> РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 487, л. 13–17; ф. 1286, оп. 1, д. 131, л. 3–5.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 202, ч. 4, л. 66.

необходимо хотя казенным коштом все потребное искупить, нужно отправить посредством флотилии... но без того крайне оным трудно...»<sup>1</sup>

Однако создание данной транспортной коммуникации в то время было непростым делом. Посетивший в 1773 году Петровскую крепость, располагавшуюся на побережье Бердянского лимана, а также порт Таганрог академик Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедт писал об этом: «Плавание из Таганрога в Еникале... трудно, потому что для него нужны два ветра, вначале восточный, потом северный»<sup>2</sup> Согласно его свидетельству, при перевозке грузов от Петровской крепости в Керчь-Еникале, можно было плыть при одном северном ветре, так что на весь путь затрачивалось всего лишь 16 часов. Однако трудность сухопутной перевозки товаров от Таганрога до Петровской крепости сводила на нет все имеемые преимущества. Так что до присоединения Крыма к России именно через Таганрог морским путем обеспечивалась жизнедеятельность Керчи и Еникале, расквартированных здесь российских войск, жизненный уровень прибывших туда переселенцев.

По Высочайшему повелению, с середины 1776 года были выделены из состава Азовской флотилии и стали содержаться в Керчь — Еникале «...во всегдашней готовности: восемь транспортных судов... для переправы войск, провианта и лесных припасов»; четыре судна «...для перевозки почты между Еникалем, Петровскою крепостью и Таганрогом», вооруженный фрегат и два морских бота «...для переправы всякого звания людей и других на непредвиденный случай нужд, к прикрытию тех судов».

Следует заметить, что на некоторых кораблях, а также при подготовке и проведении транспортных перевозок с успехом использовались греки-переселенцы, имеющие хорошую морскую подготовку, соответствующий практический опыт. В числе их можно назвать героя Чесменского сражения, поручика, греческого капитана и купца Варваца, переселившегося в Керчь, имевшего собственное судно, выкупленное затем правительством за 5000 рублей для нужд флотилии<sup>3</sup>. Об этом ярком человеке, проживавшем в Керчь — Еникале в 1776–1780 годах, и сделавшем немало для своих соотечественников в самое трудное для них время следует сказать особо. Капитан Варваца вошел в историю России и Греции XIX столетия как известный меценат. Не

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51. С. 17, 44; РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 32, 36.

<sup>2</sup> ЗООИИД. Одесса, 18... Т. 11. С. 266.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 39, л. 38, 44.

случайно о нем написаны книги, ему возведен памятник в Афинах, он навечно остался в памяти народной.

В довершение всех бед по неустроенности быта, зимой 1776 года в крепостях обнаружилась язва, распространению которой в немалой степени способствовали нехватка годных для постоя квартир, большая скученность людей.

Таким образом, можно заключить: несмотря на Высочайшие указы и распоряжения, Керчь и Еникале в полной мере не были подготовлены к приему переселенцев, к содержанию потребного количества российских войск; имеющиеся трудности в немалой степени объясняются сложностью обстановки в Крыму, недоброжелательностью татарского населения, разжигаемой сторонниками османской империи, мусульманским духовенством, агентами турецких властей, засылаемых в Крымское ханство, а также соперничающими между собой группировками, борющимися за власть; имеющиеся в Керчь-Еникале условия и возможности не позволяли в полном объеме выполнение положений рескрипта Екатерины II от 28 марта 1775 года, что вызывало недовольство и возмущение многих греков, посчитавших себя обманутыми. Обстановка усугублялась также и тем, что, по мнению руководства Греческого (Албанского) войска, оно не всегда и не во всем находило взаимопонимание и поддержку со стороны керчь-еникальских военных властей, отсюда отношения между ними стали весьма натянутыми, особенно когда комендантом крепостей являлся генерал-майор Н. В. Борзов<sup>1</sup>.

Перечисленные трудности, невыполнение некоторых пунктов Рескрипта и особенно отсутствие необходимого жилья стали, вероятно, основными причинами, побудившими греков неоднократно обращаться с жалобами к князю Г. А. Потемкину. Перевод одного из таких посланий, датированного октябрём 1775 года, обнаружен в Российском Государственном военно-историческом архиве (РГВИА)<sup>2</sup>.

В силу того, что жалобы в адрес Г. А. Потемкина быстрого и желаемого эффекта не дали, неудовлетворенность некоторых греков своим положением стала принимать иные, более активные формы. Так, стихийным проявлением законного недовольства греков стали побег из Керчь-Еникале уже летом 1776 года.

Согласно рапорту полковника Репнинского, командовавшего Кинбурнскими укреплениями, у него объявилось 1 июня 1776 года

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 36, 37.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 48, ч. 1, л. 20.

«...бежавших из Керчи и Еникаля арнаутов три человека»<sup>1</sup>. Как выяснилось в ходе сразу же начавшегося разбирательства, всего из крепостей ушло 230 человек, рассеявшихся затем по Крыму<sup>2</sup>. Часть из них в количестве 56 человек остановилась в Перекопе и стала ждать своих посланцев, направленных в Кинбурн к коменданту крепости.

Выразив «усердное раскаяние» за свой поступок, греки осведомились у полковника Репнинского, «...будут ли впущены здесь в границу» для принесения жалобы, что «могут ли они рассчитывать на доброе отношение местных властей?»<sup>3</sup>

На свой страх и риск Репнинский весьма доброжелательно принял беглецов, выделил для парламентаров продовольствие и одного из них отправил обратно в Перекоп, «...чтобы протчих посредством моего обещания зазывал... ежели недостаток иметь будут в прокормлении». Для переговоров с беглецами был немедленно направлен один из архимандритов албанского войска с целью «...угговорить... бежавших о принятии всем им пути в крепость Белевской»<sup>4</sup>, являвшейся в тот период административным центром недавно учрежденной Азовской губернии. Именно здесь размещалась губернская канцелярия и резиденция Азовского губернатора генерал-майора В. А. Черткова, уполномоченного решать текущие вопросы, возникающие проблемы.

Губернатор предполагал в случае удачного завершения миссии архимандрита «...сам их (т. е. греков. — Ю. П.) соглашать к поселению при Таганроге»<sup>5</sup>. Однако этого не произошло. Когда архимандрит Николе и поручик Еродиматос прибыли к месту пребывания беглецов и от имени российских властей заверили их, что те «...во всех требованиях удовлетворены будут и что снабжены будут на путевой поход всем надлежащим, а по прибытии туда (т. е. в Таганрог. — Ю. П.) ... доставятца им все заслуженное жалованье, так как на содержание их сумма ассигнована в Азовскую губернию»<sup>6</sup>. На что от греков, которых к тому времени у Репнинского собралось до 90 человек, получен был следующий ответ: «...на все они согласитца не могли представляя, что для них место здешнее к продолжению их службы весьма способное и как, обид никаких не терпит, то и навсегда желают остатца здесь на всем том

<sup>1</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 17.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 17.

<sup>3</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 17.

<sup>4</sup> Там же. Л. 17, 18.

<sup>5</sup> Там же. Л. 17, 18.

<sup>6</sup> Там же. Л. 19.



положении как их сотоварищи пользуются»<sup>1</sup>. Даже то обстоятельство, что им в данных условиях на некоторое время может быть задержка в получении жалования «по отдаленности», не остановило беглецов, не изменило их решения. «Здесьнее место», где пожелали остаться, поселиться архипелагские греки, называлось Збурьевским ретраншаментом и располагалось неподалеку от крепости Кинбурн, вблизи Днепровского лимана на границе Российской империи и Крымского ханства. Другая часть бежавших в тот период из Керчи и Еникале в Кефе, в Козлове села на торговые корабли и отправилась в Варну и Константинополь.

Очередной рапорт полковника Репнинского, уже от 10 июля 1776 года сообщает командованию о еще одной группе рядовых и офицеров Албанского войска, численностью 130 человек, покинувших в середине июня Еникальскую крепость. По его докладу «одна партия отделилась в Кефу, другая в Балаклаву», в Кинбурн прибыла третья, «...в количестве 53-х человек под командованием поручика Дмитрия Коста», с просьбой к полковнику Репнинскому «...продолжить службу при Збурьевском ретраншаменте»<sup>2</sup>.

Таким образом, несанкционированно, стихийно, но по желанию самих греков, с вынужденного согласия властей возникло два новых поселения из числа архипелагских греков в Кинбурне и Збурьевке, куда вскоре стали прибывать и их семьи.

По письменному утверждению генерал-майора Феодосия Ревелиоти, с 1809 по 1831 год командира Балаклавского греческого пехотного батальона, в 1776 году до 700 воинов из бывшего Греческого войска разными путями возвратились в Грецию «...искать у Порты прощения, кои все там и погибли»<sup>3</sup>.

Любопытно, что со стороны Российского военного командования к беглецам из Керчи и Еникале после обязательных допросов никаких репрессивных мер не предпринималось. В то же время военнотружущие российских войск, самовольно оставившие в тот период свои части, именовались в документах дезертирами. Для их поимки отряжались специальные отряды в Крым и приграничные с ним области. Пойманных всегда ожидали суд и самое суровое наказание.

Лояльная позиция по отношению к военнотружущим Албанского войска, на наш взгляд, объясняется следующим образом: во-первых,

<sup>1</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 19.

<sup>2</sup> Там же. Л. 21.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 36.

самим статусом иррегулярности войск, во-вторых, при возникновении нового военного конфликта с Османской империей Россия надеялась на поддержку греков и других угнетенных народов. Поэтому наносить обиды воинам, уже отличившимся в боях на стороне российских войск, было неразумным, могло сыграть отрицательную роль в будущем, в-третьих, политикой поощрения, поддержки переселения греков-единоверцев на вновь завоеванные земли. В этих условиях репрессивные меры к греческим воинам были бы восприняты негативно, создавали бы отрицательное отношение к россиянам и к ее политике на Балканах, в Архипелаге, что, несомненно, было бы на руку турецким властям, в-четвертых, власти, командование хорошо понимали причины данного явления, чем конкретно вызывались побеги греков и во многом чувствовали, осознали свою вину и ответственность за медленное и неполное выполнение Высочайших решений и данных грекам обещаний.

Вместе с тем целесообразно все же поглубже разобраться в конкретных причинах и обстоятельствах, побуждавших переселенцев покидать Керчь и Еникале, искать себе пристанище в других местах Крыма, Причерноморья, Приазовья.

Копии рапортов по результатам данных расследований, отправленных Г. А. Потемкину, вскрывают реальную картину. Офицеры и рядовые Албанского войска жаловались на невыполнение многих статей Рескрипта от 28 марта 1775 года, прежде всего на то, что вопреки обещаниям не была осуществлена перевозка родственников и имущества в Крым, медленно строились дома для переселенцев, нерегулярно выплачивалось установленное жалованье, не всем отводилась земля, медленно создавались необходимые условия и предпосылки для развертывания торговли.

Так, говоря о задержках в выплатах денежного содержания, один из допрашиваемых греков заявил следующее: «...жалование велено производить на каждый месяц по два рубля и сорок копеек, которого они с прибытия получили за два месяца, а напоследок за 5 месяцев сряду не получали, через которое время весьма прожились так, что свои деньги все избыли и дошли до того, что и жить нечем»<sup>1</sup>. Отпущенной на 1775 год суммы 50 тысяч рублей на содержание греческого войска явно не хватало<sup>2</sup>, тем более что штатная структура войска требовала несколько больших в сравнении с российскими частями выплат денежных средств

<sup>1</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 18.

<sup>2</sup> ЗООиД. Одесса, 1872. Т. 3. С. 210.

личному составу. Ибо здесь имелось много мелких подразделений и значительно большее число начальствующего состава. Офицеры в тот период составляли до 9 % всей численности войска<sup>1</sup>.

По прибытии воинов-греков комендант Керчи и Еникале генерал-майор Н. В. Борзов безуспешно предлагал укрупнить «малые команды»<sup>2</sup>. В своем рапорте князю Потемкину от 15 июня 1775 года он указывал, что выплаты командному составу поглощают большую часть отпущенных средств и от этого страдают рядовые: «От 5 прошлого июня Ваше сиятельство между прочим... предписать изволили о выдаче албанцам определенного жалование... оное конечно получают в чем бы и вняли некоторое терпение, но как... начальник их и прочия афицеры неотступно просят, то нижние их чины не имея ниоткуда кроме единого провианта никакого довольствия, в пропитании претерпевают крайнюю нужду... но и соли на что купить не имеют»<sup>3</sup>. О заметно худшем, по сравнению с офицерами, положении в Керчи и Еникале греков из числа рядовых свидетельствует тот факт, что в Збурьевке оказались в основном рядовые. Из 130 прибывших военнотружущих офицеров там было лишь четверо: один капитан, два поручика и один прапорщик, греческий священник<sup>4</sup>. Проволочки и задержки в выплате сумм на содержание войска во многом следует связать с неразберихой, сопутствующей становлению административного устройства вновь приобретенных земель Приазовья. Ведь только 14 февраля 1775 года Высочайшим указом была образована Азовская губерния, в состав которой вошли крепости Керчь и Еникале. Управление Азовской и Новороссийской губерниями осуществлялось Г. А. Потемкиным в основном из Петербурга, лишь в июле 1775 года туда были назначены губернаторы.

Видя нехватку средств на обустройство греческих переселенцев князь Г. А. Потемкин 9 июля 1776 года обращается к Екатерине II с просьбой увеличить ассигнования на нужды греков. «...Приемлю смелость, — пишет он, — поднести к Высочайшему рассмотрению краткую ведомость о потребной для них (греков. — Ю. П.) по настоящему числу людей сумме, как к ежегодному отпуску, так и единовременно на построение всех нужных зданий...»<sup>5</sup> Следует заметить, что просимые суммы были утверждены. С 1776 года ежегодно на содержание греков

<sup>1</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 202, ч. 3, л. 1, 2.

<sup>2</sup> Там же, д. 222, ч. 2, л. 72.

<sup>3</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 202, ч. 2, л. 32.

<sup>4</sup> Там же, д. 202, ч. 3, л. 1, 2.

<sup>5</sup> ЗООИИД. Одесса, 1872. Т. 3. С. 210.

в Керчи, Еникале и Таганроге теперь стало выделяться не 50, а 72 тысячи рублей, вместе с этим на строительство одновременно было отпущено еще 64 тысячи<sup>1</sup>, все это в дальнейшем значительно улучшило общее материальное положение переселенцев, сняло многие проблемы.

Особенно много жалоб и обид в Кинбурнском ретраншаменте на допросах высказали греки по поводу нехватки жилья. Так, в допросных листах офицеров можно прочитать, что «...когда они против положенного с ними условия требовали от господина генерал-майора и обер-коменданта Борзова домов для жилья, то на оное им ответ сказал, что здесь им жить не следует, а чтобы шли в Таганрог и там селились»<sup>2</sup>. О причинах напряженного положения с жильем речь уже шла выше. Остро не хватало строительных материалов, средств. В донесениях командования из Керчи и Еникале звучат следующие откровения: «...теперь принуждено очищать такие жилища, в коих обитающие погибли от язвы, и так от стеснения легко может опять открыться...»<sup>3</sup> Предложение же Борзова относительно Таганрога объяснялось тем, что из-за нехватки земли для выделения ее грекам возникла идея часть греческих воинов, по возможности желающих, перевести в Таганрог. Здесь под поселение Албанского войска уже были отведены дома, оставленные прежде расквартированным там казачьим полком.

Серьезное недовольство у переселенцев вызывало распоряжение Борзова не отлучаться из крепостей по своим, даже торговым делам.

Офицеры и рядовые жаловались: «не пускали никуда от мест своих, даже... для покупки съестных припасов, а также у Еникаля дрова в поле, а когда отлучившегося ково поймают, держат под караулом по месяцу и по два»<sup>4</sup>. Устанавливать подобные порядки генерала Борзова, несомненно, вынуждала сложная военно-политическая обстановка в Крыму и статус пограничной зоны, поскольку за пределами отошедших к России на Керченском полуострове земель простиралась территория, густо заселенная в тот период враждебно настроенными по отношению к русским войскам татарами Крымского ханства. В условиях политической нестабильности, открытого недовольства Оттоманской порты и ее сторонников условиями Кючук-Кайнарджийского мира любой

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 82, 83; Загорский Е. А. Военная колонизация Новороссии при Потемкине. Одесса, 1913. С. 31.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 18.

<sup>3</sup> ИТУАК, Симферополь, 1914. № 51. С. 45.

<sup>4</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 1, л. 18, 19.

конфликт мог стать началом новой войны. Этим и объясняются суровые порядки, установленные в Керчи и Еникале, которые вызывали бурный протест, возмущение греков — людей эмоциональных, нетерпеливых, с предубеждением, недоверием относящихся к мусульманам, всегда готовых пойти на конфликт с ними.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что положение российских войск, расквартированных в Керчи и Еникале, было также не менее трудным и тяжелым. В различных документах того времени встречаются многочисленные жалобы на нехватку жилищ, отсутствие дров<sup>1</sup>. Последнее особенно тяжелым бременем ложилось на семьи, на личные средства военнослужащих, которые вынуждены были на собственные деньги покупать для отопления у татар кизяк. Не случайно, что по поводу отопления военной коллегией было подготовлено даже специальное представление на Высочайшее имя, в котором испрашивалось дополнительное пособие в размере 500 рублей на покупку топлива для крепостей<sup>2</sup>.

Следствием тягот, вызывавших болезни, имела место значительная убыль личного состава Азовского и Троицкого пехотных полков, размещенных в Керчь-Еникале. Так, в 1771 году только в одном Азовском полку со списочным составом около 1200 человек умерло 223 человека, в 1772 году — 369, в 1773 году — 147 солдат и офицеров, в 1774 году — 90, в 1775 году — 37 воинов, в 1776 году — 16 человек. Несмотря на ежегодное общее сокращение числа смертей, процент смертности в российских полках от болезней по-прежнему оставался исключительно высоким. (Для сравнения — в том же Азовском полку во время сражений с татарами в 1778 году боевые потери составили всего пять человек)<sup>3</sup>. Высокая смертность среди воинов в частях, дислоцированных в Керчь-Еникале, чрезвычайно беспокоила командование, правительство, и была содержанием многих докладов императрице. По этому поводу принимались необходимые меры, но они не всегда давали ожидаемый эффект.

Понимая, что кардинально разрешить все проблемы, связанные с пребыванием в гарнизоне греков, здесь в Керчь-Еникале, он не в состоянии, комендант Борзов летом 1776 года срочно направляет в Санкт-Петербург одного из майоров греческого войска Константина Чапони с подробнейшим донесением в адрес президента Военной коллегии

<sup>1</sup> ИТУАК, Симферополь, 1914. № 51. С. 44, 45.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 48, ч. 1, л. 91.

<sup>3</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 165, ч. 1, л. 294–295.

Г. А. Потемкина с просьбой обратить внимание на чрезвычайно бедственное положение архипелагских переселенцев<sup>1</sup>.

Многочисленные сигналы, видимо, достигли своей цели, так как стали делаться более решительные попытки поправить положение, решить судьбу прибывших в Крым греков. Было решено четче определить правовое положение, а также статус Греческого войска. 9 июля 1776 года Г. А. Потемкин письменно обращается к Екатерине II с докладом и просьбами по поводу архипелагских переселенцев, в котором сообщал, что «...состоит по ныне в Керчи и Ениколе служащих штаб- обер- и унтер-офицеров и рядовых с священниками 1034 человека; неслужащих поселян с их детьми при одном определенном над ними враче 202, а всего 1236 человек. При Таганроге с штаб и обер-офицерами 43, неслужащих 15, а всего 54 человека»<sup>2</sup>. О бежавших, а также разместившихся в Кинбурне и Збурьевке греках императрице ничего не сообщалось. На основании Указа Екатерины II на содержание войска, на постоянное жалованье и провиант, как это уже указывалось выше, казна стала отпускать 72 тысячи рублей ежегодно, что значительно улучшило денежное содержание всех категорий личного состава Греческого войска, был усилен контроль за выполнением и других положений Высочайшего рескрипта.

2 августа 1776 года Потемкин, опираясь на согласие императрицы обращается к архипелагцам с письмом, целью которого, как это сказано в преамбуле, являлось: «... устремлять все силы и возможности к успокоению в пределах Ея Императорского Величества сих прославленных воинов, доставлением им наилучших к жизни выгод, дабы пользуясь оными ощутительно познали они истинную цену человеколюбивых и матерних обладательницы своей об них попечений».<sup>3</sup>

От имени императрицы Г. А. Потемкин строго предписал генерал-майору Борзову, азовскому губернатору Черткову «...чтоб, впредь до совершенного об них положения, по долгу хозяйства употребить возможные способы: 1) о продовольствии всех прибывших в Керчь и Ениколь на поселение жизненными припасами и таким жалованием, какое они в бытность при флоте на берегу получали; 2) о построении по утвержденному плану домов и гостинного двора; 3) о основании порядочного госпиталя и аптеки, а для воспитания малолетних детей училища; 4) о предохранении селения их от заразы учреждением

<sup>1</sup> Там же. Д. 106, ч. 2, л. 20.

<sup>2</sup> ЗООиД. Одесса, 1872. Т. 3. С. 210.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 254, л. 24, 25; ЗООиД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 216–217.

строного карантина; 5) о свободной их без пошлин торговле...»<sup>1</sup> По сути это был план конкретных действий и указания по его выполнению. Командованию было разрешено отпускать греков на родину за своими близкими, так как в ходе переселения Албанского войска на кораблях российского флота в Керчь-Еникале не всем удалось сразу же вывести свои семьи, родных и близких. Теперь же, после их обустройства на новом месте, многим офицерам и рядовым стали предоставляться длительные отпуска для перевозки в Крым, Приазовье своих семейств. Так, например, на ноябрь 1779 года в «дальних отлучках» числились — 28 офицеров, сержантов, капралов и рядовых войска<sup>2</sup>. О порядке разрешения выезда за семьей можно судить исходя из Ордера Г. А. Потемкина на имя Правителя Таврической области Каховского от 30 января 1787 года за № 242 «...Бывшего греческого пехотного полка поручика Дмитрия Коринфия по просьбе его для вывозу в Тавриду своей фамилии и родственников, живущих в турецкой области в провинции Аммореи, извольте Ваше превосходительство с надлежащим пашпортом на полгода уволить»<sup>3</sup>.

Следует при этом заметить, что за вывоз своих семей в Россию греки всемерно поощрялись, а иногда, с учетом особых обстоятельств, и награждались очередными чинами, должностями. Так, в своем Ордере на имя правителя Таврической области Г. А. Потемкин в июне 1786 года извещает: «...Бывшего при Албанском войске сержанта грека Панаиота Кудрояне за ревностную и усердную его в бывшую турецкую войну службу и вывоз на своем коште своего семейства из Турции в Таганрог, произвел я прапорщиком в албанские войска, коего и рекоменду Вам в оное причислить»<sup>4</sup>.

Исходя из складывающихся обстоятельств «...малой округе земли, принадлежащей упомянутым двум крепостям (Керчи и Еникале. — Ю. П.)», архипелагским грекам стало предлагаться переселение, если пожелают в район Таганрога, в поселок оставленный казачьим полком. С этим предложением обращается к архипелагцам светлейший князь Г. А. Потемкин: «...Если кто по собственному произволу поселиться там пожелает, то получит построенный из казны дом, и в образе жизни своей теми же самыми выгодами и вольностями пользоваться будет, — пишет он, — как и прочия поселившиеся в Керчи и Еникале, в чем,

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 220, ч. 3, л. 1, 2.

<sup>3</sup> ИТАУК, Симферополь, 1886. № 4. С. 23.

<sup>4</sup> ИТУАК, Симферополь, 1888. № 6. С. 15.

однако ж, отдаю собственной их воле»<sup>1</sup>. Таким образом, на греков войска, решивших переселиться в район Таганрога, были распространены льготы и привилегии, установленные для керчь-еникальских греков. Уже осенью 1776 года первые желающие начали новое переселение. Любопытно, но, несмотря на все тяготы первого периода жизни в Крыму, вынужденные переселения, большая часть войска не потеряла веру в Россию, желания исполнять воинские обязанности, готовности с оружием в руках служить своей новой родине и вместе с тем заниматься земледелием, разведением садов и виноградников, торговлей. Поэтому, жалуясь князю Г. А. Потемкину на многочисленные трудности и неудобства, офицеры и солдаты Албанского войска обязательно подчеркивали, что они «...служить ея императорскому Величеству не откажутся»<sup>2</sup>.

Очень скоро войску предоставилась возможность на деле продемонстрировать свою преданность российскому престолу, свои воинские качества. В декабре 1777 года, подстрекаемые протурецки настроенной знатью, константинопольскими эмиссарами и фанатичными муллами, в Крыму начался антироссийский бунт татар. В его подавлении в составе российских войск совместно с керченско-еникальскими Азовским и Троицким полками приняло участие и Албанское войско, «...до 600 человек», из числа оставшихся к тому времени в Еникале<sup>3</sup>. Их боевая деятельность, воинское мастерство и мужество при подавлении мятежа были высоко оценены командованием.

Так, в аттестате генерал-майора П. С. Потемкина, выданного войску в апреле 1778 года, подчеркивается, что греки успешно действовали, «...очищая горы от самой Кефы чрез Качу и до Янисуля...», отличились потом в 4-х атаках, «...а именно при деревне Бейсале, в деревне Илисуле при поражении нурадин-султана», а затем «...на Каче за Бакчисараем, и наконец в Черкес-Кермене...»<sup>4</sup>. Этим же документом П. С. Потемкин особо удостоверял, что «...невозможно иметь более мужества, отважности и усердия к службе, колико оное войско изъявило»<sup>5</sup>.

Высказывает не менее лестные слова и оценки греческому войску также и командующий российскими войсками князь, генерал-поручик А. А. Прозоровский, впоследствии генерал-фельдмаршал, говоря о том,

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 254, л. 25; ЗООиД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 217.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 19.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 36.

<sup>4</sup> ЗООиД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 218, 219.

<sup>5</sup> ЗООиД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 218.



что греки «...во всех сражениях с бунтующими...», «...дрались, от вышняго до нижняго, с отменною храбростью»... доказывали «...при всяком случае... ревностное к Высочайшей службе усердие»<sup>1</sup>.

Весьма показателен в этом плане рапорт генерал-майора П. С. Потемкина к Верховному командованию: «Арнаутские офицеры... достойны за особливую их храбрость воззрения вашей Светлости, не возможно более быть ревности и мужества в войске, сколько они имеются. Прозьба офицеров состоит, чтобы пожалованы были им на их чины патенты; ныне они имея чины званием, не имеют по чинам преимуществ: нижние ж чины не отступно просят высокога представительства вашей Светлости о исходатайствовании им медалей. Февраля 22 дня 1778 года. Бакчи-Сарай»<sup>2</sup>.

После воцарения в Крыму относительного спокойствия греческое войско весной 1778 года возвращается к месту своей основной дислокации в Еникале. Однако вскоре еще 76 человек из них перебираются в Таганрог и Херсон<sup>3</sup>.

В районе Таганрога греки, получив земельные наделы, быстро обживались. Они построили дома, церковь, биржу, развели сады и виноградники, построили мореходные торговые суда, распространили сложившуюся здесь торговлю<sup>4</sup>.

Таким образом, прибывшие для поселения в Керчь-Еникале архипелагские греки все более приобщались к мирной жизни, постепенно расселяясь в Кинбурне, Збурьевке, Таганроге, Херсоне и других местах Крыма, Северного Причерноморья, Приазовья. Некоторые из них отошли от воинской службы «...суть поступили в купечество и мещанство»<sup>5</sup>, хотя большинство все же оставалось в списках войска, по-прежнему несло воинскую службу.

В сложившихся условиях была необходима серьезная реорганизация Греческого войска, которое в боях в Крыму подтвердило делами в мирное и военное время «право на признательность русского правительства», и его следовало высказать воинскому соединению единоверцев, «...оказавшему так много услуг».

В проекте, представленном Екатерине II президентом Военной Коллегии князем Г. А. Потемкиным, было предложено следующее:

<sup>1</sup> ЗООИД. Одесса. 1844. Т. 1. С. 218, 219.

<sup>2</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 165, ч. 1, л. 164.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 37.

<sup>4</sup> Там же. Д. 906, л. 2; ф. 1286, оп. 1, д. 146, л. 47, 48.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 82.

«...Из Албанского войска по собственному их желанию» и «... собственной их пользе» сформировать греческий пехотный полк<sup>1</sup> из 12 рот, штатной численностью в 1762 человека.

Как видно из документов того времени, цель создания данного полка «...была, без сомнения, та, чтобы, с одной стороны, вознаградить службу тех греков, кои в Архипелаге сражались за Россию и доставить им пристанище, а с другой, чтобы посредством их умножить и число полезных поселян»<sup>2</sup>.

3 августа 1779 года императрица утвердила проект Военной Коллегии, предоставленный его президентом князем Г. А. Потемкиным.

Формирование греческого пока было поручено полковнику Дмитрову, штаб-квартирой определен форштадт г. Таганрога. Именно здесь и шло его комплектование с 1779 по 1783 год. По состоянию на сентябрь 1779 года в списках Албанского войска числилось 1011 человек. Из них 102 офицера, которые и должны были составить костяк, основу вновь образуемой греческой воинской части. Из списочного состава в Керчь-Еникале размещалось 592 человека, в Таганроге — 288, в Збурьевском ретраншаменте — 130 солдат и офицеров, из которых 28 человек находились «в дальних отлучках»<sup>3</sup> (в поездках за своими семьями и близкими).

Большинство воинов Греческого войска решило и впредь продолжить свою ратную службу и вступить в формируемый греческий пехотный полк. Однако его формирование оказалось непростым делом, и командованию части пришлось столкнуться с рядом существенных трудностей и препятствий: **во-первых**, ряд греков не высказал желаний переезжать в Таганрог, уже обжившись, достаточно прочно осев в Керчь-Еникале, в Збурьевке, Херсоне и других местах, обзаведясь домами, хозяйством, развернув торговые дела и т. п.; **во-вторых**, греки постарели и просто не хватало теперь вполне здоровых, достаточно молодых людей, отвечающих требованиям, установленным для поступления в регулярную российскую армию; **в-третьих**, большинство греков не устраивал статус регулярности создаваемого греческого пехотного полка, они хотели служить только в иррегулярной воинской части, не имеющей твердой и постоянной организации, с тем чтобы обрести больше свободного времени,

<sup>1</sup> ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 220, 221; РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 84.

<sup>3</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 202, ч. 3, л. 1, 2.

условий для занятия мирным трудом: земледелием, садоводством, ремеслами, торговлей и т. д. Тем более, что по указу Екатерины II греки имели преимущественное право в вопросах пользования землей, прилегающей к Керчи-Еникале, к Таганрогу, что давало большие возможности, создавало условия заниматься сельскохозяйственным производством, торговлей, чем греки и пользовались достаточно широко.

Таким образом, многие архипелагские греки, в свое время вынужденно взявшие в руки оружие, осознали теперь вкус мирной трудовой жизни и не торопились с ней расстаться. Они не хотели идти в регулярную воинскую часть и поэтому в Таганрог не спешили, несмотря на указания.

Среди греков распространился слух, что местными властями от них утаивается указ императрицы, жалующий грекам земли под Таганрогом «для поселения вечно, без взыскания з жителей в службу военнослужащих»<sup>1</sup>.

Полковник Дмитров, отстаивая решение о создании регулярного воинского формирования, писал: «...ибо есть ли где дается албанцем земля и вольность», то и войска тогда «...ни под каким видом набрать будет невозможно»<sup>2</sup>. И он, несомненно, во многом был прав. Расхождение во взглядах на статус и будущее создаваемого полка влекло за собой отказ части военнослужащих Албанского войска переселяться в Таганрог, вступать в новую греческую воинскую часть, входящую в состав регулярных войск.

Для решения возникших проблем, выяснения обстоятельств персонально по каждому отказнику при греческом пехотном полку учреждается специальный военный суд, документы которого сохранились в Военно-историческом архиве и требуют еще своего тщательного изучения<sup>3</sup>.

После многочисленных трудных разбирательств и различных согласований решено было уступить просьбам большинства греков, сохранить принцип иррегулярности в отношении создаваемого греческого пехотного полка. И этим конфликт в комплектовании полка в основном удалось уладить.

Под влиянием данных обстоятельств большинство архипелагских греков перебирается в Таганрог, где начинает вновь обустроиваться.

---

<sup>1</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 222, ч. 2, л. 4.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. Л. 4–6.

В силу этого численность греков-переселенцев в Керчи и Еникале резко сокращается. На 1 апреля 1781 года в обеих крепостях числилось лишь 107 человек из состава бывшего Греческого войска, среди них было 16 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров и капралов, 61 рядовой — мушкетер<sup>1</sup>.

По сути, оставшаяся одна рота уже не имела серьезного значения в обороне Керчь-Еникале как военная сила (Для сравнения можно сказать, что дислоцирующиеся в Керчи-Еникале российские полки имели в своем составе: Азовский — 1367, Троицкий — 1280 человек, во вновь сформированном здесь российском пехотном полку числилось 1808 воинов.)

Со временем все больше мирный труд — занятие земледелием, рыболовством, садоводством, ремеслом, торговлей — становится главным в повседневной жизни архипелагских переселенцев из состава бывшего Албанского войска, оставшихся в Керчи и Еникале. Они, по сути, и явились основой гражданского населения данных городов, особенно после перевода в 1784 г. из Керчи и Балаклаву сформированного в Таганроге греческого пехотного полка, временно дислоцировавшегося затем в Керчи. Именно в Балаклаве греческий пехотный полк начал свою славную службу по охране южного берега Крыма и завершил ее с почетом в 1859 году<sup>2</sup>.

Следует заметить, что проект создания греческого пехотного полка, утвержденный Екатериной II, по уже названным и другим причинам в полном объеме осуществлен не был. В полку вместо 12 было сформировано 8 рот, носивших названия: Афинская, Спартанская, Коринфская, Македонская и др. Численность его не превышала в тот период 850 человек. До 1797 года полк находился в непосредственном ведении новороссийских генерал-губернаторов и нес в основном кордонную службу, участвуя во всех русско-турецких войнах, всегда числился в составе иррегулярных войск. С 1797 года, став батальоном, он был подчинен военному ведомству<sup>3</sup>.

Личный состав полка, семьи офицеров и солдат, вновь прибывающие беженцы составили греческое население Балаклавы, а также сел вокруг нее.

Следует отметить, что некоторые из оставшихся в Керчь-Еникале греков продолжили свою службу в различных должностях

<sup>1</sup> Там же. Д. 251, ч. 6, л. 2.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 383, оп. 22, д. 33098, л. 4.

<sup>3</sup> Там же. Л. 1–4; ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3, 5.

гражданского и военного ведомств: в карантинных заставах, в таможенных, в лощманской службе, в городском магистрате, других органах местного управления, на кораблях торгового и военного флота и т. д. Они успешно трудились на государственной службе с конца XVIII до начала XIX столетия.

Среди них можно назвать коллежского асессора Константина Ламброса, работавшего переводчиком греческого и турецкого языка в карантине и таможене, лощмана в чине прапорщика Янида Кирьякоса, лощмана поручика Антона Вальсамаки, цолнера Еникалийской карантинной заставы отставного поручика Лукакиуса, полицмейстера в г. Керчь титулярного советника Ивана Анастасии и многих других<sup>1</sup>.

Некоторые переселенцы, проявившие особое усердие и старание, показавшие профессиональные знания и качества, награждались, повышались в чинах, назначались на более высокие должности. Об этом мы можем судить на основе сохранившихся документов. Так, например, в Ордерах князя Г. А. Потемкина-Таврического за 1789 год имеются распоряжения: «...еникальской таможенной заставы цолнер Юрий Морант, за усердие должности своей исполнение...», «...переводчики Гастан Фасардиес, Ангели Степанов за отличное усердие их к службе»... «произведены мною сего числа прапорщиками, которые чины прикажите им объявить, привести оных к присяге...» Помощнику при директоре карантина Николаю Болдани «...за добросовестную его службу 12 сентября 1785 года дан чин титулярного советника»<sup>2</sup>. И такие примеры можно продолжить. Греки-иммигранты 1775 года, как правило, старательно и ответственно выполняли свои должностные обязанности, стали полноправными жителями Керчь-Еникале.

Таким образом можно заключить: прибывшие в Керчь-Еникале на поселение архипелагские греки, стремились сохранить свою воинскую структуру, со статусом иррегулярного войска и обязанность нести военную службу не только в военных, но и в мирных условиях, а также право заниматься мирным трудом в свободное от службы время, что и было подтверждено указом Екатерины II в 1775 году.

Серьезные трудности и тяготы первых лет пребывания вне родины в целом не сломили греческих переселенцев, хотя некоторые из них

<sup>1</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1804, с. 266; Общий список служащих в Адмиралтейской зависимости. СПб., 1804. С. 44.

<sup>2</sup> ИТУАК. Симферополь, 1885. № 13. С. 23, 29; 1905. № 37. С. 28; № 3. С. 8, 2.

вернулись обратно на родину, где стали жертвами преследований, мести турецких властей;

Воины Греческого (Албанского) войска в силу различных обстоятельств и причин вскоре расселились в ряде мест Крыма, Северного Причерноморья, Приазовья, образовав целый ряд крупных греческих поселений: в Керчь-Еникале, Збурьевке, Таганроге, Херсоне<sup>1</sup> и после 1784 года в Балаклаве.

Названные поселения архипелагских греков стали притягательными центрами для новых переселенцев, прежде всего для их родных, близких, знакомых, что обеспечивало приток, постоянный численный рост населения в этих национальных колониях, который продолжался достаточно активно до 20-х годов XIX столетия.

Греки не утратили своей национальной самобытности и культуры, своей духовности, бережно сохраняли язык, веру, традиции и обычаи своих предков, национальные праздники, обряды, основные элементы национального быта, традиционные ремесла и занятия;

Отношения с местным населением — россиянами, украинцами и другими народами-единоверцами, с российскими войсками, властями — строились греческими переселенцами обычно на принципах равноправия, взаимопонимания, доброжелательства, добрососедства. Греки активно пользовались установленными для них льготами и преимуществами. При необходимости они твердо и принципиально отстаивали свои права и привилегии, стремились честно и в полном объеме выполнять принятые на себя обязательства по службе, возложенные на них должностные обязанности.

Правительство, местные власти всемерно стремились приобщить греков к земле, к земледелию, особенно к садоводству и виноградарству, всячески поощряли национальные ремесла и промыслы, торговую деятельность греков-переселенцев, особенно морскую торговлю.

С формированием в Таганроге греческого пехотного полка, в основном из личного состава бывшего Албанского (Греческого) войска, и ухода его в 1784 году в Балаклаву на постоянную дислокацию, по сути, закончился первый этап жизни в Крыму переселенцев из Архипелага, этап организационно-бытового обустройства, утверждения в новых местах жительства, избранных ими для постоянного поселения. Каждый из греков-переселенцев добровольно избрал занятие и род деятельности себе по душе, по желанию, добровольно определял места дальнейшей жизни, порядок обустройства семейств, с учетом льгот и преимуществ, наличия и качества предоставленной земли.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 20, л. 1–5; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 82, 83.

Архипелагские греки в целом завершили свое расселение к середине 1780-х годов. Они создали свои поселения с традиционным национальным укладом, образом жизни и быта. Постепенно жизнь греков на новой родине вошла в свою нормальную колею, приемлемое для них и властей русло.

## **II. ГРЕКИ В ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЭКОНОМИКЕ КЕРЧЬ-ЕНИКАЛЕ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Буквально в какие-то несколько лет после 1775 года население Керчи и Еникале резко увеличилось, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, градоначальника данных городов, не менее чем до 16 тысяч. Такой заметный прирост можно объяснить прибытием семей архипелагских греков, новых беженцев, а также тем, что в крепости стекались привлеченные объявленными льготами греки со всех концов Крымского полуострова, из Северного Причерноморья. «Сии две греческие колонии представляли вид деятельностный и веселый, — утверждал Вигель в 1827 году, — довольно свежия ямы, где видны остатки камней, служивши основанием домов, показывают, как далеко простиралось заселение двух городов». Чем же и как объясняется упадок колоний архипелагских греков в конце XVIII столетия? Это можно объяснить следующими причинами и обстоятельствами.

Несомненно, определяющую роль в судьбе национального поселения архипелагских греков в Керчь-Еникале, прибывших сюда на российских кораблях в 1775 году, сыграли, во-первых, Высочайшее решение от 3 августа 1779 года о создании в Таганроге греческого пехотного полка и уход в связи с этим из Керчи и Еникале в Таганрог, на его формирование, подавляющего числа наиболее молодых военнослужащих Албанского войска, а затем и их семейств; во-вторых, присоединение в 1783 году Крыма к России и утрата крепостями Керчь и Еникале прежнего военно-политического значения как очага христианства в ханском Крыму, в мусульманском регионе, как ключа к проливу между Азовским и Черным морями.

Это вызвало потерю крепостями былого внимания к себе, а отсюда и резкое уменьшение финансирования, притока необходимых материальных средств, людских ресурсов, сокращение дислоцировавшихся здесь регулярных войск, ненужности различных воинских формирований; в-третьих, уход из Керчи в Балаклаву в 1784 году на постоянную дислокацию греческого пехотного полка, сформированного в Таганроге

в основном из состава бывшего Албанского войска. Вследствие этого в Керчь-Еникале осталось незначительное количество бывших воинов-архипелагцев из числа тех, кто избрал для себя основным мирный труд, сумел обустроиться, привыкнуть к новым условиям жизни, а также бывшие военнослужащие войска, не могущие больше по возрасту и состоянию здоровья продолжать военную службу, решившие избрать Керчь и Еникале местом своего постоянного жительства с тем, чтобы по-прежнему пользоваться предоставленными им землями, распространяемыми на них льготами, преимуществами и привилегиями.

Таким образом, компактные поселения архипелагских греков в Керчь-Еникале, в силу названных обстоятельств, обезлюдели, значительно уменьшились. Выпав из поля зрения политиков и военных, они во многом пришли в упадок, но не исчезли совсем. Греки-архипелагцы сохранили здесь небольшие, но достаточно деятельные поселения, которые в конце 90-х годов XVIII столетия составляли большинство гражданского населения бывших крепостей в Керчи и Еникале.

Необходимо подчеркнуть, что в то время, когда крепости на берегу Керченского пролива (Воспорского, Киммерийского. — Ю. П.) имели еще серьезное военно-политическое значение, играли важную роль в стабилизации обстановки в Крыму, в близлежащих регионах Причерноморья, их жителями и защитниками являлись не только Греческое (Албанское) войско, но и солдаты, офицеры двух российских пехотных полков, донские казацкие команды, экипажи кораблей Азовской военной флотилии, базировавшихся и зимовавших в Керчь-Еникале<sup>1</sup>, и их семьи. По данным 1779 года, гражданское население в этот период составляло «...купцов, мещан и цеховых... разного звания жителей 389» человек<sup>2</sup>.

В указанное время в Керчь-Еникале наблюдался подъем торговли, усиление налаженных связей с Таганрогом, Петровской крепостью, активизация деятельности Керченской и Еникалийской таможенных застав, развертывание торгового мореплавания, начало строительства для этого небольших мореходных судов в Керчи и Таганроге. Все это способствовало превращению Керчь-Еникале в центр морской торговли с портами Черного, Азовского морей и Средиземноморья.

Условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора давали возможность греческим судам плавать под русским флагом. В руках

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, 64, л. 3–6; д. 71, л. 1–6.

<sup>2</sup> ЗООиД. Одесса, 1853. Т. 3. С. 295.



греков оказалась значительная часть русской черноморской торговли<sup>1</sup>. Отличались своей активностью в морской торговле и архипелагские греки из Керчи и Еникале. Среди них особо выделялся своей предприимчивостью командир фрегата «Святой Николай» грек Георгий Карандино, который в 1776–1779 годах, командуя данным кораблем, «...занимался морской коммерцией, плавал из Черного моря в Средиземное и обратно»<sup>2</sup>, осуществлял торговые перевозки различных грузов. О предприимчивости керчь-еникальских греков, их плаваниях в Средиземноморье свидетельствует письмо посланника России в Константинополе Стахиева от 27 августа 1779 года, адресованное полковнику Булгакову, временно замещавшему на посту коменданта крепостей генерал-майора Н. В. Борзова. Стахийев официально настаивал, чтобы комендант «...усугубил свое старание» и попрिдержал «...наших греческих переселенцев», отъезжающих по торговым промыслам и другим делам в Константинополь. Свое требование российский посланник объяснял следующими обстоятельствами: «...Оные (греки из Керчь-Еникале. — Ю. П.) в настоящий свой приезд сюда, хотя по данному от вашего высокоблагородия повелению, вследствие моих предварительных писем и носят платье негреческое, а обыкновенное прямых наших подданных, однако я средств не нахожу к преодалению... со стороны здешнего правительства ненависти и злобы, которые до такой степени теперь дошла, что оное наотрез решительно мне объявило, что оно не в состоянии дать ни малейшего мне удовлетворения в случае причинения от здешних... тем переселенцам какой либо обиды»<sup>3</sup>. «Следовательно, — с озабоченностью заключал посланник Стахийев, — из того не иной нашей пользы ожидать должно, как новых хлопот, а может быть и самой остуды между обеими "Дворами"»<sup>4</sup>.

Нельзя сказать, что морская торговля в тот период была делом очень уж прибыльным для греческих купцов из Керчь-Еникале, для населения крепостей, ибо «свободный и вольный», то есть беспощинный для греков порт так и не был учрежден. Это делало невыгодным легальный ввоз товаров для последующей торговли с татарами Крыма, населением других регионов. К примеру, за привезенный в Керчь-Еникале

<sup>1</sup> Советская историческая энциклопедия. М.: Политиздат, 1963. Т. 4. С. 751.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 52, л. 64; д. 62, л. 197; Общий Морской список, 1890. СПб. Ч. IV. С. 29–30.

<sup>3</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 195, л. 10.

<sup>4</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 195, л. 10, 11.

товар полагалось платить пошлину сначала российской таможене, а также 3 % его стоимости крымскому хану, если данный товар шел затем на крымский рынок и предназначался для подданных хана.

Точно так же все вывозившееся с Керченского полуострова на территорию России, облагалось пошлиной в соответствии с установленным тарифом для Крыма, что вызывало обоснованное возмущение населения крепостей. В силу этого, как видно из документа того времени «О торговле в Керчи и Еникале» (1777 года), была сделана некоторая уступка для населения крепостей, а именно «...для ободрения жителей Керчи и Еникале снята пошлина с вещей потребных для их домашнего употребления»<sup>1</sup>. Однако, как трактует далее указанный документ появились новые трудности, «... из привилегий сей выходит великое злоупотребление вывозом посторонних товаров (т. е. контрабанды. — Ю. П.) на имя жителей»<sup>2</sup>. Поэтому вышеназванный документ, анализируя сложившуюся ситуацию, предлагает в соответствии с рескриптом Екатерины II учредить в Керчи беспошлинный порт. Только тогда, подчеркивается в нем, «...вся торговля Крымская и Таманская обратилась бы к сим местам». Только при этом условии «...греки и другие христиане, приходящиеся из Архипелага, Константинополя и многих других мест по Черному морю, предпочтут без сомнения выгодными сии места как для торговли и для поселения по крайней мере некоторой части своих единоверцев, так и для безопасного пребывания в сих местах и безбедственного владения своим имениям»<sup>3</sup>.

Однако идея свободного и вольного порта осталась все-таки декларативной, благим пожеланием, реализована на практике, к сожалению, не была. Это связано с различными причинами и обстоятельствами, прежде всего экономического и военно-политического характера.

Получившее широкое распространение незаконное, необоснованное, обычно корыстное использование многими купцами, их торговыми кораблями российского флага при плавании по Черному и Азовскому морям, при заключении торговых сделок не только подрывали авторитет России, но и унижали ее государственное достоинство. Этим нередко грешили и греки-архипелагцы. Для наведения порядка Высочайшими указами от августа 1782 и января 1783 года в конце концов были определены строгие правила выдачи разрешений на право подъема российского торгового флага для плавания по Черному и Средиземному

<sup>1</sup> РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 110, л. 73.

<sup>2</sup> Там же. Л. 73, 74.

<sup>3</sup> Там же. Л. 73.

морям, причем только на судах, принадлежащих российско-подданным (к ним относились и архипелагские греки. — Ю. П.). Впредь строго устанавливалось «...дачу Российских флагов на торговые суда, подданных наших, по Черному морю из оногo в Средиземное море плавающих, предоставить Новороссийскому, Азовскому, Астраханскому генерал-губернатору князю Потемкину»<sup>1</sup>.

Указанная мера позволила уменьшить число злоупотреблений, создать условия наибольшего благоприятствия подданным России и в силу этого получить дополнительные средства в казну, уменьшить число контрабандных операций, дала реальную возможность совершенствовать и развивать морскую торговлю в Таганроге, Керчь-Еникале, в Азовско-Черноморском бассейне.

Однако в середине 90-х годов XVIII столетия сокращается не только зарубежная, но внутренняя торговля Керчь-Еникале с Таганрогом, Петровской крепостью, другими торговыми центрами. При этом значительно уменьшился объем торговых операций и сделок, ассортимент предлагаемых и прибываемых в порты товаров. Основными товарами становятся соль, продукция моря: черная икра, прекрасные балыки и т. п., ставшими основной статьёй экспорта архипелагских переселенцев, важным материальным источником их существования.

Несомненно, многие вопросы жизни, быта архипелагцев, а также существования, развития греческого поселения в районе Керчь-Еникале были самым тесным образом связаны с судьбой крепостей, значение которых продолжало неуклонно падать после 1783 года, присоединения Крыма к Российской империи.

Окончательный приговор старинным крепостям Керчи и Еникале, как стратегически важным военным укреплениям был вынесен письмом Светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического Екатерине II от 10 августа 1785 года. «...У пролива Еникольского полагалась прежде крепость, — пишет он, — но ныне найдена ненужною для того, что по широте пролива проходу судам неприятельским препятствовать не можно; ради удержания десантов и верности сообщения с Таманом сделать у Павловской батареи небольшое, но прочное укрепление...»<sup>2</sup> Вскоре, к югу от старинной Керченской турецкой крепости «...в нескольких верстах», неподалеку от Павловской сооружается Александровская батарея. Эти обе батареи, заново построенные, в соответствии с требованиями военной науки того времени,

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 49, л. 31; ф. 227, оп. 1, д. 45, л. 48.

<sup>2</sup> ЗООиД. Одесса, 1872. Т. 3. С. 211–213.

были вооружены современной артиллерией, а в них размещены российские воинские части. В дальнейшем они превратились в единое береговое оборонительное сооружение, в крепость, представляющую собой «...ключ к Воспору и к Азовскому морю»<sup>1</sup>. А потерявшие свое военное значение старые крепости Керчь и Еникале, по сути, были заброшены, стали постепенно разрушаться, хотя первое время представляли собою арсеналы, склады военного и другого государственного имущества. Именно из Еникальского арсенала в 1788 году было выдано около 400 ружей<sup>2</sup> и боеприпасы для вооружения прибрежного населения Керченского полуострова при угрозе турецких десантов в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

В это время по указанию командования была осмотрена и вновь приведена в боевую готовность крепостная артиллерия Керчь-Еникале. С помощью местных жителей проведен ремонт обветшавших крепостей, усилены их стены, береговые противодесантные укрепления<sup>3</sup>. Вооружены были и местные архипелагские переселенцы, привлеченные к несению дозорной службы. Реальная угроза десантов и высадки неприятельских войск исчезла и была полностью снята только после 8 июля 1790 года в результате победного завершения Керченского морского сражения между российской и турецкой эскадрами. В ходе него командующий русскими силами контр-адмирал Ф. Ф. Ушаков, применив новые тактические приемы, разгромил турецкий флот и не допустил намечавшейся здесь высадки вражеского десанта в Крым<sup>4</sup>, захвата Керченского полуострова.

Во всех событиях данной войны керчь-еникальские греки успешно выполняли возлагаемые на них обязанности. Однако, несмотря на это, постепенно внимание к архипелагским переселенцам заметно ослабевало. Более того, местные власти стали забывать о Высочайше дарованных им льготах и привилегиях. Так, например, с греков стали необоснованно взыскивать подати, «...капитальные и подушные деньги», пошлины «...за провозимыя из Таганрога в Таврию товары». Все это вызывало законное возмущение архипелагцев и они вынуждены были 1 июня 1789 года обратиться с письмом к своему покровителю Светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому, в котором информировали его о своем бедственном

<sup>1</sup> Там же. 1885. Т. 13. С. 55.

<sup>2</sup> ЗООиД. Одесса, 1848. Т. 2. С. 766.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 67-69, л. 481–483.

<sup>4</sup> Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 180.

положении. Сообщали о том, что производится «...по недостатку капитала весьма малый торг, от которого едва только можем иметь дневное пропитание»<sup>1</sup>.

Греки просили выполнять все положения рескрипта Екатерины II от 28 марта 1775 года, верноподданнически напоминали о своих заслугах: «...особливо уважьте иностранству нашему за усердную и верную нацию нашу службу, оставление чрез то Отечества и родственников наших, также и не мало понесенные убытки»<sup>2</sup>. Вместе с тем архипелагские переселенцы, и это подчеркивают документы, стремились верой и правдой служить российскому государству, помогать ему, особенно в военное время. «...Они (греки. — Ю. П.) охотно содействуют военным в том краю движениям, — свидетельствовал херсонский военный губернатор, управляющий Новороссийским краем Дюк де Ришелье, — в 1791 году служили они своими лодками для переправы войск, подобно тому в 1809 и 1810 годах перевозили войска на Таманскую пристань... что они и теперь во всякое время перевозят войска, без чего переправа была бы невозможна или слишком затруднена...»<sup>3</sup> Точно так же зарекомендовали себя и архипелагские греки, переехавшие в Таганрог. Как показывают документы, в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 годов таганрогские греки «...на собственных тридцати судах, более тысячи человек из их общества в действительной службе находились»<sup>4</sup>, принимали участие в боевых действиях. Всем этим греки, несомненно, поддерживали свой авторитет, вызвали уважение к себе как у местного населения, так и у властей.

Не случайно в ответ на просьбы греков Керчь-Еникале, а также с целью привлечения сюда новых переселенцев из Греции 30 июля 1795 года был подтвержден указ Екатерины II от 1775 года, которым греки освобождались «от платежей всех вообще податей до истечения льготных лет». Вся земля, примыкавшая к крепостям, передавалась во владение городов для отвода ее «...грекам, живущим в Керчи и Еникале». Вместе с тем для вновь прибывающих сюда отводилось «9000 десятин удобных и 2340 десятин неудобной земли, а всего 11340 десятин»<sup>5</sup>. Рескриптом Екатерины II керчь-еникальские греки получили

<sup>1</sup> ЗООИИД, Одесса, 1885. Т. 13. С. 20-23.

<sup>2</sup> Там же. С. 22, 23.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 24, л. 223.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 383, оп. 29, д. 906, л. 2.

<sup>5</sup> ИТУАК, Симферополь, 1896. № 24. С. 1, 59; № 25. С. 159, 160.

разрешение создать собственный греческий магистрат. Однако он был создан только в 1795 году под названием Воспорского<sup>1</sup>.

Вместе с тем уже тогда было очевидно, что быть основным центром расселения вновь прибывающих в Крым греков-беженцев Керчь-Еникале уже не может в силу происшедших военно-политических и экономических изменений, нехватки земли. И это подчеркнуто указом Екатерины II от 16 ноября 1793 года: «Повелеваем выходящих из владений Турецких в Тавриду и губернию Екатеринославскую греков, армян и других таковых иностранцев препровождать немедленно греков в греческие Мариупольского уезда селения»<sup>2</sup>. Наряду с этим специальные указания от 27 ноября 1793 года полученные правителем Таврической области Жигулиным, предлагали также всех прибывших «...из Архипелага в Тавриду греков, служивших в последнюю войну там и в Средиземном море, причислить в Греческий полк»<sup>3</sup>, то есть направить в Балаклаву.

Однако следовало выполнять рескрипт Екатерины II и от 20 марта 1792 года, в котором повелевается: «Единоверцам нашим»... которые сейчас «...в областях наших селиться делают, назначаем МЫ для обитания их Аджибей с окрестностию..., но если которые из них восхотят поселиться в Тавриде, для таковых указали МЫ отвести землю близь Балаклавы, присоединяя их к обществу греков тамо жительствующих»<sup>4</sup>. Таким образом, о Керчь-Еникале Высочайше уже не упоминалось...

Более того, позднее Павел I своим указом от 13 февраля 1798 года повелел впредь иметь «...к отправлению... торговли... по особому вниманию Феодосию...», то есть назначил ее «первенствующим пристанищем для приезжающих впредь под покровительство российское греков...»<sup>5</sup> Поэтому не случайно, что в последующие 30 лет в Керчь-Еникале прибыло и расселилось всего лишь 30 греческих семей<sup>6</sup>.

В то же время греческое население Феодосии после указа Павла I стало резко увеличиваться. Оживился торговый порт, развернулась активная морская торговля.

---

<sup>1</sup> Арш Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX вв // Советская этнография. 1969. Т. 3. С. 85.

<sup>2</sup> ИТУАК. 1892. Симферополь, № 25. 1896. С. 62.

<sup>3</sup> ИТУАК. 1892. Симферополь, № 15. С. 59, 62.

<sup>4</sup> ЗООИИД. Одесса, 1850. Т. 2, отделение 2-3. С. 660.

<sup>5</sup> Там же. 1862. Т. 5. С. 460.

<sup>6</sup> Полицейский листок Керчь-Еник. градоначальства. 1865. № 21. С. 3.

Количество греков — российско-подданных с началом русско-турецкой войны 1787–1791 годов серьезно возросло. Основываясь на Высочайшем решении, князь Г. А. Потемкин-Таврический в условиях военных действий предписал: «Принять в российское подданство изъявивших на то свое желание турецко-подданных греков». В соответствии с указанным распоряжением начался привод к присяге греков, проживающих, находящихся в Севастополе, Балаклаве, Евпатории, Феодосии, Керчь-Еникале, не имевших официально российского подданства. Среди них были не только уже постоянно жившие в Крыму переселенцы, но и купцы, ремесленники, моряки, которых в портах Крыма застала война. В сложившихся условиях они решили связать свою судьбу с Россией, активно бороться с Турцией, угнетающей их родину<sup>1</sup>.

Это увеличило число греков российско-подданных в городах Крыма. По оценке некоторых исследователей, в конце XVIII — начале XIX столетия в Крыму проживало более 16,5 тысяч греков-старожилов и иммигрантов. Немало их осело в Феодосии, которая все больше становилась центром притяжения греков, желающих заниматься мирным трудом, морскими промыслами, торговлей. Не случайно именно сюда в начале XIX века прибыло из Анатолии более полутора тысяч греческих переселенцев, изъявивших просьбу жить именно в Крыму<sup>2</sup>.

Между тем греческое население Керчь-Еникале, значительно подевшее, все больше приспособивалось к местным условиям, к сложившимся обстоятельствам, наладило свою жизнь, развернуло торговлю, выгодные для себя промыслы.

Академик Паллас, во время своего путешествия по Крыму в 1793–1794 годах, посетивший Керченский полуостров, записал: «За крепостью (имеется в виду старая керченская турецкая крепость. — Ю. П.) на северо-западной стороне, на равнине, окруженной холмами, видно небольшое предместье с базарной площадью, застроенное без всякого плана и неправильно, заключающее в себе жителей до 35 торговцев и сто девятнадцать ремесленников, и все эти жители большей частью — греки, существуют преимущественно рыбною ловлею»<sup>3</sup>. Описывая Еникале, Паллас сообщал: «...Город расположен вдоль берега моря, на юго-восток от крепостей, в нем видно мало порядочных домов и находится один ряд лавок. Население города состоит из 190 душ мужского

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1890. № 9. С. 88.

<sup>2</sup> Расы и народы. Акад. наук. Ежегодник. № 18. 1988. С. 206.

<sup>3</sup> ЗООИИД. Одесса, 1885. Т. 13. С. 55.

пола, большею частью греков; из числа их 53 купца»<sup>1</sup>. На «север от города, — рассказывает Паллас, — вся долина, направляющаяся к морю, была засажена фруктовыми садами, от которых осталось еще и теперь несколько деревьев»<sup>2</sup>. Здесь, указывал ученый, «...находятся несколько источников хорошей воды, от которых проведен был старый водопровод... служащий для проведения в город воды из этих источников...»<sup>3</sup>, частично теперь разрушенный.

Несколько уточняют записи и подсчеты Палласа, но в целом не расходятся с ними клировые ведомости от 1794 года. Согласно им, «в Керчи при Иоанно-Предтеченской церкви дворов — 48, в них душ мужского пола 192, женского пола 163... В Еникале при Успенской церкви, обращенной из мечети, дворов — 66, в них душ мужского пола — 190, женского пола 169». О прихожанах, весьма набожных, сказано, что здесь «купцов 30, мещан — 42»<sup>4</sup>. Керченский приход в этот период возглавлял иеромонах Евфимий, а Еникальский приход иеромонах Герасим, оба — греки-переселенцы, слабо знавшие русский язык.

Позднее в Еникале на средства местных жителей была построена новая каменная церковь, которая в 1799 году, по благословению Христофора, епископа Феодосийского, была освящена как соборная Успенская церковь. В ее ограде «...погребен Анфим, митрополит Монеувасийский, вышедший с прочими греками из Архипелага в 1775 году...»<sup>5</sup>, духовный наставник первых архипелагских переселенцев, который пользовался огромным, непререкаемым авторитетом в Греческом войске, любовью и уважением своей паствы и оставшийся навсегда с ними, в крымской земле.

Главными занятиями греков Керчь-Еникале, по оценке академика Палласа, являлись рыбная ловля и торговля. Они, как указывает ученый, «...налавливают в год рыбы от трех до четырех сот тысяч ок (от 24 до 30 тысяч пудов). Красную белугу (балыки) и желудки ея (Teschi), которые режутся на части, они солят с селитрой и сушат на воздухе; они составляют самую изысканную постную пищу, как в России, так и на греческих островах...»<sup>6</sup>. Указанные продукты моря являлись наряду

<sup>1</sup> ЗООИИД. Одесса, 1885. Т. 13. С. 59, 60.

<sup>2</sup> Там же. С. 59, 60.

<sup>3</sup> Там же. С. 61

<sup>4</sup> ЗООИИД. Одесса, 1885. Т. 13. С. 207, 208.

<sup>5</sup> ЗООИИД. Одесса, 1848. Т. 2. С. 204.

<sup>6</sup> Там же. 1885. Т. 13. С. 62.



с балыками и черной икрой основными статьями экспорта, доходов от торговли местных греков, основой их материального благополучия.

Со временем число постоянных жителей Керчь-Еникале понемногу возрастало, так, по данным «Описания Таврической епархии 1872 года», число христиан (душ) в 1799 году оценивалось: в Еникале мужского пола — 332, женского — 201, в Керчи соответственно 172 и 149<sup>1</sup>. Постепенно в городе росло и число лиц русской и украинской национальности.

Тесные торговые связи керчь-еникальские греки поддерживали прежде всего с городами Крыма и греческими поселениями Приазовья: с Таманью, с крепостью Петровской (расположенной на берегу Азовского моря, в устье реки Берды. — Ю. П.), а также с городами Мариуполь, Таганрог. Сообщение осуществлялось в основном морем, но иногда и сушей. В этом случае использовалась «гужевая дорога» через Арабатскую стрелку, ведущая в крепость Петровскую, общей протяженностью около «340 верст», между тем как расстояние до нее морем от Еникале составляло всего 190 верст. И в благоприятную погоду в крепость Петровскую морем из Еникале можно было прибыть за 20–24 часа<sup>2</sup>. Далее дорога шла от Петровской крепости до Мариуполя. Расстояние составляло 61 версту. От Мариуполя также имелась дорога на Таганрог. Названные морские и сухопутные пути были хорошо освоены греками Керчь-Еникале. Это способствовало расширению связей, развитию торговли, становлению экономики, экономических связей в Крымском и Приазовском регионах, прежде всего обменам производимой продукции, товаров, в том числе и с жителями Средиземноморья, развитию судостроения, мореплавания, международной торговли. То, что расстояние от Керчь-Еникале до Таганрога составляло морем 200, а сухопутным путем — около 400 верст<sup>3</sup>, никого не пугало и не было препятствием в торговых делах и операциях.

Интересна оценка современников, данная архипелагским грекам, поселившимся не только в Керчь-Еникале, Таганроге, но и в других местах Крыма, Приазовья. Она многое раскрывает, объясняет и, прежде всего основные интересы, образ жизни, повседневные заботы и занятия переселенцев: «...греки в разных мастерствах, в разведении садов и виноградов и хлебопашестве...» отличаются «...доброго духа, мужественны и к действиям военным склонны»<sup>4</sup>. С 1773 по 1804 год

<sup>1</sup> Там же. С 211.

<sup>2</sup> ЗООИИД. Одесса, 1853. Т. 3. С. 293, 294.

<sup>3</sup> Там же. С. 295.

<sup>4</sup> Там же. С. 303.

в градоначальстве функционировало Керченское адмиралтейство как экспериментальное Черноморское адмиралтейство, входившее в состав Черноморского адмиралтейского управления. Здесь строились малотоннажные парусно-гребные и ластовые суда, осуществлялся и ремонт кораблей<sup>1</sup>.

В новый XIX век керчь-еникальские греки, несмотря на свои усилия, упорный труд, как подтверждают документы, вступили имея «...весьма умеренные... достатки». Главным занятием их по-прежнему оставались рыбный промысел и торговля. Это отмечается в письме херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье от 14 января 1809 года министру внутренних дел князю А. Куракину. В нем, в частности, говорится, что для греков, жителей Керчь-Еникале, «...промысел их главнейший состоит в рыбной ловле, выделывают балыки и направляют внутрь России, а другую рыбу продают или приезжающим из России промышленникам или приезжающим из-за границы, отпускают на суда. Из сего источника все их прибыли. Торгуют иные заграничными винами и бакалеею; но торг сей не выходит из-за границ городов их, а рыбная торговля не всегда бывает удачна. Из сего следует, — делает вывод губернатор, — что керченские жители не в том еще положении, чтобы на основании последнего о купечестве постановления (Высочайшего манифеста от 1 января 1804 года. — Ю. П.) подвергнуть их установленному платежу. Они не в состоянии платить положенных податей...»<sup>2</sup>

Дело в том, что в 1805 году дарованные архипелагским переселенцам 30-летние льготы, освобождающие их от уплаты податей и другие привилегии закончились. Встал вопрос об объявлении ими рода своей деятельности, о вступлении их в сословия: купечество, мещанство и обложении затем установленными налогами, а также «о взыскании рекрут натурою...»

Учитывая особые заслуги керчь-еникальских греков перед государством Дюк де Ришелье предложил определить архипелагским переселенцам специальный статус «керчь-еникальских греков» и установить для них на некоторое, строго обусловленное время льготные налоги. Высказывая свое мнение, он писал: «...Мне кажется полезным оставить до некоторого времени керчь-еникальских греков просто под названием керчь-еникальских жителей, обложить их умеренными податями не с душ, но с семейств, предоставить им производство торговли...»<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Морской энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1993. С. 49.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 487, л. 1 «б».

<sup>3</sup> РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 487, л. 2.

К тому времени, по сведениям Керчь-Еникальского магистрата, уже были причислены властями из числа оставшихся в живых архипелагских греков, по сути принудительно: «...12 душ в купцы (с капиталом от них объявленным на 24 153 рубля) и 453 души в мещане, у коих 205 фамилий, которые и обложены окладом (купцы, с каждого капитального рубля по 1½ копейки и в пользу городов по ¼ копейки, а мещане с каждой фамилии по 5 рублей)...»<sup>1</sup> Таким образом, этим все же в какой-то мере соблюдалась установленная в 1775 года льгота, а именно: по истечении 30 лет подати с архипелагских греков взимать не с числа душ, а с фамилий<sup>2</sup>.

Исследование показывает, что тщательное и доброжелательное обсуждение возникших проблем архипелагских переселенцев (1775 года) на разных уровнях, в различных инстанциях привело в конечном счете к решению: «...керчь-еникальских греков от рекрутства не освобождать, потому что всякое состояние должно исправлять свои повинности и потому, что дарованная им привилегия уже кончилась...»<sup>3</sup> Высочайшим указом от 21 июля 1808 года на имя таганрогского градоначальника, что распространялось на всех архипелагских греков, предписывалось «...внушить тамошним грекам, что от городских повинностей они освобождены быть не могут, ибо то было бы противно общепринятому порядку...»<sup>4</sup>

В феврале 1810 года Комитетом министров было решено «...грекам служившим в Архипелаге, как престарелым, так и изувеченным, назначить содержание по примеру инвалидов...»<sup>5</sup> К ним относились и некоторые керчане. Таким образом, российское правительство еще раз уделило серьезное внимание грекам, продемонстрировало реальную заботу по отношению к архипелагским переселенцам, отличившимся в свое время в совместной борьбе против оттоманского ига, высказало им свою признательность, благодарность. В ответ на обоснованные жалобы греков Керчь-Еникале, что их «уже обязали к избранию рода жизни, вопреки данной им в 1775 году привилегии и требуют налоги», Александр I утвердил 17 июня 1812 года решение Государственного Совета. «...Всем означенным грекам, — говорилось в нем, — кои пожелают воспользоваться дарованною им льготою, предоставить свободу

<sup>1</sup> Там же. Ф. 1263, оп. 1, д. 24, л. 222, 223.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 13, оп. 1, д. 487, л. 13–17.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 1263, оп. 1, д. 24, л. 224.

<sup>4</sup> Там же. Л. 142; ф. 571, оп. 3, д. 340, л. 24; ф. 1286, оп. 1, д. 131, л. 4.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 1263, оп. 1, д. 20, л. 49.

выйти из тех состояний, в кои они по принуждению записались, обязав их в прочем платить положенные на них по 5-ти рублей с семейством, о сложении с них недоимок»<sup>1</sup>

Интересные свидетельства о Керчь-Еникале, их жителях конца 20-х годов XIX столетия приводятся в описаниях местного горожанина французского происхождения Павла Дюбрюкса. «...Город Еникале, имеющий не более трех улиц, — пишет он, — построен амфитеатром на горе, и хотя дома в нем все дурной постройки и в азиатском вкусе, однако вид с моря довольно живописен...»<sup>2</sup>

Далее исследователь утверждает, что «...в 1817 году число жителей Керчи не превышало 600 душ, в настоящее время (т. е. в 1831 году. — Ю. П.) это число возросло до 3000 и состоит из греков, русских, евреев и армян. Впрочем, вся промышленность, — говорит он, — все еще исключительно в руках греков, которые по своей общительности стоят выше жителей Еникале...»<sup>3</sup>

В 1821 году, учитывая исключительно удачное в торгово-экономическом отношении местоположение Керчь-Еникале, указом Александра I в Керчи официально открывается морской рейдовый порт, учреждается керчь-еникальское градоначальство. Функционировавшие до этого здесь таможенные и карантинные заставы закрываются (по сути, реформируются. — Ю. П.). С 1822 года развертывается портовый карантин и открывается неплохо оборудованная портовая таможня 2-го класса. Начинается активная «отвозная и привозная морская торговля». В 1823 году командиром Керченского порта назначается опытный военный моряк капитан 2 ранга А. П. Асланов, в прошлом выпускник «Греческой гимназии» (Корпуса чужестранных единоверцев), к тому же ранее служивший в Азовском пехотном полку в 1787–1789 годах, расквартированном в Керчи, немало затем сделавший для становления, организации деятельности, четкого функционирования служб официально образованного Керченского морского порта<sup>4</sup>.

В 1825 году основные административные и городские учреждения (городская дума, городской магистрат, полицейское управление и другие), находившиеся прежде в Еникале, переводятся в Керчь,

<sup>1</sup> РГИА, ф. 571, оп. 3, д. 34, л. 1.

<sup>2</sup> ЗООИИД, Одесса, 1858. Т. 4. С. 12

<sup>3</sup> Там же. С. 25.

<sup>4</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 64, л. 126; Общий Морской список. СПб., 1890. Т. 3. С. 75–76.

открывается должность городского архитектора. Таким образом, с этого времени Керчь приобретает первенствующее положение, становится административным центром керчь-еникальского градоначальства. В 1828 году Керчи на 25 лет предоставляется право использовать на развитие, на благоустройство и другие городские нужды 10% всех таможенных доходов.

В 1829 году в Керчи открывается уездное училище, вводится должность городского врача, разрешено отпускать ежегодно из правительственных сумм на строительство, обустройство города по 50 тысяч рублей ассигнациями. Вскоре здесь официально учреждается строительный комитет, в котором ряд лет успешно трудился грек, отставной полковник Ликург Качиони. Керчь начинает быстро и планомерно отстраиваться. Вместе с тем благоустраивается и Еникале.

Активными участниками всех этих событий являются греки. В 1831 году в ответ на многочисленные, обоснованные просьбы керчь-еникальские мещане из греков освобождаются от рекрутской повинности натурой и деньгами<sup>1</sup>. Таким образом, восстанавливается еще одна из прежних льгот, ранее предоставленных грекам.

В 1841 году из Феодосии в Керчь переводится Коммерческий суд, в составе которого постоянно находились местные греки. Так, например, в 1859–1860 годах председателем коммерческого суда являлся Х. А. Анастасьев, среди постоянных членов суда числились купцы I гильдии А. Д. Властари и В. Е. Валсамаки; среди переводчиков Н. Н. Стамати<sup>2</sup>.

В 1848 году, учитывая особую сложность и опасность плавания в проливе, то, что в Керчь постоянно заходит значительное число иностранных судов, организуется «лоцманский цех», давший работу многим местным грекам — опытным морякам, подготовленным капитанам.

С 1816 года на Керченском полуострове начинаются систематические археологические исследования. В 1826 году по просьбе археологов и властей в Керчи основывается Музей древностей, прославленный своими ценнейшими экспонатами, находками археологов. Город попадает в поле зрения мировой и российской научной общественности. Здесь пробуждается, активизируется научная, культурная жизнь, большое внимание начинает уделяться вопросам образования. В 1835 году

<sup>1</sup> *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. Керчь, 1894. С. 97, 98.

<sup>2</sup> *Адрес-Календарь.* Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 годы. СПб., 1859. Ч. II. С. 414.

в Керчь-Еникале открывается Кушниковский институт благородных девиц. К середине 50-х годов XIX столетия в городе имеется семь начальных и ремесленных школ, мореходное училище каботажного плавания, типография, выходит городская газета<sup>1</sup>.

Следует подчеркнуть, что в местах, определенных к поселению архипелагских греков (это в районах Керчь-Еникале, в Азовской губернии), рескриптом императрицы 1775 года запрещалось выделять земли иммигрантам других национальностей, подданным других зарубежных государств: «...Что сходственно с прошением их (архипелагских греков. — Ю. П.) не дозволено будет никому из иностранных покупать земли, — говорилось в рескрипте, — в отведенных для сего общества части... но под сим именем иностранных не разуметь им Российскую нацию; и как те города принадлежат скипетру оной то коменданту и гарнизону в них быть Российскому»<sup>2</sup>.

Поэтому поселения архипелагских греков в Керчь-Еникале, Таганроге длительное время притягивали, концентрировали вокруг себя иммигрантов греческого происхождения, которые получали здесь «удобные земли», установленные для них льготы, что несомненно способствовало численному росту, увеличению греческих поселений. Однако данный процесс шел не везде одинаково, не всегда так быстро, как хотелось бы местным властям и правительству. Возникающие при этом различные трудности, проблемы решать было непросто. Об этом можно судить из следующего факта.

В 1830 году в результате настойчивых просьб греков, проживавших в Варне, поступило Высочайшее Повеление «...дозволить им переселиться в Россию». Вскоре 80 греческих семейств в составе около 300 человек были доставлены в Керчь-Еникале, размещены в здании старого карантина, получили установленные греческим переселенцам пособия и льготы. Однако более года греки, прибывшие из Варны, отказывались принять российское подданство, «...не согласились ни на приписку в мещане, ни на водворение на правах колонистов», а предъявили властям ряд неприемлемых требований, совершенно не отвечающих утвержденным инструкциям, действующим положениям, «установленными законами льгот для колонистов»<sup>3</sup>.

Местное губернское начальство терпеливо пыталось «...внушить переселенцам несоразмерность требований их, совершенную

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 67, л. 46–48.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 487, л. 14; ЗООИИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 212.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 718, л. 58, 60.

невозможность удовлетворить оныя, и что они должны избрать род жизни, согласно с дарованными им выгодами и льготами»<sup>1</sup>.

Однако греки продолжали упорствовать, и их вопрос в конце концов был вынесен в 1831 году на рассмотрение Комитета министров. Несмотря на жесткое заключение министра внутренних дел, «...посему, не ожидая от сих людей никакой пользы для государства, полагал бы выслать их за границу»<sup>2</sup>, Комитет министров, изучив представленные документы, принял более мягкое, компромиссное решение. Греки, прибывшие в Керчь из Варны, по Высочайшему разрешению «...должны непременно подвергнуться исполнению Высочайше утвержденных для подобных переселенцев правил, если же и за сим не изъявят они на то своего согласия, то предоставить им возможность выехать обратно за границу»<sup>3</sup>.

Дальнейшая судьба греков, переселившихся в Керчь из Варны, полностью не ясна, не подтверждена документами. Для этого требуются дополнительные исследования. Однако некоторые данные позволяют заключить, что лишь незначительная часть греков вернулась обратно в Варну, большинство же их, выполнивших установленные требования, осели в Керчи, пополнив греческую общину города. Несколько же семей по их просьбе были размещены в районе Феодосии.

Отмечались случаи, когда греки-архипелагцы, закончившие военную или гражданскую службу, ушедшие в отставку, возвращались обратно в Керчь-Еникале со своими семьями, к месту жительства своих родителей, родственников, где и оседали навсегда. Так, например, в середине 50-х годов XIX столетия вернулся в Керчь бывший командир Балаклавского греческого пехотного батальона полковник Ликург Ламбрович Качиони, старший сын Ламбро Качони, отважного легендарного грека-моряка, командовавшего в Средиземном море в русско-турецкую войну 1787–1791 годов легкой Российской флотилией. Полковник Ламбро Качони прибыл в Керчь-Еникале в составе Греческого войска, получил здесь свой первый офицерский чин в 1778 году. По преданию он трагически погиб в 1805 году под Керчью и, видимо, похоронен в Керчи, в ограде греческой церкви.

Теперь в этот город в 1847 году вернулся его сын, полковник Ликург Ламбрович Качиони, получивший должность инспектора Керченского Центрального карантина, где успешно прослужил ряд

<sup>1</sup> Там же. Д. 719, л. 48, 49.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 719, л. 62.

<sup>3</sup> Там же. Д. 718, л. 61.

лет<sup>1</sup>. В 1860-е годы он одновременно являлся помощником председателя керченского статистического комитета, был известным, уважаемым в городе человеком. Хорошо зарекомендовал себя и как постоянный член Строительного комитета керчь-еникальского градоначальства, являлся действительным членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Немало полезного и доброго сделал для города и его жителей<sup>2</sup>.

Полезная деятельность Ликурга Качиони в Керчь-Еникале была замечена и по достоинству оценена. 15 июля 1862 года императорским повелением кавалер семи орденов и шести медалей, инспектор Керченского карантинного полковник Ликург Качони получает очередную, теперь материальную награду: «...за непрерывную и безупречную выслугу по карантинному ведомству... двухгодовой оклад жалованья, 142 рубля 48 копеек»<sup>3</sup>. Это была весьма значительная сумма, а данное награждение очень почетно по тем временам.

3 октября 1833 года вся оставшаяся от выгонов земля в районе Керчь-Еникале, принадлежавшая городской греческой общине, поступила в постоянное пользование «...всех вообще городских обывателей»<sup>4</sup>. Таким образом, в руках городских властей оказалось более 15 тысяч пригодных для ведения сельского хозяйства земель. Естественно, что новые правила выделения, продажи земли в городе новым жителям, причем людей самых различных национальностей, делали город все более многонациональным. И несмотря на это, до середины XIX столетия греки представляли собой вторую по величине (после русских) национальную группу в городе. Это были уже дети и внуки архипелагских и более поздних переселенцев, родившихся в Керчи, ставших его жителями: военными, чиновниками, моряками, врачами, промышленниками, рыбаками, земледельцами, ремесленниками, виноделами, то есть людьми различных социальных групп, специальностей, образовательного, культурного уровня, материального достатка.

Накануне Крымской войны керчь-еникальское градоначальство играло заметную роль в морских торговых связях, являлось растущим промышленным регионом. В 1846 году здесь был построен железоплавильный завод. В окрестностях Керчи находились каменоломни,

<sup>1</sup> ЗООИиД. Одесса. 1872. Т. 8. С. 219, 220; 1844. Т. 1. С. 238; РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2993, л. 1–21.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 39–54.

<sup>3</sup> Там же. Л. 39, 47.

<sup>4</sup> Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1865. № 21. С. 3.



производящие строительный камень-ракушечник и сырье для производства извести. Выросло число соляных промыслов и количество добываемой на них поваренной соли, спрос на которую, как и на рыбу не уменьшался как в Причерноморье, так и в странах Средиземноморья, а также в городах и селениях Российского государства. К 1830 г. число рыболовецких предприятий в Керчь-Еникале достигает 24. На многих из них добросовестно трудились потомки архипелагских греков. Некоторые рыбные промыслы и рыбоперерабатывающие предприятия, производящие копченую, соленую, вяленую рыбу, балыки и другую продукцию, нередко являлись собственностью местных греков, отправлявших свою продукцию за границу, а также в Одессу, Мариуполь, Таганрог и оттуда далее в глубь страны.

Значение и роль Керченского порта многократно возросли. Через него в этот период шла активная морская торговля зерном, солью и рыбой. Только в 1854 году в Керченском порту побывало 1224 судна по каботажному плаванию и 457 по заграничному, более 50 % из них греческих. К этому времени в Керчи работали галетная фабрика, кирпичный, свечной, черепичный заводы. Население Керчи достигло 13,6 тысяч человек<sup>1</sup>.

Серьезнейший урон был нанесен греческим поселенцам, как и всем жителям Керчь-Еникале, захваченного и разграбленного союзниками в ходе Крымской войны 1853-1856 гг. Как свидетельствуют документы того периода, «всех жителей оставалось в Керчи около 1000 человек». Город Керчь был так разорен войной, а его жители настолько обеднели, «...что не было никакой возможности разместить в ней в июле 1856 года 150 чинов команды инженерного ведомства и Керченский гарнизонный батальон»<sup>2</sup>. К сожалению, в Крымской войне, в мае 1855 года полностью погибли архивы керчь-еникальского градоначальства, были уничтожены неприятелем и все архивы Балаклавского греческого батальона. Все это серьезно затрудняет теперь работу исследователей, изучающих историю Керчь-Еникале и архипелагских греков, в 1775 году переселившихся в Крым<sup>3</sup>. Английско-турецко-французскими захватчиками градоначальству был нанесен значительный материальный ущерб. Английскими оккупантами, например, была взорвана доменная печь, а основное оборудование железоплавильного завода

<sup>1</sup> *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошлом и настоящем... Керчь, 1894. С. 39, 56; РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 67, л. 4, 6, 49.

<sup>2</sup> ИТУАК. Симферополь, 1905. № 37. С. 246, 247.

<sup>3</sup> Там же. Л. 36, 37.

демонтировано и вывезено в Англию, что приостановило в Керчи почти на полвека дальнейшую выплавку металла. Ряд экспонатов Музея древностей были варварски уничтожены, а наиболее ценные вывезены в британские, французские и турецкие музеи, огромный ущерб был нанесен также порту и другим предприятиям города.

В целях скорейшего восстановления городов и селений, разрушенных Крымской войной, возвращения туда бежавших от войны жителей, властями стала выделяться безвозмездная финансовая и другие виды помощи «...в вознаграждение населения Крыма за понесенные в ходе войны убытки, за понесенные обывателями жертвы и отбытых повинностей». В силу этого, например, керчь-еникальскому градоначальству в июле 1856 года «...было выделено 600 лошадей и 300 повозок»<sup>1</sup>, для распределения их среди наиболее пострадавших, беднейшей части городского населения. В конце того же года жителям города было «...назначено 3000 рублей пособия», для единовременной, безвозмездной выдачи. Уже в декабре «...получили пособие 28 лиц благородного звания, в размере 632 рублей»<sup>2</sup>. Огромную организаторскую работу по восстановлению городского хозяйства, по оказанию помощи горожанам, пострадавшим от турецко-английских-французских оккупантов, провел грек, инспектор Керченского карантина полковник Ликург Качони. В 1856 году он наряду со своей основной работой исполняет специально введенную должность «административного чиновника», контролировавшего выполнение распоряжений и эффективность действий «по очистке Керчь-Еникальского градоначальства после прекращения военных действий»<sup>3</sup>. По просьбе местных властей он является также «членом Керченского комитета о приведении в известность потерь и об оказании пособий жителям Керчь-Еникальского градоначальства».

Вклад Ликурга Качони в ликвидацию последствий войны был столь ощутим и общепризнан, что местные власти представили его к Высочайшему награждению, засвидетельствовав при этом «...об отличном усердии и неутомимых трудах Л. Л. Качони...» во благо города и его жителей. 26 апреля 1857 года полковник Ликург Качони был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, теперь уже не за боевые заслуги, а за свои деяния на гражданской службе<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Там же. Л. 235.

<sup>2</sup> ИТУАК. Симферополь, 1905. № 37. л. 247; РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 6066, л. 16.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 46, 47.

<sup>4</sup> Там же. Л. 46.

Активно проводимые местными властями мероприятия, несомненно, способствовали восстановлению разоренных войной городов Крыма, возвращению в родные места жителей бежавших от войны, возрождению промышленности, сельскохозяйственного производства, развертыванию торговли, морских перевозок и т. д. И в целом это удалось сделать в сравнительно короткий срок.

Так, уже в 1862 году в Керчи функционировало 15 небольших промышленных предприятий с числом рабочих в каждом до 10 человек. Наиболее крупными предприятиями города стали каменоломни, где число рабочих доходило до 60 человек и более. Вскоре начинается строительство механического и цементного заводов. В 1867 году греком К. И. Месаксуди открывается небольшая табачная фабрика, которая стала быстро развиваться и к концу XIX столетия превратилась в крупнейшее предприятие города и Крыма с числом рабочих до 400 человек. К 1914 году их число на фабрике возрастает до 620. Среди рабочих и служащих фабрики было немало греков, которые по рекомендациям принимались особенно охотно, но эксплуатировались так же, как рабочие других национальностей. Вместе с тем следует особо отметить, что и владелец фабрики грек К. И. Месаксуди был человеком добрым, порядочным, достаточно прогрессивных взглядов и проявлял немалую заботу о людях, о социальной поддержке своих рабочих.

Так, на его средства содержались амбулатория и аптека для рабочих и служащих предприятия. На фабрике функционировала касса взаимопомощи, в которой, в зависимости от стажа безупречной работы (5, 10, 15 лет), можно было получить соответствующую денежную ссуду, иногда безвозмездную. Ежегодно перед Пасхой практиковалась выдача «наградных»: рабочим — в размере двухнедельного оклада, служащим — месячного. Имели место и другие формы социальной помощи и поддержки<sup>1</sup>. Не случайно, что авторитет Месаксуди был высоким и он заслуженно вошел в историю Керчи. В 1873 году в Керчи основывается консервный завод компании Петерс и братьев Жуковских. Вскоре во всей европейской части империи наряду с широко известными керченской черной икрой, солью, табаком, папиросами, сельдью и балыками становятся рыбные и овощные консервы.

Активно расширяется торговое судоходство, так, например, общее число судов, посетивших в 1892 году керченские воды и прошедших

---

<sup>1</sup> Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь, 1915. С. 18; Архив Керченского ГИКЗ, оп. 5, д. 161, л. 2–5.

обработку в торговом порту, достигло пяти тысяч. При этом в их число не включались рыболовные суда, количество которых составляло до 300 единиц<sup>1</sup>.

К концу XIX столетия в Керчи имелось 22 рыбных завода с 496-ю рабочими; три свечных и мыловаренных завода; шесть цементных и известковых, один чугунно-литейный завод, две крупные табачные фабрики (Месаксуди и Липскерова); шесть паровых мельниц, винокуренный завод, две типо-литографии (Х. Н. Лаго и К° и Нутиса) и др. предприятия<sup>2</sup>. Практически на всех из них работали греки.

В 1897 году в Керчи начинается строительство нового металлургического завода, а уже в 1900 году на базе керченских руд была осуществлена первая плавка чугуна.

Этот же год открывает железнодорожное движение Джанкой — Керчь, что поднимает значение Керченского региона, способствует его дальнейшему экономическому развитию. Углубляются фарватеры, расширяется порт. В 1913 году Керчь, наконец, становится доступной для крупнотоннажных судов. Хотя порт остается по-прежнему небольшим по своей причальной линии и весьма скромным по технической оснащенности<sup>3</sup>.

В повседневной жизни, в развитии города активно участвует греческое население, потомки архипелагских греков и переселенцев греков из различных регионов Греции. Они по-прежнему составляют заметную, весьма деятельную часть жителей Керчь-Еникале.

По данным 1858 года, в Керчь-Еникале проживало 1240 греков, в основном потомков архипелагских переселенцев, что составляло до 10 % всего населения градоначальства<sup>4</sup>. Вскоре по мере его дальнейшего экономического и социального развития увеличения населения наблюдается тенденция уменьшения процента греков в общем составе населения. Несомненно, что одной из причин данного явления было и то, что, по сути, прекратилась иммиграция, уменьшилось число переселяющихся в Крым греков. Это явление было вызвано Высочайшим повелением от 9 января 1863 года, в результате

<sup>1</sup> *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошлом и настоящем... Керчь, 1894. С. 73.

<sup>2</sup> Там же. С. 80, 83; *История городов и сел Украинской ССР. Крымская обл.* Институт истории АН УССР. Киев, 1979. С. 283–285.

<sup>3</sup> *Гусаров Ф. Т., Чуистова Л. И.* Керчь. Симферополь: Крымиздат, 1955. С. 71; *Бененсон М. Е.* Экономические очерки Крыма. Симферополь, 1919. С. 59, 60.

<sup>4</sup> *Нынешнее состояние Керчь-Еникальского градоначальства // Новороссийск.* Календарь. 1858. С. 464.

которого было прекращено массовое переселение в Россию «...греков, болгар и иных славян», хотя допускалось прибытие отдельных семейств и лиц, «...с тем, однако, чтобы прибывающие отдельными семьями выходцы из Турции и Молдавии были по-прежнему водворяемы в Таврическую губернию, или припискою к тем селениям их единоплеменников, при которых остались излишние земли, или особыми колониями»<sup>1</sup>.

В начале 90-х годов XIX столетия население Керчь-Еникале составляло свыше 32 тысяч. По вероисповедованию принадлежали к православной церкви 24 524 души: это русские, украинцы, греки; к католической — 1514: французы, итальянцы, поляки; к мусульманам — 482: это татары, турки и т. д.<sup>2</sup>

Таким образом, по своему национальному составу население Керчь-Еникале стало достаточно пестрым, что, впрочем, было характерным явлением для всех южных портовых городов России того времени. Это полностью подтверждается переписью населения 1897 года. В соответствии с ее данными, в Керчь-Еникале числилось 33 347 человек, представляющих 21 национальность. Среди них русские, украинцы, белорусы, по данным всеобщей переписи, составляли в Керчи 21 993 человека<sup>3</sup>. На 1 января 1909 года население градоначальства выросло до 53 456 человек<sup>4</sup>.

В начале XX столетия греческая национальная община в Керчь-Еникале стала составлять около 5% местного населения, то есть его незначительную долю, хотя по-прежнему являлась его весьма деятельной и активной частью населения города, весьма заметной среди местных жителей, заслуженно уважаемой в среде горожан различных сословий.

Постепенно расширяется, развивается культурная жизнь Керчь-Еникале. В 1856 году здесь открывается городская публичная библиотека. На основе добровольных пожертвований растет ее книжный фонд. В 1863 году в Керчи, на базе бывшего здесь уездного училища, открывается Александровская мужская гимназия, которая в декабре 1865 года преобразуется из реальной в классическую с двумя древними языками.

---

<sup>1</sup> ИТУАК. Симф. 1907. № 41. С. 19.

<sup>2</sup> *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошедшем и настоящем... Керчь, 1894. С. 86.

<sup>3</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 41. Таврическая губерния. С. 4; Сборник статистич. Сведений по Таврич. губ. Т. 9.

<sup>4</sup> Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь, 1911. С. 40.

Весьма убедительно по этому поводу, в августе 1867 года, в бытность свою в Керчи высказался министр народного просвещения граф Д. А. Толстой: «...мы здесь стоим на почве древне-классической образованности; на каждом шагу открываются о нем блистательные воспоминания: каждый взмах топора и заступа вызывает из земли памятники греческого просвещения, то в надписях на камне, то в различных изваяниях. На такой ли почве не возродиться классическому образованию»<sup>1</sup>.

В 1873 году в городе открывается городская общественная женская гимназия, которая в 1885 году переводится в специально построенное для этого здание. В обеих гимназиях изучался греческий язык, история Греции, обучались здесь и потомки архипелагских переселенцев.

В 1884 году в Керчи функционировало несколько начальных школ Министерства народного просвещения, открылась школа ремесленных учеников<sup>2</sup>, пользующаяся значительной популярностью у простых людей, рабочего населения города. Среди ее учащихся также было немало греков.

Хотелось бы отметить следующее явление. Несмотря на имевшую место естественную ассимиляцию, архипелагские греки в Керчь-Еникале сумели все же во многом сохранить свою национальную самобытность, язык, религию, культуру своих предков, традиции, нравы и обычаи своего древнего, гордого и свободолюбивого народа. Они внесли заметный, осязаемый вклад в историю и культуру, торговлю и экономику Керчь-Еникале, в общее развитие региона, в неповторимый южный колорит города-порта, ставшего волею судеб их второй родиной. И это наблюдалось во всех сферах жизни, во всех сторонах деятельности населения Керчь-Еникале, начиная с момента прибытия сюда первых архипелагских переселенцев в 1775 году.

Будучи весьма религиозными людьми, греки переселились в Крым со своими духовными наставниками. Среди них можно назвать уже упоминавшегося ранее митрополита Монеувассийского Анфимоса, архимандрита Николе, протоиерея церкви Балаклавского греческого пехотного полка отца Анания, возглавлявшего греческий приход в Еникале иеромонаха Герасима и других греческих священнослужителей.

С прибытием и размещением в Еникале греки первоочередное внимание уделяют вопросам религии, созданию и функционированию православной церкви. Уже вскоре греческие священнослужители

<sup>1</sup> *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошедшем и настоящем. Керчь, 1894. С. 58.

<sup>2</sup> Список учеб. завед. ведомства Мин-ва народ. просвещ. СПб., 1911. С. 37.

начинают проводить здесь православные богослужения. С 1778 года они проводятся в деревянной Успенской церкви, обращенной из мечети.

В 1797 году в Еникале вместо обветшавшей деревянной церкви построен, в основном на средства греков-прихожан, каменный храм в византийском стиле, который был освящен в 1799 году во имя Успения Божьей матери. Службы в новом храме проводились на греческом и русском языках, как греческими так и русскими священнослужителями.

Следует подчеркнуть особый вклад греков в развитие духовности, в утверждение православия в данном регионе Крыма. Отмечаются многочисленные случаи пожертвований со стороны греков православным храмам, выделение крупных средств на ремонт и строительство церквей, безвозмездные передачи земельных участков под новые церковные постройки и многое другое.

Так, например, в 1862 году Успенская церковь в Еникале была увеличена пристройкой каменной колокольни на средства, пожертвованные греком, губернским секретарем Афанасием Маринаки. В указанном храме обращала на себя внимание прекрасная мраморная чаша, хранившая Богоявленную воду, с начертанной на крышке надписью: «Пожертвовали Евстафий Юргандопуло, Иван Ставраки, Сергей и Дмитрий Грандофилаки и Саранди»<sup>1</sup>.

На средства прихожан-греков в еникалийской Успенской церкви был сооружен также и великолепный резной, из ореха, пятиярусный иконостас. Особое поклонение у верующих христиан Керчь-Еникале вызывали древние греческие иконы, вывезенные из Греции и преподнесенные храму в Еникале греками-переселенцами.

Следует заметить, что к еникальскому православному приходу, прихожанами которого преимущественно являлись архипелагские греки, впоследствии были причислены жители близлежащих пяти деревень: Баксы, Опасное, Капканы, Подмаячная, Осовины, заселенных в основном украинцами, занимавшимися рыболовством и хлебопашеством.

Самое непосредственное и деятельное участие наряду с прихожанами других национальностей приняли греки и в устройстве Катерлезской обители в Керчи. Так, отставной штабс-капитан и губернский секретарь грек А. К. Хаморито выделил пустыни безвозмездно из

<sup>1</sup> ЗООИИД. Одесса, 1885. Т. 13. С. 208; 1848. Т. 2. С. 204; *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошедшем и настоящем. Керчь, 1894. С. 90.

своего земельного участка часть земли, необходимой ей для застройки обители. Известный купец, бывший в тот период городским головой, серб И. Е. Салатич на свои и собранные им средства построил «...корпус келий для монашествующей братии». Немало средств пожертвовали греки и на строительство торжественно освященного в 1857 году храма во имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

На деньги, в сумме 15 тысяч рублей, завещанных греком керченским жителем Афанасием Маринаки, в 1864 году была сооружена и освящена кладбищенская Афанасьевская церковь города Керчь.

Серьезно заботился о духовности гимназистов крупнейший керченский фабрикант грек К. И. Месаксуди, являвшийся старостой церкви во имя Святого Николая, устроенной в конце XIX века при керченской мужской гимназии, сделавший ей крупные пожертвования, беспокоившийся о душах молодежи, о воспитании, просвещении юношества.

Вошли в историю города, остались в памяти его жителей пользовавшиеся огромным уважением у своей паствы целый ряд керченских и еникалийских священнослужителей-греков. Отдельные из них уже назывались. Следует вспомнить имена и некоторых других. Прежде всего — священнослужителей Иоанно-Предтеченской церкви иеромонаха Евфимия (конец XVIII столетия), протоиереев Федора (Ф. Е. Евстриадиаса), Савву Парисиса, а также И. И. Сербинова — настоятеля еникалийской Успенской церкви, служивших в керчь-еникалийских храмах во второй половине XIX столетия<sup>1</sup>. Особо хотелось бы выделить настоятеля Иоанно-Предтеченской церкви «...великого постника и молитвенника» Захария Грамматикаки, пользовавшегося всеобщей симпатией горожан, за особые заслуги, примерную жизнь христианина, похороненного в церковной ограде данного храма, являющегося древнейшим историко-архитектурным памятником Керчи.

Несомненно, много для поддержания выше названной церкви, для ее прихожан сделал во второй половине XIX столетия богатый купец, грек Д. П. Вергопуло, являвшийся к тому ж и церковным старостой Иоанно-Предтеченской церкви, ревностно заботившегося об авторитете, славе, богатстве прихода.

Весьма заметную, определяющую роль в повседневной жизни Керчь-Еникале играла городская дума, ее управляющий орган городская управа и их председатели — городские головы, среди которых в разное время немало было и уважаемых всеми греков, вошедших в историю города своими полезными делами. Среди них особо

<sup>1</sup> ЗООИИД. Одесса, 1885. Т. 13. С. 207–208; Там же. 1848. Т. 2. С. 204.



популярными являлись Н. И. Мазани, Г. А. Деспотули, П. Г. Деспотули, Е. Д. Хаджопуло, П. К. Месаксуди и некоторые другие.

Однако наибольшим авторитетом, популярностью и известностью пользовался городской голова, действительный статский советник Евстафий Дмитриевич Хаджопуло, исполнявший эту почетную, но беспокойную должность девять лет, с 1876 по 1885 год, немало и бескорыстно потрудившийся на пользу родного города, навечно вошедший в историю Керчи.

Именно благодаря его инициативе, энергии и настойчивости город приобрел в свою собственность в Феодосийском уезде свыше пяти тысяч десятин удобной земли (бывшее имение Баугера), что весьма благоприятно сказалось на делах, благосостоянии местных землевладельцев, получивших дополнительно землю, что значительно увеличило и городские доходы.

Благодаря стараниям городского головы Е. Д. Хаджопуло выросло число начальных училищ в городе, были открыты двухклассное женское и ремесленное мужское училища. Для просвещения прежде всего безграмотных масс городского населения по инициативе Е. Д. Хаджопуло с 1893 года начинают систематически проводиться «народные чтения с туманными картинками», для чего городская дума образует специальный комитет народных чтений, в состав которого вошли энтузиасты народного образования, лучшие представители городской интеллигенции.

Следует подчеркнуть, что вопросы устройства в Керчи водопровода, введения газового и электрического освещения улиц города, вместо имевшегося керосинового, по инициативе городского головы керченского грека Е. Д. Хаджопуло активно проводились в жизнь. На счету этого человека и другие весьма полезные и важные для повседневной жизни начинания, облегчающие быт горожан, нововведения, которые продолжали реализовываться и после его смерти.

Городской голова грек Е. Д. Хаджопуло «...за особые услуги городу», специальным разрешением епархиального архиерея похоронен в ограде Иоанно-Предтеченской церкви<sup>1</sup>.

Благодарные горожане города на собранные по подписке средства воздвигли на его могиле довольно дорогой памятник, к великому сожалению утраченный в годы революций и войн, не сохранившийся до наших дней, для потомков.

<sup>1</sup> См.: *Зенкевич Х. Х.* Керчь в прошедшем и настоящем... Керчь, 1894. С. 84, 85, 61, 149.

В 1886 году в Керчи была издана брошюра «Памяти Евстафия Хаджопуло» — биографический очерк о славной жизни и полезной деятельности этого незаурядного человека, одного из потомков архипелагских греков, так много сделавшего для своего родного города.

Представители целого ряда греческих семейств вписали свою фамилию в историю Керчь-Еникале, внесли заметный, осязаемый вклад не только в развитие духовности, культуры и образования, искусств, но и в становление экономики города-порта, в расширение различных производств, в развертывание местной и морской торговли.

Многие зажиточные греки занимались благотворительностью, помогали бедным. Так, во второй половине XIX века славилась своей благотворительной деятельностью греческая фамилия Маринаки. Представитель ее Афанасий Маринаки, как уже отмечалось, жертвовал крупные средства на строительство кладбищенской церкви, постройку колокольни Успенского храма в Еникале. Достаточно известен в этом плане и другой представитель данной фамилии Павел Маринаки, человек богатый, немало сделавший для города и его жителей, ставший потомственным почетным гражданином своего родного города.

Пользовалась уважением и широкой известностью в Керчь-Еникале греческая фамилия Посполитаки, среди которых были удачливые купцы, землевладельцы, имевшие обширные и доходные сады, виноградники. Так, Л. Е. Посполитаки, например, был купцом 1-й гильдии, имел магазины, вел обширную торговлю, занимался благотворительностью. Представители данной фамилии нередко являлись крупными городскими чиновниками, занимали в разное время весьма ответственные посты.

За общепризнанные в городе заслуги удостоился чести быть похороненным в ограде Иоанно-Предтеченской церкви, с согласия высоких церковных иерархов, действительный статский советник Д. Л. Посполитаки, трудившийся ряд лет в городской думе, почетный попечитель Александровской мужской гимназии. Попечителем гимназии позднее был и его сын Д. Д. Посполитаки, гласный городской думы, почетный мировой судья, прославившийся своей неподкупностью, объективностью и доброжелательностью к людям, строгим соблюдением законности, своей принципиальностью.

Немало полезного для города и его жителей сделали также и представители местной греческой семьи Деспотули. Особенно два ее представителя — Г. А. Деспотули и его сын П. Г. Деспотули, в разное время ряд лет занимавшие пост городского головы и зарекомендовавшие себя энергичными, инициативными, высокопорядочными «отцами

города», хорошо подготовленными администраторами. Именно из этой семьи вышла и достаточно известная на юге России, в Крыму пианистка Е. К. Деспотули, немало сделавшая для подъема музыкальной культуры жителей города, постоянно занимавшаяся благотворительной деятельностью.

Во все времена состоятельные греки Керчь-Еникале отличались своей благотворительной деятельностью, любили ее. Так было и в XIX веке. Немало личных средств, например, пожертвовал на благотворительные цели, на организацию в городе детских учреждений для сирот и детей из малоимущих семей известный в конце XIX столетия керченский меценат, купец 1-й гильдии, почетный член керченского городского попечительства Мариинского детского приюта И. И. Симмилиди. Можно привести и другие подобные примеры бескорыстной благотворительности со стороны греческого населения градоначальства.

Однако наиболее известной и популярной в Керчи до настоящего времени остается греческая семья Месаксуди, о которой до сих пор ходят различные легенды. Уже упоминавшийся Константин Иванович Месаксуди, потомственный почетный гражданин города, гласный городской думы, купец 1-й гильдии, не только являлся основателем табачной фабрики, превратившейся впоследствии в крупнейшее промышленное предприятие, но был к тому же главой многочисленной семьи<sup>1</sup>. Успешно продолжали дело своего знаменитого и популярного отца его сыновья. Вначале Григорий Константинович, а позднее, после его смерти, Петр Константинович, ставший старшим в семье. Он не без успеха вел дела фабрики, продолжал традиции своей известной фамилии. Именно Петру Месаксуди судьбой было уготовано в связи с Октябрьской революцией стать также и последним официальным городским головой Керчи, последним владельцем табачной фабрики отца.

Дочери популярного патриарха данной семьи также вошли в историю города своей благотворительной и просветительской деятельностью. После смерти своего отца К. И. Месаксуди они организовали на средства семьи детский сиротский приют его имени. Финансировали приют, помогали ему, всячески поддерживали человеколюбивые, благородные начинания, имевшие место в городе.

Вошла в историю Керчь-Еникале XIX века и семья греков Кордио, землевладельцев, крупных купцов, промышленников и меценатов. Один из основателей, патриархов этой семьи Э. Ф. Кордио характеризовался

<sup>1</sup> Гусаров Ф., Чуистова Л. Керчь. Симферополь, 1955. С. 71, 72.

современниками как «...богатый человек и деньгами и детьми», как гостеприимный, общительный землевладелец и купец, активно занимающийся благотворительностью.

Остались в истории Керчь-Еникале и другие крупные землевладельцы, промышленники и купцы, такие как Павел Папандопуло, купец 1-й гильдии А. Д. Властари.

Исходя из всего вышесказанного можно заключить, что греки, впрочем, как и представители других народов, вносили заметный вклад в развитие культуры, образования, искусства, экономики в городе.

Так, в доме одного из представителей итальянско-греческой фамилии Ф. С. Томазини имелась небольшая сцена, и местные любители театрального искусства — члены городского артистического кружка, при отсутствии в городе театра ставили здесь свои любительские спектакли, в том числе и различных греческих авторов, горячо принимаемые зрителями.

Среди городской интеллигенции Керчи во второй половине XIX столетия довольно известны были врачи-греки Василькиоти: Евстафий Иванович, бывший некоторое время к тому же еще и гласным городской думы и Мефодий Григорьевич, немало сделавший для поддержания здоровья своих пациентов, горячий сторонник и пропагандист трезвого, здорового образа жизни, тесного общения с природой. Не меньшей популярностью пользовался у жителей города грек врач К. Н. Кондопуло, много лет успешно практиковавший в Керчь-Еникале, оставивший о себе самую добрую память у своих пациентов.

Имена некоторых керченских греков-археологов вошли в историю мировой науки в связи с известными археологическими открытиями в районе Керчи. Так, например, один из раскопанных курганов гряды вокруг Керчи, на которой располагается и всемирно известный своими золотыми находками курган Куль-Оба, носит имя грека, военного моряка, капитан-лейтенанта Н. Ю. Патиниоти. Он описал и отправил в Одесский музей ценные научные находки своих подчиненных, матросов корабля, проникших в склеп кургана.

С курганом Куль-Оба, со сделанными в нем находками тесно связано имя одного из местных греков, Дмитрия Бавро. В одну из ночей после того как был снят караул у изученного археологами склепа кургана Куль-Оба, сюда проникли местные кладоискатели-грабители, которые вынесли из обнаруженного ими тайника в кургане едва ли не больше ценностей, чем их нашли и извлекли ученые-археологи. Грек Д. Бавро, бывший в числе кладоискателей, видимо, понял исключительную

научную ценность сделанных ими находок. Он добровольно рассказал одному из археологов о происшедшем и тут же сдал керченскому градоначальнику золотую бляху в виде оленя (широко известную теперь во всем мире) и золотую львиную головку, украшавшую шейную гривну. Данный факт стал достоянием не только науки, но и широкой общественности. Николай I высоко оценил покаяние и бескорыстный поступок керченского грека и повелел отблагодарить его. Д. Бавро получил вознаграждение от властей в размере 1200 рублей, сумму весьма значительную по тем временам, и навечно вошел в историю археологических исследований<sup>1</sup>, стал известным и популярным в Керчь-Еникале человеком. Его поступок имел воспитательное значение, запомнился, несомненно стал примером для многих горожан, что и подтвердило будущее.

Осталось на географической карте Крыма и имя представителей местной греческой семьи Хрони. Имя Хрони носит теперь гора, одна из вершин в Северо-Восточной части Керченского полуострова.

С Керчью, ее жителями связана научная жизнь и исследовательская деятельность известного историка, археолога В. Х. Кондораки, автора ценного научного труда «История и археология Тавриды», являющегося частью капитальной работы «Универсальное описание Крыма», не потерявшей своего научного значения и в наше время.

Многие керчь-еникальские греки, как отмечалось выше, уже в конце XVIII столетия неплохо зарекомендовали себя на российской государственной службе в военном и в гражданских ведомствах, в учреждениях местной администрации. Достаточно усердно исполняли свои должностные обязанности и их потомки, которые на протяжении всего XIX столетия пользовались авторитетом и уважением в городе, оставили о себе добрую память у современников. Среди этих известных людей, немало полезного сделавших для города, можно назвать следующих чиновников: служащих лоцманских, таможенных и карантинных служб: Качиони Л. Л., Михайлопуло К. М., Мелахрино И. Л., Нина Е. Б., Паллис С. П., Торопяно К. В.; чиновников градоначальства: Булгари Н. Я., Лагарио А. И., Македонского А. Э., Якове Д. Е.; уважаемого среди моряков лоцмана-поручика Антона Вельсамаки; члена Совета городской больницы подполковника Гулдари Ф. Д.; полицмейстера титулярного советника (в 1804 г.) Ивана Анастасии и многих других известных греков.

<sup>1</sup> Брашинский И. Сокровища скифских царей. М.: Наука, 1967. С. 46–47.

Исключительно много для создания в Керчь-Еникале современной судоремонтной базы, для организации качественного и быстрого ремонта боевых кораблей и судов, сделал капитан 2 ранга П. Н. Пуло, в прошлом выпускник Греческой гимназии, опытный, проверенный в боях и походах моряк, возглавивший с 1804 года Керченское адмиралтейство, удостоенный в 1808 году чина капитана 1 ранга за серьезные успехи на своем новом поприще, в деле ремонта, ввода в строй поврежденных кораблей.

Керченское адмиралтейство, именовавшееся (1773–1804 гг.) как Экспериментальное Черноморское адмиралтейство, вошло позднее в состав Черноморского адмиралтейского управления.

Здесь строились небольшие парусно-гребные и ластовые суда<sup>1</sup>. (Ластовые суда — это малые портовые суда и плавсредства: баржи, плашкоуты, буксиры и др. Ныне они называются «вспомогательными судами» и применяются в военных портах для обеспечения базирования и повседневной деятельности боевых кораблей. — Ю. П.).

Немало для совершенствования судоремонта, развертывания современного судостроения в Керчи, сделал и капитан 1 ранга С. А. Деантуани, с 1851 по 1855 год возглавлявший Керченское адмиралтейство, впоследствии командир ластовой бригады Черноморского флота, закончивший военно-морскую службу в чине генерал-лейтенанта<sup>2</sup>.

Отличился перед городом, местными землевладельцами коллежский секретарь Федор Ставраки, подготовивший в 1863 году проект использования городской земли, что было весьма важно для жителей и городских властей. Данный проект оказался удачным, был одобрен и утвержден властями, благосклонно принят жителями градоначальства к исполнению.

Следует заметить, что весьма важную роль в истории Керчь-Еникале, в становлении градоначальства как достаточно крупного населенного пункта в Крыму, в создании здесь промышленного и торгового центра, военного порта, современной морской крепости сыграли греки — военные моряки.

Действительно, Керчь-Еникале всегда оставались стратегически важным пунктом на стыке Черного и Азовского морей, здесь практически постоянно дислоцировались воинские части, неслась

<sup>1</sup> Морской энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1993. С. 49.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 55, л. 340; д. 62, л. 326; Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 623–624; 1893. Ч. VII. С. 16.

брандвахтенная служба, заходили, ремонтировались и базировались боевые корабли, в составе экипажей которых, в том числе и среди офицеров, было немало греков, чьи семьи проживали в городе, имели квартиры и дома, участвовали в жизни, города и горожан, оставили о себе добрую память.

Несомненно, широко был известен в Керчь-Еникале капитан-лейтенант П. А. Анастопуло, командовавший в 1789–1791 годах «двойными шлюпками», затем гребной эскадрой, обеспечивший успешную перевозку «войск и провианта» между Керчью и Таманью. Именно он перевел в 1792 году после окончания русско-турецкой войны гребную эскадру из Керчи на постоянное базирование в Таганрог. Лейтенант Н. И. Вергапуло, командовавший базировавшимся на Керчь транспортным бригам «Успех», осуществлял важные перевозки грузов в Азовском и Черном морях<sup>1</sup>.

Пользовался популярностью владелец судна «Святой Николай», местный житель Л. Е. Марангопуло, добровольно присоединившийся к корсарскому отряду капитан-лейтенанта Сенявина и крейсировавший с ним между Керчью и Синопом, участвовавший в истреблении 18 неприятельских судов, переаттестованный из прапорщиков в мичманы, ставший впоследствии капитаном 2 ранга, командовавший канонерскими лодками, базировавшимся в городе Таганроге, исполнявший затем ряд лет должность капитана над Таганрогским портом<sup>2</sup>.

Тесно были связаны с Керчь-Еникале служебная деятельность и повседневная жизнь командира фрегата № 113, затем поляки «Патмос» лейтенанта М. И. Чефалиано (впоследствии капитана флота генерал-майорского ранга) и командира бригантны «Могилетта» Е. А. Патаиоти, базировавшихся на Керчь, осуществлявших регулярные плавания, нередко с важными и ценными грузами между Керчью, Севастополем и Херсоном, а также командиров брандвахтенных судов «Иль-Фортунат» капитан-лейтенанта Н. А. Дандри, «Святой Николай» лейтенанта Ф. П. Сарандинаки, выпускника Корпуса чужестранных единоверцев. В разные годы суда под их командованием занимали брандвахтенный пост на рейде Керчи, обеспечивали режим плавания в проливе, безопасность стоянок кораблей и судов<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 304; Общий морской список. СПб., 1892. Ч. VI. С. 526.

<sup>2</sup> Там же. Л. 254; Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 320–321.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 19; д. 55, л. 149; Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 334–336, 533; Ч. V. С. 28; 1893. Ч. VII. С. 9.

Хорошо был известен в городе в начале XIX столетия командир брига «Елизавета», приписанного к Керчи, капитан-лейтенант А. П. Пасхалии, совершавшей на своем корабле продолжительные плаванья между Керчью, Севастополем и о. Корфу (Средиземное море), управлявший позднее в 1819 году в Керчи «...транспортною флотилиею при перевозке провианта в менгрельские и крымские магазины...» (военные склады. — Ю. П.)<sup>1</sup>.

Одной из наиболее известных и ярких личностей, среди офицеров флота, проходивших службу в Керчь-Еникале, несомненно являлся архипелагский грек, военный моряк, впоследствии контр-адмирал Н. П. Кумани. Именно он в 1775 году командовал фрегатом «Победа», одним из российских военных кораблей, перевозивших в Керчь-Еникале переселенцев, сполна разделил с ними все трудности и опасности плаванья, размещения и сложного обустройства на новом месте жительства.

В 1778 году Н. П. Кумани командовал полякою «Екатерина», занимал с кораблем брандвахтенный пост у Керчь-Еникале, плавал в Азовском море, совершал переходы в Таганрог, способствовал формированию Греческого пехотного полка. Своими перевозками он помогал становлению греческого поселения в Еникале. В 1780 году, командуя тем же кораблем, «...содержал почтовое сообщение между Керчью и Константинополем». Затем был командиром военного корабля «Журжа», базировавшегося в 1782–1784 годах в Керченской бухте.

Позднее, уже являясь командиром линейного корабля «Святой Иоанн Богослов», отличился во многих морских сражениях Черноморского флота. Так, например, за бой с турецкой эскадрой под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова в Керченском проливе в июле 1790 года он был особо отмечен командованием. В донесении Екатерине II о данном сражении эскадры Ф. Ф. Ушакова с турецким флотом Светлейший князь Потемкин-Таврический, говоря об особо отличившихся, подчеркивал: «...все начальники судов и прочие выполнили свой долг с крайним рвением и храбростию: отличную же приписывает похвалу начальствующему авангардом бригадиру, флота капитану и кавалеру Голенкину, флота капитанам 1 ранга Шапилову, Вильсону, Кумани...»<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 529–530.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 30, л. 361; Сборник военно-исторических материалов. Вып. VIII. Бумаги кн. Г. А. Потемкина. СПб., 1895. С. 119–121.



Закончил службу в Российском флоте архипелагский переселенец, еникалийский житель, моряк Н. Кумани в чине контр-адмирала, кавалером ряда боевых российских орденов и медалей.

Опираясь на многочисленные исторические факты и примеры, можно заключить, что греки-архипелагцы и более поздние переселенцы, как правило, отличались верностью России, храбростью в боях, инициативой и расторопностью при выполнении боевых задач, за что пользовались уважением, заслуженным авторитетом у российских воинов, у вышестоящего командования. Греки-переселенцы полностью выполнили возлагавшиеся на них задачи, оправдали надежды, внесли весомый вклад в развитие Керчь-Еникале, Крыма, в защиту его рубежей.

Подводя общие итоги всему вышесказанному можно с полным основанием сделать следующие обобщения и выводы.

Архипелагские греки, принимавшие участие в вооруженной борьбе совместно с российскими моряками эскадры адмирала Г. А. Спиридова против Османского ига, после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, с целью избежать мщения со стороны турок, вынуждены были на российских кораблях, некоторые с семьями, переселяться в Керчь-Еникале и создать там свои греческие поселения.

Юридически, официально переселение греков обеспечивалось специальным Рескриптом Екатерины II от 28 марта 1775 года, предоставившим данным переселенцам невиданные до того времени льготы и привилегии.

Следует особо подчеркнуть, что переселение архипелагских греков осуществлялось строго на добровольной основе, без какого-либо давления и воздействия на греков и их семьи со стороны российского флотского командования.

По имеющимся данным в Керчь-Еникале в 1775 году прибыло около двух тысяч человек, размещенных на жительство в Еникале, под охраной крепости. Острая нехватка жилья, топлива, продовольствия, денежных средств, более суровый климат, тоска по Родине и близким — все это серьезно осложнило адаптацию архипелагцев на новом месте жительства, хотя местные власти делали все от них зависящее, чтобы выполнять положения Высочайшего рескрипта.

Трудности обустройства, особенно нехватка удобных, пустующих земель в районе Керчь-Еникале, изменение военно-политической обстановки и другие обстоятельства вынудили часть греков принять предложение князя Г. А. Потемкина и переселиться в район Таганрога. Некоторые уже летом 1776 года самовольно ушли в Кинбурнскую крепость и с вынужденного согласия властей в основном все осели

неподалеку, в Збурьевском ретраншаменте. Группа греков, вернувшаяся на родину с повинной, по имеющимся данным была подвергнута жестоким репрессиям.

Подавляющая же часть архипелагских греков, переселившихся в Керчь-Еникале, вступила в формируемый в Таганроге греческий пехотный полк, переведенный в Керчь, а затем в 1784 году для несения кордонной службы в район Балаклавы, где со своими семьями и создали свои национальные поселения.

Судьба архипелагских греков переселенцев, прибывших на постоянное жительство в Керчь-Еникале, складывалась нелегко, в серьезных трудностях и лишениях, но в целом достаточно благополучно. Именно бывшие воины Албанского (Греческого) войска и их семьи составили собой первоначальное гражданское население данного региона, Керчь-Еникале. Они обеспечили приток новых переселенцев. После ухода Греческого пехотного полка на постоянную дислокацию в Балаклаву архипелагцы сохранили в Керчь-Еникале небольшие, но деятельные греческие поселения. Получив землю, греки занялись земледелием и садоводством, рыболовством и сопутствующими им промыслами, развернули активную торговлю, в том числе и морскую, международную;

Под влиянием многочисленных и самых различных факторов и обстоятельств произошла частичная ассимиляция архипелагских греков. Однако до начала XX столетия керчь-еникальские греки сумели сохранить свою национальную самобытность, язык, обычаи и традиции своей этнической родины, своего древнего, свободолюбивого народа. Удалось сохранить также традиционные ремесла, занятия и промыслы. Греки с конца XVIII столетия постоянно составляли наиболее значительную и авторитетную часть жителей Керчь-Еникале, хотя процент греков в общем составе населения градоначальства медленно, но неуклонно уменьшался. Несмотря на это, греческая община в Керчь-Еникале сохранила свое национальное лицо, не затерялась в многонациональном городе-порте, была хорошо известна и уважаема горожанами других национальностей.

Исследование позволяет заключить, что греки внесли весомый, весьма заметный вклад в историю, культуру, экономику, в морскую торговлю Керчь-Еникале. В строительство и общее развитие города как торгово-промышленного и культурного центра в восточном регионе Крыма, как крупного порта, судостроительной и судоремонтной базы в Азово-Черноморском бассейне.

Многочисленные документальные данные позволяют заключить, что многие представители местной греческой общины нередко

становились крупными чиновниками, занимали ключевые посты в администрации Керчь-Еникальского градоначальства, стали весьма богатыми людьми, известными купцами, крупными промышленниками и землевладельцами, в большинстве своем охотно и бескорыстно занимались благотворительной деятельностью, за что и пользовались уважением и авторитетом у местного населения.

Как показывает исследование, наиболее высоким был процент греков среди местного православного духовенства, купечества, землевладельцев, рыбаков и рыбопромышленников, моряков и судовладельцев, многие из которых навечно вошли в историю города, навсегда остались в благодарной памяти потомков.

Несмотря на бурные события минувших XVIII, XIX, XX веков, в Керчи до сих пор сохранились потомки бывших архипелагских переселенцев. Некоторые семьи сумели сохранить, правда иногда с незначительными искажениями, свои греческие фамилии, а отдельные, и это подтверждают их документы, свою греческую национальность. К сожалению, таких в городе осталось не так уж много, практически единицы. И все же люди, имеющие в своей родословной греков-архипелагцев, не забыли своего греческого происхождения, свои исторические, этнические корни, своих далеких героических предков, первооткрывателей российского градоначальства Керчь-Еникале.

Ныне в городе Керчь успешно действует созданное потомками местных греков Керченское греческое культурно-просветительское общество. Положено начало национально-культурному возрождению греков города. Обществом осуществляется пропаганда греческой культуры и искусства, традиций и обычаев греческих переселенцев, их весомого вклада в историю, развитие современного портового города. В составе Совета и актива данного общества как потомки известных архипелагских греков, так и более поздних переселенцев: Борис Бабич-Маринаки, Валентина Асланиди, Алексей Бузаджи, Янис Грамматопуло.

Судьба городской греческой общины, перенесшей и выдержавшей серьезнейшие испытания, многое пережившей, особенно в XX веке, вызывает уважение. Несмотря на революции, войны, репрессии и депортацию, керченские греки сумели сохранить в течение более 200 лет свою национальную самобытность. Это, на наш взгляд, феноменальное, весьма интересное и поучительное явление. Оно требует своего дальнейшего осмысления и всестороннего исследования ученых — этнографов, историков, политологов и др. специалистов. Глубокое изучение этноса, истории и культуры народов, населяющих территорию юга

бывшего Советского Союза, современной Украины, несомненно поможет молодому государству Украине проводить разумную, взвешенную национальную политику, обеспечить мир и спокойствие, дружбу и взаимопонимание народов, проживающих ныне в Крыму, на Керченском полуострове<sup>1</sup>.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1775, марта 28 дня

Екатерина II — генерал-аншефу,  
графу А. Г. Орлову-Чесменскому.

(РГИА, ф. 13, оп. 1, д. 487, л. 13–17; ф. 383, оп. 29, д. 497, л. 11–14)

Божию милостию Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая Нашему генералу графу Орлову.

Всемиловитейше разсматривая поднесенное Нам от имени всех служащих при флоте под предводительством вашим греков, прошение майора Константина Георгия и капитана Стефана Мавромихали, находим, что утвержденная свидетельством вашим похвальная их к Нам и Отечеству Нашему служба учиняет достойными Всемиловитейшего Нашего уважения, что и исполняем Мы силою сего, повелевая Вам не только всем тем, кои честь и славу победоносного Нашего оружия в минувшую войну подвигами своими утверждали, но и родственникам их, и словом всем благонамеренным объявить Высочайшим нашим именем, что правосудие и природная Наша к общему добру склонность приемлет их под праведный свой покров, чиня всем оным в Отечестве Нашем прочное и полезнейшее со всем семейством их пристанище, и что человеколюбивое Наше сердце не престанет никогда о благосостоянии и пользе единоверного общества сего печись, изъясняя на первый случай по упомянутому прошению их Высочайшую Нашу волю:

Если пожелают они основать селение свое в г. Керчи и Ениколе; то Мы, Всемиловитейше на то соизволя, учиним свободный и вольный в тех местах порт.

---

<sup>1</sup> См.: Приложения 1, 2.

В таком случае повелеваем Вам не токмо тех, кои в войске Нашем служили со всем семейством их, но и всякого звания людей, которые объявят вам свое к тому желание, сколь велико число их будет, на иждивении Нашем и на наших кораблях, со всеми возможными для них в пути выгодами в Отечество Наше отправить, а чтоб все оные соответственно Высочайшей Нашей воле в первом Российском порте приняты, и в назначенное им место препровождены были, то имеете вы о числе их благовременно уведомить Нашего генерала Потемкина, которому на сей случай достаточно дано от нас повеление.

Здание храмов Божьих и всего домостроительства их произведено будет из казны Нашей, так как и содержание крепости в надежном для жителей состоянии, не оставим Мы препоручать тому начальнику или коменданту, который по Высочайшему избранию Нашему на сей случай определен и впредь определяем будет.

Что сходственно с прошением их не дозволено будет никому из иностранных покупать земли в отведенной для сего общества части, как при крепостях Керчи и Еникале, так и в Азовской губернии, но под сим именем иностранных не разуметь им Российскую нацию; и как те города принадлежат скипетру оной, то коменданту и гарнизону в них быть Российскому.

Прошение их в рассуждении податей, которая обязуются, исключая одних военнотружущих, платить в казну Нашу со времени основания их по происшествии тридцати лет, а те, кои получают земли в Азовской губернии спустя пятнадцать лет, и что в отправлении правосудия повиноваться им общим той губернии установлениям, Мы Всемилоостивейше приемля, а пробуем.

Что принадлежит до установления из националов их войск и до всего того, что с основанием оных неразрывно быть следует, то во всем оном учинено будет прочное и выгодное для обоих сторон условие.

Прошение их о выборе той нации генерала со Всемилоостивейшим от нас его в том чине утверждением, и об учреждении из собственных их офицеров для разбирательства спор суда с подчинением оного начальнику провинции их, Мы Всемилоостивейше а пробуем.

Соизволяем и на то, чтоб учрежденные из той нации войска ни в какия другие места вне пределов их, исключая одного военного времени, употребляемы не были.

Избрание для них Греческого Архиепископа, с посвящением Святейшего Нашего Синода и с производением ему из казны жалования, а пробуем.

Для наблюдения внутреннего благочиния и всякого звания торговых дел учредить магистрат из греческого их купечества способом избрания в оный судей чрез всякие три года, Всемилостивейше им дозволяем, которому состоять под апелляциею губернии, а потому самому и в Высшей апелляции Нашего Сената, с тем однако-ж, что должны состоять они объявить, на каких именно законах решения они основывать будут.

Никто из поселян общества сего против собственного своего желания в войски Наши ни под каким видом принуждаем не будет, и каждый из них военнотрудовой, по прошествии 5 лет, если сам пожелает, получит от оной увольнение, на место которых в тоже самое время наполнять полки из поселян, но сие не прежде учреждено быть может, как тогда, когда по числу всего оного селения определится число полков; в случае же непредвидимой нужды повинен каждый защищать оружием безопасность земли.

Для воспитания юношества и приурочивания оного к службе, учредится в селении их потребное на казенном иждивении военное училище, а для сохранения здоровья, как военнотрудовых так и всех тамошних поселян, казенный же госпиталь и аптека, с потребным числом медицинских служителей.

Увольнение города от постоев и содержания почты в мирное время учинено будет, смотря по возможности и обстоятельствам.

Что до производения генералу их жалования и снабдении в военное время полков их всем нужным в походе касается, то в оном сделано будет условие по учинении и нужного на сей случай исчисления.

Всякого звания, потребная для них военная аммуниция и снаряды как ныне, так и впредь, выдаваемы будут из казны Нашей.

Соизволяем Высочайше отправлять купечеству их при всех империи Нашей портах и городах взаимную с прочим российским купечеством торговлю, пользуясь всеми Всемилостивейше пожалованными от Нас до ныне и впредь по временам жалуемыми привилегиями, так-как и все природные Наши подданные тем пользуются, без всякого изъятия, и содержать оному на собственном своем иждивении купеческие корабли, не возвра-

няя притом и российскому купечеству приезжать с товарами в селения их.

Вывод в те селения землевладельцев не токмо из Греции, но из Булгарии, Молдавии и Валахии Всемилостивейше позволяем.

На равном с сими новыми поселянами основании, увольняем от податей на тридцать лет и всех тех греков, кои в будущее время выходя и поселяясь там, утвердят себя в верности в службе Нашей присягою.

Установленную по происшествии тех льготных лет в казну Нашу подать повелеваем расположить не с числа душ, но с фамилий.

В подкрепление всех будущих в том селений чиновных в их домостроительствах и для споспешествования к пользе заводимой там торговли, иметь учрежден быть из казны Нашей банк, на равном основании со всеми прочими в государстве Нашем до ныне установленными.

И наконец приея все оное общество и особливое Наше Матернее покровительство и милость, и сохраняя всегда в прямой цене оказанные оным в течение минувшей войны знаменитые опыты их к службе Нашей усердия и ревности, не оставим по природному Нашему правосудию без достойного всех и каждого особо, по мере подъятых ими трудов награждения, поставляя в том всегдашнее Наше удовольствие.

К произведению же всего вышеописанного именем Нашим в действо, и к отправлению их всех на объявленном основании в Россию, по испытанной Нами достохвальной вашей ревности, уполномачивая вас, пребыванием императорскою Нашею Милостию всегда благосклонны.

Дан в Москве, лета от рожества Христова 1775, марта 28 дня.

Тако Екатерина (подпись)

## ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1775, октября, 28 дня

Жалоба греков-архипелагцев — Еникале, Крым генерал-аншефу, графу А. Г. Орлову-Чесменскому (РГВИА, ф. 1, д. 48, ч. 1, л. 20)

Сиятельнейший граф премилосердный государь!

Находящейся здесь в Еникале греки, покорная слуги Вашего высокографского сиятельства, всенижайше смелость приемлем донести, что по сее здешней командой (имеется в виду

командование гарнизонов, комендант Керчь-Еникале. — Ю. П.) обретаемся в утеснении, и что далее продолжается; вместо чтоб она команда приняла меры к созданию сея греческой колонии, принимает такая, кои склонны к разорению, в чем и прежде сего часто Вашему сиятельству, яко патрону и защитителю писали, но не имея мы случая ведать, доходят или нет письма наши Вашему сиятельству.

По такому сомнению принуждены были также писать и к его сиятельству князю Репнину в Константинополь, чтоб оттуда по жалобе уведомить подробно Ваше сиятельство.

Кроме того горестное наше состояние принудило нас просить у оной команды, чтоб дозволено нам было послать двух из наших собратей с подданнейшим прошением, чрез подавание Вашего сиятельства, Ея Императорскому Величеству; изъясняя предмет и желание всего нашего общества касающееся до места, где быть водруженной нашей колонии здесь в Крыму; но она команда не позволяет.

Того ради всенижайше просим, соблаговоли, милосердно просим... к нам отправить одного вашего человека с генералом князем Михаилом Кантагузином<sup>1</sup>, который, по уверении наших депутатов майора Костантина Георгиевича и капитана Стефана Мавромихали, определен уже Высочайшим указом быть у нас по нашему желанию.

Вашего высокографского сиятельства из Геникале октября 28 дня 1775 года всенижайшия слуги, греки из всякого чина.

Перевод с греческого диялекта      Подпись переводчика

---

<sup>1</sup> Видимо, здесь речь идет о Мегметше бее Кантакузине (из молдавских князей), адъютанте князя Г. А. Потемкина, получившего орден Святого Владимира за храбрость, при взятии крепости Очаков (см.: ИТУАК. Симферополь. № 30. С. 3.)



## ГРЕЧЕСКИЙ «ЛЕГИОН ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I» И ПОСЕЛЕНИЕ ЕГО ВОИНОВ В ПРИАЗОВЬЕ

Несомненно, забытой многими страницей истории греческой диаспоры на Украине является боевая деятельность греческого «Легиона императора Николая I» и дальнейшая судьба греков-волонтеров, участников Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов, а также образованного в 1857 году legionерами греческого поселения Ново-Николаевка (Волонтеровка), в шести верстах от города Мариуполя. Страницей истории, весьма занимательной еще и тем, что это было последнее, с середины XIX века, прибытие в регион достаточно значительной группы греков, расселенных компактно на «Митрополичьих землях» и образовавших новое, весьма специфическое греческое поселение, первыми жителями которого были исключительно бывшие воины, волонтеры греческого легиона.

Боевые воинские формирования волонтеров в составе действующих на Дунае и в Крыму российских армий из числа «подданных греческого королевства, а также выходцев из турецких владений — лиц греческого и славянских происхождений», появились практически с началом Крымской войны. В период вступления российских войск в Молдавию и Валахию, сражений на Кавказе и в Крыму воины указанных добровольческих формирований горели единым желанием бороться совместно с россиянами против общего врага с целью «...освобождения края своего от ига турок»<sup>1</sup>.

В период высадки союзников в Евпатории в составе Крымской армии действовала особая воинская часть, состоящая из греков-волонтеров — «Легион императора Николая I» в составе свыше 700 человек, командиром которого являлся князь Панаиоти Мурузи<sup>2</sup>.

В Измаиле дислоцировались три роты болгарских и сербских волонтеров числом свыше 500 бойцов<sup>3</sup>.

Греческий легион совместно с частями Крымской армии принимал самое непосредственное участие в боевых действиях и особенно отличился

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 1, 2.

<sup>2</sup> Там же. Л. 12, 13; ИТУАК. Симферополь, 1905. № 37. С. 229.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 13, 14.

в ходе героической обороны Севастополя, продолжавшейся 349 дней, находясь в составе отважного гарнизона с 1 марта по 27 августа 1855 года<sup>1</sup>.

К сожалению, немалые боевые заслуги данного воинского формирования, в свое время признанные современниками, ныне во многом забыты, не получили должного освещения в научной литературе. Славные дела, подвиги многих греков-волонтеров, по сути, преданы забвению.

Одним из первых крупных ратных дел, в котором греческие волонтеры получили серьезное боевое крещение, показали свои высокие воинские качества, стала массированная атака, штурм позиций неприятеля у Евпатории 5(17) февраля 1855 года в составе группы российских войск. Получив приказ главнокомандующего войсками в Крыму князя Меншикова взять штурмом Евпаторию, генерал-лейтенант С. А. Хрулев возглавил специально созданный для этого отряд в составе 22 батальонов, 24 эскадронов и 5 казачьих сотен общим числом около 19 тысяч человек со 108 орудиями. В данную группировку войск был включен и греческий «Легион императора Николая I» в составе 634 человек, который на основании диспозиции о штурме Евпатории входил в состав средней колонны, атакующей укрепления города<sup>2</sup>.

Рано утром 5 (17) февраля под прикрытием массированного артиллерийского огня, взаимодействуя с другими колоннами, средняя скрытно подошла со стороны Сакского озера на сто шагов к укреплению врага и завязала перестрелку. В ходе данной атаки впереди действовал греческий легион и четыре сотни спешенных казаков Донских полков, за ними в резерве следовал батальон спешенных драгун. Позднее, около 10 часов утра, поддерживаемые шквальным огнем российской артиллерии, на штурм устремились 3-й и 4-й батальоны Азовского пехотного полка под командованием генерал-майора Огарева III. Поддерживая их, левее пошел в атаку греческий легион.

Встреченные сильнейшим ружейным огнем и картечью с городских укреплений и кораблей противника, российские войска, неся значительные потери, героически преодолевая упорное сопротивление врага, подошли к глубокому крепостному рву, наполненному водой, но не смогли его с ходу форсировать, к тому же оказалось, что штурмовые лестницы коротки, и это не давало возможность выйти на укрепления, взять их. Атака захлебывалась.

---

<sup>1</sup> *Зайончковский*. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. СПб., 1904. С. 77.

<sup>2</sup> *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1876. Т. 3. Приложение к т. 3. С. 24.

Оценив сложившуюся обстановку и убедившись, что дальнейший штурм бесперспективен, повлечет за собой лишь огромные людские потери, генерал Хрулев приказал отвести атакующих на исходные позиции в укрытия, а 8 февраля отошел с войсками от города, отказавшись от последующих атак. В ходе данного сражения у стен Евпатории российские войска потеряли убитыми 168 человек, а с ранеными, контужеными, пропавшими без вести общий урон достиг 768 человек. Понес потери и греческий легион, в том числе и в офицерском составе. Так, среди смертельно раненных был командир одной из греческих рот капитан Стамати. Николай I «...был крайне огорчен неудачною попыткою...» взять Евпаторию и «...значительною потерею, вновь понесенною нашими храбрыми войсками без всякого результата»<sup>1</sup>.

Вся последующая боевая деятельность греческого легиона тесно связана с героической обороной Севастополя, в составе гарнизона которого он находился полгода, до оставления города. На греческих волонтеров полностью распространялось Высочайшее повеление о льготах, о том, чтобы каждый месяц пребывания в составе севастопольского гарнизона в период осады города неприятелем зачислять «...за год службы по всем правилам и преимуществам...», «в признательности за их (защитников города. — Ю. П.) беспримерное мужество, усердие и труды»<sup>2</sup>.

Действительно, греческие волонтеры, стойко державшие оборону на Инкерманских и Мекензиевых высотах, у села Чоргуна, постоянно участвовали в вылазках, в основных сражениях в период осады города.

Так, например, 10 (22) марта 1855 года греческие легионеры в составе отряда капитана 2 ранга Будищева, состоящего из четырех рот греческих волонтеров, 150 охотников флотских экипажей и 200 охотников Минского полка, взаимодействуя с отрядом лейтенанта Бирилева, совершили дерзкую вылазку против англичан. Отряд Будищева, вышедший из укреплений 3-го бастиона, был разделен на три группы. Главной из них, в составе четырех греческих рот под командованием князя Мурузи и 30 матросов мичмана Макшеева, поручалось действовать против укреплений майора Гордона. Группе греческих волонтеров удалось застать англичан врасплох, стремительной атакой овладеть вражеской батареей, перебить прислугу, заклепать несколько орудий, при этом были убиты

<sup>1</sup> Там же. С. 223, 224.

<sup>2</sup> Там же. Т. 3. С. 224; Царский памятник Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С. 56.

английские офицеры капитаны Браун и Викар, а майор Гордон был ранен. Затем, уничтожив и серьезно повредив большую часть вражеских укреплений и траншей, отряды Будищева и Бирилева вернулись на исходные позиции, на свои оборонительные линии.

Несмотря на значительный боевой успех, разгром укреплений противника, огорчало то, что и отряды Будищева и Бирилева, действовавшие на одном направлении, понесли немалые потери: было убито 2 офицера и 10 нижних чинов, ранено 4 офицера и 60 рядовых. У англичан в результате данного боя вышло из строя до 100 человек убитыми и ранеными, взяты в плен 2 офицера и 12 рядовых. Указанная боевая вылазка показала высокую выучку, смелость и решительность греческих волонтеров, к сожалению, понесших в этом бою потери убитыми и ранеными<sup>1</sup>.

Активное участие греческий легион принял и в сражении российских войск с союзниками на реке Черной 4 (16) августа 1855 года. Здесь греческие волонтеры ожесточенно дрались в войсках левого фланга под общим командованием генерал-лейтенанта П.П. Липранди, находясь в левой колонне его войск, возглавляемой генерал-лейтенантом Бельгардом, имевшей в своем составе 13 батальонов, 2 сотни казаков и 42 орудия. Под руководством данного военачальника греческий легион численностью 500 человек<sup>2</sup> отважно действовал на протяжении всей операции, хорошо зарекомендовав себя.

До начала кровопролитного сражения в половине третьего утра 4(16) августа колонна войск генерала Бельгарда из селения Мокрая Луговина выступила к Чоргуну. «Греческий легион спустился в Карловское ущелье и занял деревню Карловку...», участвовал во взятии Телеграфной горы. Однако общий ход событий складывался неудачно для россиян. Находясь на высотах, союзники уничтожающим артиллерийским и ружейным огнем встретили, а затем остановили на всех направлениях наступающие российские войска, нанесли им значительные потери, обескровив, заставили отойти на правый берег реки Черной и укрепиться там на расстоянии пушечного выстрела от берега. Союзники не преследовали отходящих, оставались на своих укрепленных высотах, по левую сторону реки Черной.

В ходе завершения сражения отряд генерала Бельгарда отступил к Юкара-Каралезскому ущелью, потеряв 14 человек убитыми. Среди отличившихся воинов можно назвать многих греков-волонтеров,

<sup>1</sup> *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 гг. — СПб., 1876. Т. 3. С. 263.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 383. Оп.19. Д. 25073. Л. 12, 13.

например командира 4-й роты Антона Гини, майора Аристида Хрисовери и др.

Оценивая итоги проигранной боевой операции, император Александр II писал главнокомандующему князю М. Д. Горчакову: «...Огромная потеря наших славных войск, без всякой результата, Меня крайне огорчает... Славные войска наши исполнили свой долг свято. Прошу объявить им, от генерала до солдата, Мою искреннюю и душевную благодарность»<sup>1</sup>. Все это полностью относилось к греческим волонтерам — активным участникам этого тяжелого, но бесславного сражения.

После оставления Севастополя и перехода войск на северную сторону 27 августа (8 сентября) 1855 года и организации там дальнейшей обороны, в левом крыле российских войск под начальством генерала от артиллерии Сухозанета на позиции в ущелье Юкара-Каралез среди других российских войск разместился в боевых порядках и греческий легион императора Николая I. Позднее, в конце 1855 года, уже после перегруппировки сил, оставшиеся в Крыму войска занимали оборонительные укрепления на северной стороне Севастополя, на Мекензиевых горах, в Инкермане. На промежуточной позиции между Мекензи и Инкерманом несли боевую службу до окончания войны греческие волонтеры.

Следует подчеркнуть, что на протяжении всей войны греческий легион постоянно показывал себя подготовленной, боеспособной, весьма надежной в боевом отношении воинской частью, умело взаимодействующей с российскими войсками. Греки-волонтеры в боях отличались выносливостью, хорошей выучкой, мужеством и отвагой, дерзостью в атаках, стойкостью в обороне. К ним в полной мере относятся слова приказа Александра II от 30 августа 1855 года в адрес воюющих российских армий: «...сии испытанные герои, служа предметом общего уважения своих товарищей, явят без сомнения новые примеры тех же воинских доблестей...»<sup>2</sup>

Высокую оценку своим подчиненным, героическим защитникам Севастополя, дал и новый главнокомандующий Южной армией и войсками Крыма генерал-адъютант А. Н. Лидерс. «Храбрые воины сухопутных и морских сил, — говорится в приказе от 27 августа 1856 года, — Именем Государя Императора благодарю Вас за Ваше беспримерное мужество, за Вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Богданович М. И. Указ. соч. Т. 4. С. 52, 176, 204.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 55. Д. 42. Л. 2.

<sup>3</sup> Там же. Л. 16, 17.

Воины российской армии, погибшие в ходе обороны Севастополя, с почестями хоронились на северной стороне города, на братском кладбище, образованном в 1854 году по указанию вице-адмирала В. А. Корнилова. Здесь впоследствии до 1912 года хоронили умерших участников обороны города.

Братское кладбище Севастополя служит могилой 127 587 павших воинов, среди них есть и греки, из общего числа до 500 чел., погибших во время боевых действий в Крыму<sup>1</sup>.

Церковь Николы Морского на братском кладбище, построенная в 1857–1859 годах архитектором А. Авдеевым, является и поныне своеобразным надгробным памятником всем славным защитникам Севастополя.

Здесь, видимо, уместно вспомнить, что несколько позднее, в 1864 году, некоторые греки, проживавшие в России, высказали благородное желание соорудить на братском кладбище за счет добровольных пожертвований памятник погибшим грекам «... в знак памяти павших во время Крымской кампании греческих воинов в Севастополе и в Крыму».

27 августа 1865 года было получено Высочайшее разрешение на «организацию негласной подписки добровольных пожертвований» и сооружения на эти средства памятника погибшим грекам по представленному проекту<sup>2</sup>.

Однако из-за явной недостаточности собранных по подписке денежных средств и некоторых других обстоятельств эта благороднейшая идея, к сожалению, так и не была реализована. Памятник погибшим грекам-волонтерам на братском кладбище Севастополя не удалось соорудить до сего времени.

По высочайшему повелению от 11 октября 1868 года был прекращен сбор добровольных пожертвований на сооружение вышеозначенного памятника, а собранные уже средства — 31 руб. 82 коп. (!!!) — было предложено раздать «...нуждающимся в помощи грекам, из числа проживающих в России...»<sup>3</sup> Данный проект ждет своего осуществления и сегодня. Память о погибших свята.

Греческие волонтеры, как и все героические защитники Севастополя, «в память знаменитой и славной обороны» были награждены серебряной медалью на георгиевской ленте для ношения в петлице<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 25, 35.

<sup>2</sup> Царский памятник Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С. 61.

<sup>3</sup> Там же. С. 60.

<sup>4</sup> Там же. С. 61.

После занятия союзниками Севастополя в Крыму наступило затишье, изредка прерываемое боевыми действиями тактического характера, стычками на аванпостах. Полностью подтвердился вывод российского военного командования, сделанный в октябре 1855 года, что после занятия Севастополя неприятель «...не в состоянии предпринять какие-либо решительные действия до весны» 1856 года. В указанный период активизировался переговорный процесс, было очевидно, что война идет к своему завершению.

В данных условиях во всей остроте встал вопрос о дальнейшей судьбе волонтеров, в том числе греческих легионеров, в среде которых стали нарастать демобилизационные настроения.

Уже к концу 1855 года в связи с практическим прекращением боевых действий, ряд волонтеров заявили, что они не хотят далее «...оставаться на службе» и просят уволить их из легиона. Таким образом, в начале 1856 года покинуло легион около 120 человек, все они были отправлены в Кишинев<sup>1</sup>.

Следует заметить, что к этому времени на протяжении 1855 года уже были уволены со службы «...за нежелание продолжать ее» и отправлены в Николаев, Одессу, Измаил, Кишинев, Херсон, Бердянск до 100 человек греческих волонтеров, в основном из числа выздоровевших больных и раненых, находившихся на излечении в госпиталях Симферополя. Следует заметить, что часть их, получив документы, разошлись, не желая отправки, осели, видимо, в Крыму и не были затем разысканы<sup>2</sup>.

Под влиянием уже названных и других причин, в основном личного характера, процесс увольнения из греческого легиона постепенно нарастал, ускорялся. Как видно из доклада главнокомандующего Южной армией и войсками Крыма генерала А. Н. Лидерса военному министру от 21 марта 1856 года: «Из числа служивших в Крымской армии греков, до 640 человек, не пожелавших далее служить, уволены из легиона и отправлены по распоряжению генерал-лейтенанта князя Горчакова, под присмотром, на временное жительство в Бессарабию, с производством содержания в течение 3-х месяцев... В Крыму, — сообщает далее Лидерс, — в легионе осталось еще на службе обер-офицеров 5 и нижних чинов 67, кои по заключению ныне мира должны быть распущены»<sup>3</sup>.

Прибывшие в Бессарабию бывшие греческие волонтеры по разным обстоятельствам начали произвольно рассеиваться на юге Российской

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1905. № 37. С. 229–231.

<sup>2</sup> ИТУАК. Симферополь, 1905. № 37. С. 229.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 12, 13.

империи, что стало вызывать серьезное беспокойство местных властей. Требовалось немедленно решить дальнейшую судьбу этих заслуженных воинов, не находящихся ныне себе достойного применения.

В многочисленных документах того периода, направленных местными властями, командованием Российских войск на Высочайшее имя, постоянно звучала серьезная озабоченность дальнейшей судьбой волонтеров. Подчеркивалась настоятельная необходимость быстрейшего и разумного решения возникшей проблемы, указывалось, что распускаемые ныне волонтеры «...скитаются на Юге России без всяких занятий, без определенных средств к пропитанию...», высказывались и серьезные опасения, что «...эти толпы людей бескровных, непривыкших к труду и умеющих только владеть оружием составят не только бремя, но и опасную язву для Юга России»<sup>1</sup>.

Опасения эти хорошо просматриваются, например, в письме военного министра в адрес министра Государственных имуществ от 5 марта 1856 года за № 382, в котором предлагался для согласования один из вариантов решения вопроса с целью последующего доклада императору, а именно «...принять благонамеренные меры, к предохранению Юга России от накопления сего рода людей, сформированием из них батальонов по образцу существующего уже Балаклавского греческого батальона, или уже доставлением им оседлости, или правильных средств к существованию»<sup>2</sup>.

В результате тщательного и всестороннего обсуждения проблемы бывших волонтеров на уровне Кабинета министров было разработано наконец приемлемое для всех решение, Высочайше затем утвержденное.

Волонтерам предлагалось самостоятельно сделать окончательный выбор: возвратиться в свое отечество или остаться в России, стать российско-подданным.

Пожелавшим вернуться на родину представлялись средства для прибытия к границе и довольствия в пути. При переходе границы, посадке на корабли бывшим волонтерам выдавалось «...единовременное вспомоществование» в «вознаграждение за службу и преданность России» в размере годового жалования, которое они получали на службе в войсках<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 1, 2.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 1.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2623. Л. 40; Ф. 571. Оп. 4. Д. 2080. Л. 1; РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5857. Л. 13.



Тем бывшим волонтерам, которые пожелали остаться в России и принять присягу на российское подданство, предоставлялась возможность «...избрать род жизни, со льготой от платежа податей на 3 года и с правом приписки к городам и селениям». Грекам — «...к обществам греческих поселений около Мариуполя»<sup>1</sup>.

Наряду с этим командованию предлагалось довести и детально разъяснить бывшим волонтерам статью V Парижского мирного договора 18 (30) марта 1856 года, которая «...дарует полное прощение» турецко-подданным, воевавшим на стороне России, защищает их от преследований турецких властей.

В июне 1856 года греческий легион императора Николая I, полностью выполнивший возлагавшиеся на него в годы войны задачи, расформировывается, а его командиру полковнику Папафанасопуло пришлось возглавить работу по ликвидации части, по реализации выбора оставшихся еще в легионе подчиненных. Отправить пожелавших на родину, организовать прием Присяги на подданство России и направить остающихся в места сбора и затем в регионы, предназначенные для их местожительства.

Остающиеся в России получали единовременное вспомоществование в размере полугодового оклада и «кормовые деньги» до прибытия в отведенные места для поселения, где их ждали новые льготы и необходимые средства для первоначального обустройства.

К началу декабря 1856 года в ведение таганрогского градоначальника прибыли первые греческие волонтеры, 62 человека, вскоре из Одессы и Бессарабии приехало еще 139 бывших воинов греческого легиона для поселения их в Мариупольском округе<sup>2</sup>, в уже существующих греческих селениях.

Однако прибывшие волонтеры, ознакомившись на месте с обстановкой, наотрез отказались жить в греческих населенных пунктах и высказали твердое желание «...быть поселенными на одной местности, своим обществом...», ссылаясь при этом на серьезные различия с местным греческим населением «...в нравах, обычаях и даже самом языке...»<sup>3</sup>

Учитывая, что вблизи Мариуполя к этому времени свободных казенных земель практически не осталось, возникшую весьма непростую

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 571. Оп. 4. Д. 2080. Л. 1; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2623. Л. 40; Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 20, 21.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2623. Л. 40, 41; Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 39, 40.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 34, 35; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2623. Л. 42.

проблему пришлось спешно решать правительству. По представлению двух министров, военного и государственных имуществ, поддержанных кабинетом министров, нашедших требования бывших волонтеров обоснованными, были направлены проекты решения непосредственно Александру II. Испрашивалось Высочайшее соизволение «...об отводе под поселение волонтеров» земельного участка вблизи Мариуполя, называемого митрополитским, размером свыше 2 264 десятин удобной и около 100 десятин неудобной земли. Указанная земля, находившаяся первоначально в пользовании греческого митрополита Игнатия, понравившаяся бывшим legionерам, к этому времени, по контракту на 12 лет, начиная с 1857 года, была уже передана местному дворянину М. Заводскому (из платежа государству 951 рубль 30 копеек серебром в год)<sup>1</sup>.

Данный контракт по просьбе властей вскоре был законным порядком расторгнут судом, основываясь на пункте № 4 заключенного договора (контракта). Землевладельцу была выплачена неустойка, изъята земля, что затем и дало основание принять окончательное решение в пользу греков.

22 мая 1857 г. последовало Высочайшее соизволение «..на отвод под поселение волонтеров упомянутого поземельного участка». Повелевалось «...водворить на оной всех находившихся там 201 греческих волонтеров», «...назначить тем волонтерам денежные ссуды, ...по 45 рублей серебром», с тем чтобы «...столь значительное вспомоществование послужило к действительному устройству сих людей, прочным хозяйственным образом, в местах нового водворения»<sup>2</sup>. Указанная ссуда давалась с возвратом на 5 лет без процентов. Наряду с этим волонтерам — нижним чинам для первоначального обзаведения безвозвратно было выдано единовременное пособие в размере по 55 руб. серебром, офицерам по 100 руб.

Вновь созданное поселение греков-волонтеров на бывшем митрополитском участке земли удобно размещалось в шести верстах от Мариуполя «...между выгонною городской землею и греческими поселениями: Сартанюю и Старый Крым», получило название Ново-Николаевка, но в народе, среди местного населения его чаще называли Волонтеровкой. Неофициальное название прижилось, сохранилось и по сей день, более того — оно приводится нередко и в документах<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Там же. Д. 25073. Л. 66, 45; *Александрович И. Э.* Краткий обзор Мариупольского уезда. Мариуполь, 1884. С. 65, 66.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2623. Л. 47, 48.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 571. Оп. 4. Д. 2080. Л. 4, 6–9; Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 75–78; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2623. Л. 42, 43.

Таким образом, греки-волонтеры достаточно быстро получили все обещанное им от правительства «...на первое обзаведение». Им была оказана необходимая помощь со стороны местного греческого населения в строительстве домов, в создании продуктивного хозяйства на полученных земельных участках, в налаживании повседневной жизни быта в новом населенном пункте.

Несмотря на все это, общее обустройство бывших воинов шло тяжело, медленно, со многими трудностями, издержками, ибо «...непривычные к земледельческому труду и местным условиям» некоторые волонтеры уходили в Мариуполь и «...пускались на мелкие промыслы», не занимались всерьез землей, своим хозяйством, нередко отдавая их в поднаем. Значительным среди них был процент одиноких и бессемейных. Достаточно сложно, особенно первые годы, складывались отношения у волонтеров с местными греками, с трудом налаживались взаимопонимание, добрые отношения. Местное население, «...узнав поближе своих соседей, не изъявляло вначале никакого желания родниться с ними»<sup>1</sup>, и это было непростой проблемой, которая постепенно все же решалась.

Как бы там ни было, но жизнь брала свое, все, хотя и медленно, с трудом, но постепенно налаживалась. Уже через 12–15 лет Ново-Николаевка (Волонтеровка) достаточно обустроенное, зажиточное, крупное греческое поселение с общинным земледелием, с народной земской школой, в которой, например, в 1884 году обучалось 37 учеников и учениц<sup>2</sup>.

Через 30 лет после основания поселения, как это видно из результатов переписи 1885–1886 годов в Ново-Николаевке с населением 306 душ числилось 67 домохозяйств. Среди жителей села 138 человек были дети и юноши в возрасте до 18 лет, что составляло 45 % населения. Первопоселенцев, людей старше 55 лет, оставалось всего 46 человек (13% от общего числа жителей населенного пункта)<sup>3</sup>.

На каждый наделный двор приходилось в среднем 37,3 десятины земли, а на каждую ревизионную душу — 17. Занимаясь землепашеством, жители Ново-Николаевки сеяли пшеницу, рожь, ячмень, просо, овес, гречиху, кукурузу, лен, коноплю, выращивали различные овощи, картофель, арбузы, отводя на все это около 540 десятин пахотной земли.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25073. Л. 29; Александрович И. Э. Указ. соч. С. 65, 66.

<sup>2</sup> Там же. С. 67.

<sup>3</sup> Статистико-экономические таблицы по Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1887. С. 260.

Занимались греческие семьи и скотоводством, содержали в своих хозяйствах волов, лошадей, коров, овец, свиней. Так, на период переписи в селении имелось 137 голов крупного рогатого скота и 527 голов мелкого домашнего скота, среди них 200 овец.

25 семей Волонтеровки обладали современными по тому времени земледельческими орудиями, позволявшими своевременно и качественно обрабатывать всю имеющуюся в посевном обороте землю.

Жилищная проблема в селении была решена полностью. За 30 лет здесь было построено 77 добротных жилых домов, имелось также 7 амбаров, 55 сараев, конюшен и других хозяйственных построек. Все жилые дома строились на многие годы, из «земляного кирпича», 44 из них были покрыты черепицей, остальные соломой.

К этому времени в составе жителей греческого поселка появились первые представители других национальностей. Это были в основном украинцы и русские, обустроившиеся и мирно проживавшие по соседству, рядом с греками, нередко роднившиеся с ними. По состоянию на 1886 год число негреческих семей в Ново-Николаевке достигло 16 и насчитывало 72 души — 45 мужского пола, 27 женского, что составляло 23% жителей села.

На время переписи в селении функционировали школа, греческая церковь, две лавки, трактир. Следует подчеркнуть, что среди населения Ново-Николаевки процент грамотных был сравнительно высок. В 49 семьях имелись умевшие читать и писать люди. Среди мужчин грамотных было 85 человек, среди женщин 20, всего 105 человек. Таким образом, грамотные составляли 34% всего населения<sup>1</sup>.

Даже беглый этнографический обзор позволяет вполне обоснованно заключить:

- за 30 лет своего существования поселение воинов-легионеров превратилось в достаточно благоустроенное, зажиточное греческое село, в котором наряду с греками постоянно проживали семьи людей других национальностей;
- основным занятием жителей являлось сельскохозяйственное производство: земледелие, животноводство, садоводство;
- бывшие греческие волонтеры и их потомки постепенно превращались в типичных приазовских поселян, по сути мало отличавшихся от остального греческого населения региона;
- греки Ново-Николаевки за прошедшие годы не утратили своей ярко выраженной национальной самобытности, сохранили обычаи,

<sup>1</sup> Статистико-экономические таблицы по Екатеринославской губернии. Вып. 2. Мариуполь, 1887. С. 260–275.

нравы, традиции, свои праздники, различные праздничные ритуалы, национальную одежду, язык своего древнего народа;

• с каждым годом Волонтеровка постепенно и неуклонно превращалась в многонациональное по своему составу поселение, и эти изменения становились все более необратимыми.

Представляют несомненный интерес этнодемографические процессы: динамика роста, расширения поселения, увеличения числа хозяйств, количества жителей и другие изменения, происходившие в поселении греков-волонтеров, что можно увидеть, проанализировав следующую таблицу<sup>1</sup>:

<b>Общее число:</b>	<b>1856—1857 гг.</b>	<b>1887 г.</b>	<b>1913 г.</b>	<b>1923 г.</b>	<b>1927 г.</b>
жителей села	201	306	803	1161	1424
Мужчин	201	161	435	554	678
Женщин	—	145	368	607	746
Хозяйств	—	67	190	226	303

Исходя из итогов сплошной подворной переписи, проведенной в Донецкой губернии в январе-феврале 1923 года, можно заключить, что жители села Ново-Николаевка Новосельского района из поколения в поколение бережно сохраняли свои земли, находящиеся в землепользовании<sup>2</sup>.

<b>Отведенные земли (в десят.)</b>	<b>1857 г.</b>	<b>1887 г.</b>	<b>1913 г.</b>	<b>1923 г.</b>
Удобные земли	2265 100	2288	2288	2033
Неудобные земли	2365	62	208	
Всего		2350	2496	

Несомненно, бурными, неоднозначными, судьбоносными для жителей Ново-Николаевки, как и всей Российской империи, были

<sup>1</sup> Составлена автором на основе следующих статист. данных, публикаций: Статистико-эконом. таблицы по Екатеринославской губернии. Вып. 2. Екатеринослав, 1887. С. 260; Вся Екатеринославская губерния. Екатеринослав, 1913. С. 220; Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губ. (январь-февраль 1923 г.). Т. 5. Итоги сельскохозяйственной переписи Донбасса. Харьков, 1923. С. 262.

<sup>2</sup> Там же. Статистический бюллетень Мариупольщины. Мариуполь, 1927. № 7—8. С. 31.

последующие 30 лет: вступление в XX век, бурное развитие капитализма, войны и революции, поворот к построению социализма, связанные с этим социальные потрясения.

О том, что из себя в экономико-демографическом отношении представляла Ново-Николаевка (с середины 20-х годов Красно-Волонтеровка), примерно через 70 лет после своего основания, в период нэпа, можно судить на основе итогов сельскохозяйственной переписи Донбасса в январе–феврале 1923 года, статистических данных 1927–1928 годов.

Так, в 1923 году на 226 хозяйств в селении с общим числом жителей в 1 161 чел. приходилось свыше 60 лошадей, около 200 голов крупного рогатого скота, среди которых были 26 рабочих волов, 149 теленых коров и др. Вместе с тем в хозяйствах поселян имелись около 315 голов различного домашнего скота: овцы, свиньи, козы; свыше 430 различных домашних птиц: гусей, кур и другой живности. Для обработки 1 258 десятин пашни и 632 десятин покосов, находившихся в севообороте, в селе имелась необходимая сельскохозяйственная техника и инвентарь, а именно: плугов — 74, борон — 64, сеялок рядовых — 8, жнеек — 38, молотилок — 33, зерноочистителей — 44; а также достаточное количество транспортных средств: телег парных — 59, одноконных — 65, саней — 25.

Наряду с земледелием и скотоводством 76 семей занимались различными промыслами. В их составе были кузнецы, токари, столяры, сапожники, представители других специальностей. Садами было занято 37 десятин земли. Три семьи весьма активно занимались пчеловодством и имели 25 ульев, торговали медом.

В Волонтеровке функционировали неполная средняя школа, библиотека-читальня, работал клуб. 62% населения были грамотными, среди них 368 мужчин и 355 женщин. Дети до 18 лет составляли 548 чел., т. е. около 50% населения, что в целом обеспечивало благоприятную демографическую обстановку в будущем, постоянный рост населения села<sup>1</sup>.

Следует особо отметить те весьма серьезные изменения, которые произошли к переписи 1923 году, в национальном составе жителей Ново-Николаевки. Она из чисто греческого поселения

---

<sup>1</sup> Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губ. (январь-февраль 1923 г.). Т. 5. Итоги сельскохозяйственной переписи Донбасса. Харьков, 1923. С. 262—268; Список населенных пунктов Донбасса. Т. 6. Киев, 1924. С. 80–81; Т. 4. 1923. С. 130, 131, 359.

превратилась в многонациональное, в котором мирно проживали, трудились греки, украинцы, русские и представители других национальностей, нередко создавая смешанные по своему национальному составу семьи.

Если при переписи 1887 года греки составляли в Ново-Николаевке около 76% населения, то в 1923 году они представляли лишь 23,3%. Среди жителей села украинцев было — 66%, русских — 10%, представителей других национальностей — 0,7%. Таким образом, греки по своей численности стали второй национальной группой в интернациональном селе. Из 1 161 жителей Волонтеровки греками являлись всего 271 человек<sup>1</sup>.

Поэтому в статистических документах 1927–1928 годов и позже Красно-Волонтеровка отмечается как смешанное по своему национальному составу поселение.

Следует заметить, что к 1923 году произошли определенные изменения в укладе жизни села, в способах производства. Здесь был создан колхоз «Универсаль» с 78 десятинами земли, имевший мельницу, кузницу в составе своего хозяйства, а также совхоз «Сад», садоводческого и овощеводческого профиля. Со временем данные хозяйства увеличивались по своему составу, объемам производства<sup>2</sup>.

Летом 1928 года в соответствии с Постановлением Президиума ВУЦИКа «О создании греческих национальных регионов» образуются Мангушский и Сартанский греческие национальные районы.

Так, Сартанский греческий национальный район включал в себя 7 сельсоветов (4 греческих, один смешанный, два — украинских), в который административно входила Красно-Волонтеровка как сельский населенный пункт смешанного национального состава<sup>3</sup>.

Политика сплошной коллективизации, ликвидация кулачества как класса в греческих селах имела форму национальной трагедии, ибо это означало экономическое разорение и выселение от 10 до 20% населения, так как греческое середнячество по среднеукраинским меркам могло свободно причисляться к кулачеству, что нередко и имело место. Не удивительно, что социальная политика властей воспринималась населением национальных греческих поселений как «антигреческая», что

<sup>1</sup> Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губ. (январь-февраль 1923 г.). Т. 4. Итоги демографической переписи Донбасса. 1923. С. 131, 359.

<sup>2</sup> Там же. Т. 4. Список населенных пунктов Донбасса. Киев, 1924. С. 92–94.

<sup>3</sup> Яли С. Греки в УССР. Харьков, 1931. С. 208; ЦГА ВО Украины. Ф. 413. Оп. 1. Д. 30. Л. 10; Д. 420. Л. 45, 72, 79.

вызывало возмущение, нередко сопротивление, а это предопределяло, в свою очередь, еще более тяжелые последствия для греков<sup>1</sup>.

2 июля 1932 года ЦИК Украины принял решение об образовании Донецкой области. Данным постановлением Мангушский и Сартанский греческие национальные районы были расформированы и присоединены к Мариупольскому городскому совету<sup>2</sup>. Таким образом, Красно-Волонтеровка, по сути, превратилась в окраинный район города, оставаясь по-прежнему сельским населенным пунктом.

Следует подчеркнуть, что реорганизация Мангушского и Сартанского греческих национальных районов и присоединение их к Мариупольскому горсовету явилось первым шагом к полной ликвидации в Приазовье греческих национальных автономий. Со временем Волонтеровка все больше теряла свои земли, свой сельскохозяйственный уклад жизни, деревенский облик и на самом деле постепенно превратилась в окраинный городской район крупнейшего индустриального центра в Приазовье — города Жданова (Мариуполя).

Ныне бывшая Волонтеровка, практически утратив свой сельский облик, является одной из частей современного городского района Мариуполя, имеет население свыше 7 тысяч человек, из которого лишь до 10% считают себя греками, потомками первопоселенцев. Об этом ярко свидетельствуют и их сохранившиеся фамилии: Будкос, Колотрони, Корсиатис, Критикос, Клитотехнис, Родити, Маргарита, Нанос, Останиди, Псарос, Париоти, Стефанис, Скоромихали, Тумари, Фасудати и др. Немногие жители Ильичевского района знают, что они проживают на территории бывшего национального греческого поселения, созданного воинами-волонтерами греческого «Легиона императора Николая I», активными участниками Крымской (Восточной) войны, героями легендарной обороны Севастополя, нашедшими здесь свое пристанище и вечный покой, внесшими свой достойный вклад в развитие данного региона, греческой диаспоры Приазовья.

---

<sup>1</sup> Греки в Украине: история и современность. Материалы научно-практической конференции; *Наседкина Л. Д.* Греческие национальные сельсоветы во взаимодействии национальной и социальной политики. Донецк, 1991. С. 125.

<sup>2</sup> *Наседкина Л. Д.* Греческие национальные сельсоветы и районы в Украине // Украинский исторический журнал. 1992. № 6. С. 64–72.



## ГРЕЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ФЕОДОСИИ (КОНЕЦ XVIII — XIX В.)

С древнейших времен на территории современной Феодосии проживали греки. Так, уже с VI века до н. э. Феодосия («богом данная») — типичный греческий город-государство, значительно позднее, с конца XIII — генуэзский порт-крепость Кафа, которая с 1475 года во владении Османской империи — крупнейший невольничий рынок.

К середине XVIII столетия это ярко выраженный турецкий город-порт Кефе, с многонациональным населением, значительную часть которого составляли греки. В этот период это весьма оживленный морской порт с развитым ремесленным производством, сосредоточение ремесленников, крупных купцов и многочисленных мелких торговцев, город, имевший прочные торговые связи с причерноморскими поселениями, Константинополем, многими городами Азии, Средиземноморья. Здесь насчитывалось до 20 тыс. домов, 55 греческих и армянских церквей, 56 мечетей, до 100 фонтанов, большое число ханов (постоялых дворов), лавок, 9 публичных бань. В городе проживало до 85 тысяч человек<sup>1</sup>.

Многоликий, весьма значительный по тем временам город являлся центром христианства в мусульманском ханстве. Именно здесь находилась Крымская греческая епархия, епископы которой именовались Кефайскими и Готфийскими (Готия — древнее название горной части Крыма между Балаклавой и Судакком, на Южном берегу полуострова. — Ю. П.). Последний митрополит которой — Игнатий вывел христиан, греков и армян в 1779 году из Крыма в Приазовье, среди них были и христиане, проживавшие прежде в Кефе и вблизи ее.

В 1771 году в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов Кефе взята штурмом российскими войсками, и здесь до конца войны остается российский гарнизон. В этот период, по сути, прекращается оживленная морская торговля с городами Оттоманской империи, нарушаются другие торговые связи, имеет место значительный отток мусульман, в том числе крымских татар, резко сокращается ремесленное производство. Присоединение Крыма к России в 1783 году вызвало массовую эмиграцию

<sup>1</sup> Балахонова А. И., Балахонов В. И. Феодосия. Симферополь, 1981. С 15; История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. Киев: Институт истории АН УССР, 1974. С. 484.

жителей Кефе турецкого происхождения. Все это наряду с выездом христиан обезлюдило город, привело его к полному запустению, разрушению, а затем, хотя и к медленному, но постепенному возрождению уже как южного крымского порта России, имевшего глубокие христианские тысячелетние греческие традиции. В 1787 году Кефе, теперь вновь Феодосия, становится центром Феодосийского уезда. На правах уездного города она входит в состав Таврической области (с 1802 года Таврической губернии), в составе ее населения значительное число составляют греки.

В 1783 году в городе функционируют одна греческая Введенская и две армянские церкви, несколько небольших мечетей, но постепенно число христиан, среди них греков, возрастает. В 1787 году в Крыму учреждается викарная Феодосийская епархия, епископам которых был дан титул феодосийских и мариупольских, которая по сути, продолжила деятельность, духовные традиции последней греческой епархии, существовавшей здесь до 1779 года и определявшей духовную жизнь значительной части местного населения. По клировым ведомостям 1794 года в Феодосии при греческой Введенской церкви числилось 26 дворов, в 1799 году здесь имелось прихожан «...православных мужского пола 112, женского — 110». Служил в храме греческий священник отец Гавриил. Названная епархия просуществовала до 1800 года<sup>1</sup>.

С 1775 года подавляющая часть греков-переселенцев, пожелавших обосноваться в Крыму, направлялись в Керчь-Еникале, позднее в Балаклаву, но с 1798 года Высочайшим повелением это положение изменилось. Теперь, в соответствии с указом Павла I, назначалось иметь «...к отправлению торговли... по особому вниманию Феодосию...», именно она становилась «первенствующим пристанищем для приезжающих впредь под покровительство российское греков». Поэтому в последующие 30 лет в Керчь прибыло всего лишь 30 греческих семейств<sup>2</sup>, в то же время греческое население Феодосии стало расти значительно быстрее, что серьезно повышало роль и значение греческой общины в жизни города-порта и в немалой степени способствовало разворачиванию специфических промыслов, оживлению морской торговли, росту сельскохозяйственного производства, рыбного и соляного промыслов.

В соответствии с Высочайшим повелением от февраля 1784 года Феодосия становится «открытым городом для дружественных России государств», через два года она, как и все пристани Тавриды, освобождается на пять лет от пошлин, а с 1798 года получает право беспошлинного ввоза

<sup>1</sup> ЗООИД. Т. 13. Одесса, 1885. С. 206–208, 211.

<sup>2</sup> Там же. Т. 5. 1855. С. 260; Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1865. № 21. С. 3.

и вывоза товаров (порто-франко), городу было разрешено расходовать на свои нужды доходы от соляных и винных промыслов. Правда, позднее, лишь во время войны 1812 года, Феодосия лишается данных привилегий<sup>1</sup>.

Не случайно, что Феодосия все больше становилась местом притяжения греков-переселенцев, желающих заниматься мирным трудом, торговлей. Именно сюда в начале XIX века прибыло из Анатолии 1,5 тыс. греческих иммигрантов<sup>2</sup>.

Греки отличались, как правило, своей энергией, деловой активностью, особой хваткой, расторопностью. В их среде особенно высок был процент торговцев, в том числе и достаточно крупных. Особо отличался своей деловой активностью, пользовался широкой известностью, например, феодосийский купец 1-й гильдии И. А. Димитропуло, купивший в начале XIX столетия у корабельщика Дживани Николаева несколько мореходных судов и совершавший на них прибыльные торговые рейсы, представлявший ряд лет интересы купечества в Феодосийской Учетной конторе. Авторитетным и уважаемым в городе был грек, купец 1-й гильдии Аморетти, являющийся ряд лет членом Карантинной конторы Феодосийского порта.

Вошла в историю города и купеческая семья греков Дуранте. Богатый греческий негодант Леонард Дуранте имел свои торговые корабли и развернул здесь активную морскую торговлю, широко занимался благотворительностью, сын его продолжил дело отца, а внук в начале XX столетия ряд лет был городским головой Феодосии<sup>3</sup>.

Несомненно, незаурядной личностью являлся известный фабрикант, основатель и владелец самой крупной табачной фабрики города, на которой трудилось до 500 человек рабочих, грек Стамболи, много сделавший для города, его жителей. Крупным землевладельцем, имевшим поместье под Феодосией, поставлявшим сюда свою продукцию был грек А. А. Коронелли.

Пользовались известностью в городе среди населения многие греки-чиновники, исполнявшие в разное время различные ответственные должности в местных органах управления, государственных учреждениях.

К ним по праву можно отнести, например, Е. С. Цирули, трудившегося ряд лет сперва в земском суде, а затем продолжительное время на трудной должности судьи феодосийского уездного суда. Хорошо зарекомендовал себя на посту исправника земского суда майор А. Л. Качиони, внук

<sup>1</sup> История городов и сел Украинской ССР. С. 484; Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Наука, 1959. С. 143–146.

<sup>2</sup> Расы и народы. Ежегодник АН СССР. 1988. № 18. С. 206.

<sup>3</sup> ИТУАК. № 10. Симферополь, 1890. С. 132.

отважного греческого корсара, героя Русско-турецкой войны 1787–1791 годов Ламбро Качиони, проработавший в этой должности ряд лет.

Хорошо были известны в свое время в Феодосии и такие служащие земского и коммерческого судов, как: Х. А. Анастасьев, Е. А. Балеамаки, И. О. Карпиниоти, С. А. Кракораки, Х. И. Ставраки и некоторые другие, секретарь городской думы И. Х. Папандопуло.

Немало греков трудилось в порту, в системе феодосийского карантина, например, в его правлении в разное время состояли: И. М. Казанли, В. Х. Кондараки, Е. А. Симонопуло, М. И. Стулли, Н. И. Солоники; переводчиками являлись П. П. Альянаки, П. И. Кирпиниоти, С. Ю. Цунаки. Около 20 лет директором карантинного дома здесь проработал грек Х. И. Метакса. Названные люди являются лишь незначительной частью из общего числа греков, внесших свой личный вклад в развитие города и порта, морской торговли, мореплавания.

Феодосия всегда оставалась важным опорным пунктом в планах военного командования, здесь постоянно дислоцировались воинские части, заходили и базировались военные корабли, в составе экипажей которых были военнослужащие греческого происхождения. Так, например, занимали брантвахтенный пост у Феодосии корвет «Або» и бригантина № 1, командирами которых были выпускники Греческой гимназии П. П. Кумеллас и К. Ю. Патаниоти, последний стал впоследствии вице-адмиралом, командующим Черноморским флотом, люггер «Геленджик», которым ряд лет командовал грек капитан-лейтенант Н. Х. Кокараки и др.<sup>1</sup>

Начиная с 1784 года здесь около 75 лет постоянно несли дозорную службу, охраняя побережье Крыма, солдаты и офицеры греческого Балаклавского пехотного полка (батальона). Они имели здесь свой контрольный пост (кордон), размещенный в черте города. Военнослужащие греческого воинского формирования проживали обычно со своими семьями, нередко имели и свое дело, занимаясь обычно торговлей, ремесленным производством<sup>2</sup>.

Таким образом, греки, составляющие заметную часть в составе многонациональной Феодосии (иногда до 10 % населения), оказывали серьезное влияние на социально-экономическую, культурную, духовную жизнь города. Во многом им удавалось сохранить свою национальную самобытность, язык, традиции и обычаи своих предков, активно участвовать в развитии повседневной жизни Феодосии.

<sup>1</sup> РГА ВМФ. Ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 298; д. 59, л. 1316.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3, 5; ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 86.

## **ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БАЛТА-ЧОКРАК В КРЫМУ (НАЧАЛО XIX В.)**

Вопросы формирования греческой диаспоры на Украине, истории образования греческих поселений на ее нынешней территории, этнодемографические процессы, происходящие в данных населенных пунктах, серьезно интересуют науку, общественность страны, греческое национальное меньшинство, решающее широкую программу национально-культурного возрождения греков Украины, игравших в свое время заметную роль в хозяйственно-экономической, общественно-культурной жизни Северного Причерноморья, Крыма, Приазовья и других регионов страны.

Действительно, по итогам Первой всеобщей переписи населения 1897 года и переписи 1921 года, греки составляли в Крыму: в 1897 году 3,13 %, в 1921 году — 3,31 % всего населения, представляли собой после русских, татар, немцев и евреев пятую по своей численности национальную группу среди людей 59 национальностей, проживающих в это время в Крыму, и имели в своем составе 23 868 греков, представлявших как городских, так и сельских жителей полуострова<sup>1</sup>, активно участвовавших во всех сторонах жизни, производственной деятельности региона.

На наш взгляд, представляет немаловажный интерес порядок приема иностранцев, будущих колонистов, история образования новых национальных поселений, вопросы, связанные с их первоначальным обустройством, дальнейшим становлением и развитием, повседневным функционированием. Все это, на наш взгляд, позволяет лучше понять состояние современной греческой диаспоры, тенденции ее развития.

В начале ноября 1806 года из Анатолии в Крым, в Евпаторийский порт прибыла группа греков, всего «10 фамилий», с желанием поселиться в Крыму, получить землю, заниматься сельским хозяйством. 17 ноября 1806 года они направили прошение в адрес губернского начальства.

Херсонский военный губернатор Дюк де Ришелье ознакомился с прошением прибывших и сделал заключение, что данные люди

---

<sup>1</sup> Статистико-экономический атлас Крыма. Симферополь, 1922. С. 5–7 (с приложениями к ним).

«...кажутся совершенно полезны для поселения Крыма, людьми трудолюбивыми и верными», обязующимися строго исполнять российское законодательство<sup>1</sup>, дал распоряжение, регламентирующее прием, расселение, обустройство, проживание, хозяйственную деятельность колонистов, предоставляющее им определенные первичные льготы и субсидии.

Прибывшим была предложена земля в 22 верстах от губернского города Симферополь, в долине реки Альма, по течению ее левого притока речки Бадрака, недалеко от татарских деревень Улаклы и Тав-Бадрак. Греки осмотрели ее и «...нашли удобно под поселение их и будущих их соотечественников»<sup>2</sup>.

В силу этого, в своем обращении к министру внутренних дел графу В. Кочубею Дюк де Ришелье не только информирует его о прибытии переселенцев, их прошении, но и ходатайствует принять положительное решение. При этом он извещает министра, что для прибытия следующей группы греков и болгар, «...людей трудолюбивых и большею частью мастеровых, как-то каменщики, плотники и столяры, а также и умеющие заводить сады и шелководство» необходимо гарантировать им «...льготы на обзаведение», положительно рассмотреть и принять высказанные прибывшими греками просьбы, представленные ими «...следующие кондиции, чтобы:

- ...была дана ссуда деньгами на обзаведение, а именно: семье из 3-х душ 100 рублей, из 5-ти душ 150, а от 7-и и более душ 200 рублей на 10 лет без процентов. И ссуда сим отпущена была бы единовременно при начале водворения их;

- чтобы все они и после их прибывшие греческие колонисты навсегда избавлены были от поставки рекрут и всяких личных податей;

- чтобы, когда 25 семейств вьются для водворения, считались они греческою колониею Балта-Чокракскою;

- чтобы позволено было им из себя достойных людей 3-х человек избрать... дозволено было бы делать разборы в маловажных делах между колонистами... подчинить их и всех колонистов нижнему земскому суду и судебным местам по законам;

- ...без согласия их не были бы к ним в колонию допускаемые к ним люди;

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 283, л. 1.

<sup>2</sup> Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1910. С. 695; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 283, л.л. 1, 2; Марков Е. Очерки Крыма. СПб., 1884. С. 522.

- чтобы платежи ссудных денег взысканы были в течение 10 лет по равной части каждого года, к 1 января;
- что по прошествии льготы, колонистам положенной, сверх возвращения ссудных денег, обязуются они платить поземные деньги в казну наравне с поселившимися там болгарами и немцами;
- чтобы, поелику при деревне Балта-Чокрак пахотная и сенокосная земля не соответствуют количеству людей, намеревающихся прибыть из их Отечества и там поселиться, то просят они при умножении соотечественников их, прикупить поблизости той деревни достаточно участков удобной земли...»<sup>1</sup>

В заключение своего послания Дюк де Ришелье, «...признавая требования сих выходцев довольно умеренными...», ходатайствует перед министром удовлетворить все просьбы, высказанные прибывшими, разрешить создать новое греческое поселение в Крыму на месте сгоревшей татарской деревни Балта-Чокрак, полностью покинутой жителями, дать право принимать и расселять впредь там же вместе с ними и всех их земляков, планирующих, желающих прибыть в Крым в ближайшем будущем, подкупая для их размещения новые недостающие земли<sup>2</sup>.

В своем официальном ответе от 15 декабря 1806 года министр внутренних дел граф В. Кочубей сообщает свое решение, отвечая на все направленные ему просьбы, которые «...находит, что оные не только ни в чем не противны общим правилам о иностранных поселенцах, но и полезны в рассуждении ограничения казенных издержек и верности в рассуждении ограничения оных...» В связи с существующим законодательством он требует «...учредить, чтобы греки сей стояли под опекой Конторы опекунской, как и все прочие иностранные выходцы...» Далее, обращаясь к Дюку де Ришелье, В. Кочубей излагает свое решение и дает указания губернатору. Он пишет: «...в утверждении их не может быть никакого препятствия, а потому покорно прошу Вас, милостивый государь мой, учинить о сем распоряжение, объявив им, что в случае умножения их единоземцев, земля для них может быть прикуплена, если найдется к тому возможность»<sup>3</sup>.

Так, на государственном уровне было принято решение об образовании греческой колонии Балта-Чокрак в Симферопольском уезде

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 283, л. 5–8 (просьбы греков приведены с незначительными сокращениями, не меняющими их сути. — Ю. П.).

<sup>2</sup> Лашков Ф. Исторический очерк крымского татарского землевладения. Симферополь: Тавр. губ. тип, 1897. С. 241; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 283, л. 8.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 283, л. 10, 11.

Крымского полуострова, проведено размещение прибывших колонистов на отведенных им землях, выданы установленные средства для обустройства, определены и объявлены льготы, положенные иностранным переселенцам-колонистам в соответствии с существующими в тот период законами<sup>1</sup>.

Практически через два года после образования поселения в нем проживали 20 семейств переселенцев, имевших немногим более 80 жителей, из них мужского пола 37 человек. К этому времени выяснилось, что при выборе места греки не учли возможностей предложенной им земли, непригодности большей части ее для хлебопашества из-за недостатка воды, специфической структуры почв, их местоположения.

Колония размещалась у подошвы двух небольших гор, заросших кустарником. Местоположение селения, как говорится в труде В. Х. Кондараки «Универсальное описание Крыма» (1873 год), «...принадлежит к числу красивейших и весьма удобных для жизни поселянина»<sup>2</sup>.

В первый год греки, как сообщается в документах проверки, «...принявшись за земледелие и половины семян получить не смогли», для того чтобы прожить, колонисты истратили средства, выделенные им для постройки домов, покупки скота, проживали в различных хижинах, землянках по склону гор. В селении функционировал один колодец («фонтан»), обложенный камнем. Воды в нем едва хватало для нужд людей и «...для напоения скота», для орошения земель ее не использовали, в последнем случае воду брали в речке Бадрака. Особенно угнетало поселян то обстоятельство, что они не имели своей церкви «...для молитвы и служения прибывшему к ним священнику»<sup>3</sup>.

Проверка выявила, что из 733 десятин, принадлежавших колонии, «...едва 193 десятины способны к хлебопашеству, остальные 540 — почитаются вовсе к тому неудобными». Как говорится в документах, «...качество земли не способно к произрастанию никакого хлеба», в

<sup>1</sup> Некоторые исследователи считают, что в Балта-Чокрак была образована греко-болгарская община (колония), а А. Скальковский в работе «Болгарские колонии Бессарабии и Новороссийском крае» (Одесса, 1848) утверждает, что она болгарская. Это слишком, на наш взгляд, категорично, противоречит документам архивов, официальной государственной статистике того времени. — Ю. П.

<sup>2</sup> Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Николаев: Тип. Краевского, 1873. Ч. 1. С. 40.

<sup>3</sup> РГИА. ф. 383, оп. 29, д. 314, л. 18, 21.



силу этого, заключили проверяющие, колонисты «...и находятся в крайней бедности»<sup>1</sup>. В выводах же констатировалось, что «...земля, им отведенная, ничего не производит кроме табаку, который родится очень хорошо». Сложившаяся ситуация вызывала неудовлетворенность, недовольство, жалобы колонистов, которые просили «...о переселении их на лучшую землю и о вспомоществовании им вновь водвориться». Позже часть семей все же, видимо, уехала.

Комиссия обоснованно сделала заключение о правомерности просьб жителей Балта-Чокрак, необходимости их переселения на лучшие земли.

Не случайно поэтому в своем письме Дюку де Ришелье новый министр внутренних дел князь А. Куракин, согласившись с данным заключением, дает указание губернатору: «...Прикажете сделать обо всем соображение и рассмотрение, принять меры к успокоению означенных греков переселением их на другую землю, где бы они и себе и тамошнему краю могли приносить пользу...»<sup>2</sup>

Однако последующие события оказались несколько неожиданны. Хотя грекам подыскивалась и предлагалась другая, более плодородная земля, они в конечном счете хорошо все взвесив, предпочли остаться в Альминской долине, на прежнем месте под Симферополем, получив, правда, некоторую финансовую поддержку для строительства домов, развертывания товарного табаководства и виноградарства, возведения сельской церкви.

Вместе с тем это означало невозможность дальнейшего расширения колонии за счет вновь прибывающих переселенцев, из-за ограниченного количества общинных земель. Итак, средний надел земли на каждого из 99 жителей не превышал 15 десятин, а в округе свободной, и продажной, казенной земли уже не имелось<sup>3</sup>.

Таким образом, увеличение колонии Балта-Чокрак происходило за счет только естественного прироста населения, зависело от уровня рождаемости и смертности детей, продолжительности жизни стариков.

---

<sup>1</sup> *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Одесса, 1838. Ч. II. С. 131; *Болгарские колонии в Бесарабии и Новороссийском крае.* Одесса, 1848. С. 95; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 314, л. 18.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 314, л. 24, 34.

<sup>3</sup> *Клаус А.* Наши колонии. СПб., 1869. С. 298, 300; *Скальковский А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. I. С. 235.

Уже к середине 50-х годов XIX столетия постепенно налаживается жизнь в селении, материальное положение жителей стабилизируется. Этому способствует активное занятие табаководством. Балта-Чокрак в статистических документах и обобщениях отмечается как уездный центр виноградарства, но особенно как достаточно крупный производитель, в рамках Симферопольского уезда, да и всего Крыма, товарного табака ценных местных сортов, приносящего общине неплохой, по меркам того времени, доход, дававший возможность колонистам докупать недостающий хлеб, корма для скота, иметь средства для других хозяйственных и повседневных нужд, поддержания производства, обеспечения общественной жизни колонии.

Так, например, по данным 1846 года, здесь было произведено и направлено для продажи «...местного табаку более 250 пудов по 3 рубля 20 копеек серебром за пуд», то есть колонисты получили чистый доход в 800 рублей, что являлось немалой суммой для того времени<sup>1</sup>, и могли поддерживать жизнедеятельность колонии, сносную жизнь поселян, расширение табачных плантаций.

В этот период в Балта-Чокрак под виноградниками, садами, табачными плантациями и самородными лесами числилось 540 десятин, окончательно определился сельскохозяйственный профиль греко-болгарского поселения.

Как показывает исследование, к середине прошлого столетия Балта-Чокрак — хотя и небольшое, но достаточно известное, в целом неплохо обустроенное национальное поселение, с преобладанием греков, имевшее добротные каменные дома и весьма популярный у крымских греков каменный храм, православную греческую церковь во имя святого Пантелеимона, почитаемую святынею у местных греков. Действительно, в праздник святого Пантелеимона жители колонии и паломники из Симферополя и других мест Крыма, в знак особого почитания святого, шли к храму его имени «босыми ногами», а в повседневном общении, разговорах греков звучала мысль, «...что все хромые и слепые ищут покровительства этого святого», идут смиренно сюда<sup>2</sup>. Производимый жителями колонии высококачественный табак местных сортов находил сбыт в Бахчисарае, Симферополе, Карасубазаре и Феодосии. Закупался он охотно и «для греческих торговых домов в

<sup>1</sup> Скальковский А. Болгарские колонии в Бесарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 92, 119

<sup>2</sup> Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Николаев: Тип. Краевского, 1873. Ч. 1. С. 39, 40.

Одессе: Криона-Папа-Никола, Пахи, караима Исаковича» и других оптовиков. Цены на него не падали, более того, росли и составляли в рассматриваемый период от 4 до 7 рублей серебром за пуд. Балта-Чокракский табак особо ценился во внутренних губерниях Российской империи и шел «...для производства так называемых заграничных сигар и турецкого табаку».

Десятина земли, засаженная табаком и тщательно обрабатываемая, в хороший год приносила колонистам Симферопольского уезда доход от 50 до 300 рублей серебром, в то же время в Ялтинском уезде доходы с одной десятины табачных плантаций не превышали 100 рублей, а в Феодосийском уезде 40 рублей. То есть местность и климат в Симферопольском уезде, в том числе и в районе Балта-Чокрак, были наиболее благоприятны именно для табачного производства, для выращивания ценных сортов, пользующихся повышенным спросом<sup>1</sup>.

Именно это предопределяло профиль хозяйственной деятельности, повседневный быт, уровень жизни поселян. Труд на табачных плантациях был очень тяжелый, ибо табак требует значительной поливки и тщательного ухода за собой на всех этапах его производства, строгого соблюдения необходимой технологии, а ведь все в тот период делалось вручную, на нестерпимом солнцепеке, в основном силами самих поселян, на сухих, поливных землях. Воду брали с речки Бадрака, что также требовало немалых усилий и большого повседневного труда, наличия рабочего скота — лошадей, волов.

Колония Балта-Чокрак относилась к разряду самоуправляющихся «отдельных колоний» в Крыму и по всем вопросам своей жизни и деятельности замыкалась на таврического смотрителя колоний, представлявшего в губернии «попечительский комитет об иностранных колонистах Южного края России», управление которого размещалось в Одессе.

Являлся местной властью, руководил всей повседневной жизнью и деятельностью греческого поселения, в соответствии с существующим «Положением о попечительстве иностранными колонистами», утвержденным 22 марта 1818 года Александром I, Балта-Чокракский сельский приказ, состоящий из назначенного старшины, двух выборных и письмоводителя, что обеспечивало управление общиной, поддержание порядка в колонии, необходимую организацию общинного производства, обязательность и эффективность совместного труда, а отсюда и его конечные результаты, достаточный уровень материальной

---

<sup>1</sup> Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853. Ч. II. Хозяйственная статистика. С. 332.

жизни жителей селения<sup>1</sup>, хотя, по данным на конец 60-х годов прошлого столетия, Балта-Чокракская колония все же не могла сравниться с Кишлавскими и Старо-Крымскими болгарскими колониями «...по частной состоятельности и общественному благоустройству»<sup>2</sup>.

Своих детей, только мальчиков, греки-колонисты обучали в приходских училищах, в которых преподавались русская грамота (чтение и письмо), закон Божий и арифметика, женский же пол или вовсе не учится грамоте, или весьма мало», — говорится в источниках того периода<sup>3</sup>.

Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов принесла жителям Балта-Чокрак немалый ущерб, потерю налаженных торговых связей, спад производства и продажи табачного листа, разорение плантаций в условиях массовых перемещений войск, появления беженцев, различного бродячего люда, другие беды военного времени. Все это самым отрицательным образом сказалось на материальном положении поселян, находящихся совсем недалеко от районов активных боевых действий, привлекавшихся для помощи войскам. Однако колонисты выстояли, перенесли все лишения войны и после ее завершения стали восстанавливать все утраченное, уничтоженное. Как показывают статистические данные 1859 года, колония сумела восстановить довоенный уровень своего производства, найти сбыт табачного листа, полученного винограда, приобрести скот, отремонтировать свои жилища.

В списках населенных мест Таврической губернии, как дееспособная, не утраченная в годы войны, значится «колония греческая Балта-Чокрак, расположенная “при фонтане”, имеющая 11 дворов, 111 жителей, из них 58 мужского пола, каменную церковь. Основное занятие поселян табакопроизводство, виноградарство»<sup>4</sup>. К 1890 году в Балта-Чокрак числилось дворов 34, душ обоего пола 158<sup>5</sup>.

В XX столетии греческая колония Балта-Чокрак вступила небольшой, но достаточно крепкой в хозяйственном отношении общиной, в основном сумевшей сохранить свой национальный облик, язык, обычаи,

---

<sup>1</sup> Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 135.

<sup>2</sup> Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. С. 297.

<sup>3</sup> Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 132.

<sup>4</sup> Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). Симферополь, 1908. Т. 41. С. 17, 82; Списки населенных мест Российской империи. Таврическая губерния. СПб., 1865. С. 16.

<sup>5</sup> Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь, 1889. Алфав. список. С. 7.

традиции, праздники своего народа, традиционный уклад жизни, профиль своего сельскохозяйственного производства. Однако постепенно происходящие этнодемографические процессы все же меняли облик национального поселения. Оно росло, развивалось. Рядом с греками и болгарам селились украинцы, русские, представители других национальностей, появились смешанные в национальном отношении семьи, и процесс этот стал в конечном счете необратим. Бывшая греческая колония со временем все больше приобретала интернациональный характер, по составу своих жителей, хотя нередко по-прежнему числилась, называлась греческой.

Однако, уже перед Первой мировой войной, как это видно из статистических документов и материалов, изданных в 1915 году, селение Балта-Чокрак Тав-Бадракской волости Симферопольского уезда Таврической губернии характеризуется по составу населения как смешанное, с числом дворов — 28, с населением 173 человека.

Анализ статистических материалов позволяет выявить весьма характерные факты, на основании их сделать соответствующие выводы и обобщения. Оказывается 130, жителей данного села относились к числу «первичного местного, приписного населения», что давало им неоспоримые преимущества и привилегии в пользовании землей, а 43 человека, из них 22 мужского пола, причислялись к разряду «посторонняго поселения».

Общее количество земли в общинном пользовании составляло 882 десятины, однако всего лишь 11 дворов (греко-болгарских) из 28 имели землю, а остальные 17 семейных дворов числились безземельными и члены их были бесправными наемными рабочими на табачных плантациях и виноградниках бывшей греческой колонии, хотя и жили теперь в одном селе, рядом, нередко роднились. Таким образом здесь появились зажиточные крепкие хозяева и беднота. Как и везде, на селе шло классовое расслоение.

В целом же Балта-Чокрак к этому времени стал достаточно крепким в хозяйственном отношении селом с многонациональным населением.

Его жители имели неплохое стадо рабочего скота: 42 лошади, 28 волов, позволявших производить все трудоемкие сельскохозяйственные работы, 25 голов молодняка, жеребят и телят. В селении имелось также 30 породистых коров, 560 голов мелкого домашнего скота: овец, свиней, коз, различная домашняя птица<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Статистический справочник Таврической губернии. Список населенных пунктов. Симферопольский уезда. Симферополь, 1915. С. 88, 89.

Все это в целом неплохо обеспечивало личные потребности жителей в основных продуктах питания, прежде всего в таких, как мясо, молоко, яйца, сыр и другие молочные продукты; давало ценное сырье: шерсть, кожу, перо; предоставляло возможность вывозить излишки всего вышеназванного на продажу, на рынки Симферополя, Бахчисарая, других населенных пунктов и получать определенные денежные средства от их реализации, что, несомненно, было важным подспорьем для каждой семьи.

Следует особо отметить, что жители Балта-Чокрак всегда с выгодой использовали удобное местоположение своего селения, а именно близость к городам (до Бахчисарая — 10 верст, до Симферополя — 20), к основным транспортным магистралям (до шоссе Симферополь — Севастополь и железной дороги — 6 верст), а также сравнительно небольшое расстояние до ближайшей железнодорожной станции Альма (ныне Почтовое) — 7 верст, в решении своих повседневных жизненных, производственных и торговых проблем.

Бурные, неоднозначные события XX столетия — социальные революции, мировая и гражданские войны, различные социально-политические и экономические потрясения, к сожалению, самым негативным образом отразились на судьбе данного поселения; с географической карты Крыма исчезло само название Балта-Чокрак.

Сегодня о процветающей, широко известной на полуострове в конце XIX — в начале XX столетия греческой колонии Балта-Чокрак напоминают немногие литературные и архивные источники, сохранившиеся устные предания да немногочисленные цифры, скупые факты, изложенные в статистических отчетах и справочниках, фундаменты былых жилых и хозяйственных построек.

Такова печальная судьба этого весьма неординарного национального греческого поселения, все же оставшегося в истории Крыма, в истории греческой диаспоры России, современной Украины.

## ГРЕЧЕСКИЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ ОДЕССЫ: ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА, РЕШАЕМЫЕ ЗАДАЧИ

Заметную роль в истории образования и первоначальной застройки города Одессы, освоения близлежащих земель, развертывания морской торговли и специфических промыслов, создания порта, атмосферы доброжелательности и открытости многонационального портового города, столь характерной и для современной Одессы, сыграли греки, в том числе и из состава греческих воинских формирований, размещенных в черте новостроящегося города.

Любопытны причины, обстоятельства создания национальных греческих воинских частей в Одессе в первые годы ее существования. Необходимо объективно оценить их роль и значение в строительстве, экономическом становлении города-порта, столь необходимого в данном регионе, только что освобожденном от османского ига.

19 апреля 1795 года Екатерина II подписала указ и два положения: «О поселении в окрестностях Одессы греков и албанцев, в последнюю войну в Архипелаге служивших», «Для вызываемых из Архипелага и из других заграничных мест в Одессу градских поселенцев», а также «Штат учреждаемого из греков и албанцев трехротного дивизиона», в составе 348 человек, на содержание которого отпускалось в год около 15 тысяч рублей<sup>1</sup>.

Высочайше было предписано отвести земли для личного состава данного воинского подразделения. Положение определяло также и ряд других существенных льгот для воинов греческого дивизиона<sup>2</sup>.

Таким образом, правительство стремилось устроить судьбу и отблагодарить греков из состава греческой добровольной корсарской флотилии, успешно действовавшей на морских коммуникациях в Средиземном море в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов под командованием Ламброса Качониса (Качиони).

После войны, спасаясь от преследований турецких властей, многие моряки флотилии и другие активные участники вооруженной

<sup>1</sup> ЗООИИД. Одесса, 1850. Т. 11. Отд. 2–3. С. 660; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 91.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 35–36; Там же. Л. 136–137.

борьбы против османского ига вынуждены были покинуть свою Родину и поселиться в Северном Причерноморье и других регионах современной Украины. Именно из этих новых переселенцев решено было сформировать Одесский греческий дивизион. В Положении, учрежденном Екатериной II, особо отмечалось: «...польза, могущая последовать от таковых поселенцев, по способностям их к морской службе, особливая привязанность их к России»<sup>1</sup>.

Из рапорта екатеринославского военного губернатора генерал-лейтенанта Н. М. Бердяева Павлу I от 12 апреля 1797 года видно, что греки составляли в этот период свыше 15% населения города, в греческом форштадте, разделенном от военного (южного) Греческой улицей, было построено 16 казарм, в 65 кварталах форштадта нарезаны 720 мест для постройки домов с приусадебными участками, заложена каменная греческая церковь во имя Святой Троицы и Спиридона Тримифутского<sup>2</sup>.

Следует отметить, что с приходом к власти Павла I, весьма враждебно, с предубеждением относившегося к внешней и внутренней политике своей матери, заканчивается первый период в истории данного греческого воинского формирования. По сути, до конца не сформированный, еще не подготовленный в боевом отношении дивизион Высочайшим указом от 20 мая 1797 года был расформирован. Земля была отобрана, греки рассеялись, значительная часть их осталась в Одессе, некоторые разместились около Тирасполя<sup>3</sup>. В ответ на многочисленные жалобы и просьбы греков, поддержанные многими военачальниками и государственными деятелями, после тщательного и длительного разбирательства в разных инстанциях Александр I указами от 29 августа 1803 года повелел вернуть земли грекам и албанцам, находившимся в составе дивизиона, а от 22 октября того же года приказал сформировать вместо дивизиона батальон. Состав был определен штатом в 6 офицеров, 33 унтер-офицера, 429 рядовых. Всего же на жалованье было поставлено 584 человека.

Штаб-квартира формируемого батальона была определена в трех верстах от Одессы, на Сухом Лимане. Частью своих сил батальон принимал участие в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов, нес кордонную

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 12; д. 176, л. 34–35, 43–47, 91; ИТУАК, 1895. № 23. С. 1–7.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 35; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63/64, л. 525, 630; д. 52, л. 4–8; ЗООИИД. Одесса, 1853. Т. 3. С. 363–365.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1101, оп. 1, д. 712, л. 1–2.



службу, выполнял задачи, поставленные командованием как в мирное, так и военное время.

Земли, предоставленные личному составу батальона, осваивались медленно, многие не проявляли стремления к хозяйственному обзаведению, занимались торговлей, «мелочными промыслами», отвлекались от служебных дел.

19 ноября 1810 года по Высочайшему повелению Одесский греческий пехотный батальон был обращен в военное поселение, а его личный состав в военных Поселян, но при этом остались на учете Военного ведомства и подчинены ему, как и прежде, на основе Положения, представленного Дюком де Ришелье и Высочайше одобренным.

В слободе Александровской греки, ставшие военными поселенцами, построили церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы, имели добротные дома, занимались садоводством и хлебопашеством, «содержали кордонную стражу», решали ряд задач, поставленных военным ведомством<sup>1</sup>.

В мае 1819 года императорским указом Одесский греческий пехотный батальон был упразднен ввиду малого числа способных к дальнейшей службе нижних чинов. Годные же к продолжению службы и изъявившие на это добровольное согласие были направлены в Балаклавский греческий пехотный батальон.

Так завершилась история Одесского национального греческого формирования, тесно увязанная со временем становления Одессы.

---

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 75, л. 167–168; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 22, 70.

## **РОЛЬ ГРЕЧЕСКИХ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ В СОХРАНЕНИИ ДУХОВНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГРЕКОВ В РОССИИ**

Греческие храмы и монастыри на территории современной Украины всегда являлись важными религиозно-культурными центрами, игравшими заметную роль в общественно-политической, духовной, культурной и финансово-экономической жизни греческих поселений. Активно воздействуя на сознание и чувства своих прихожан, греческая церковь помогала им объединиться, выстоять в трудных условиях, сохранить национальное самосознание и культуру, родной язык, обычаи и традиции своего народа, его специфические черты, традиционные ремесла и занятия, виды производственной деятельности, свой традиционно свобододобивый дух, готовность бороться за свободу и независимость своей Родины,

Сохранившиеся греческие православные храмы — это прекрасные историко-архитектурные памятники, удивляющие и сегодня своими совершенными формами, высокохудожественными настенными росписями, созданными зачастую совместными усилиями греческих и украинских мастеров. Это способствовало взаимообогащению двух братских культур, повышению мастерства и художественного вкуса как у строителей культовых зданий, так и у иконописцев, резчиков по дереву и камню, у живописцев, создававших интерьеры греческих храмов. К ним можно отнести Иоанно-Предтеченскую церковь в Керчи, церкви архангелов Михаила и Гавриила, Всех Святых в Нежине, Введенскую в Феодосии и многие другие.

Греческая православная церковь, ее приходы и храмы в греческих поселениях, местах компактного проживания греков способствовали сплочению, национальному единению, сохранению греков на Украине как национальности, как этнической группы, они являлись хранителями православных канонов, религии в греко-православной форме, центрами национального духовного образования, просвещения и культуры. Здесь поощрялось прикладное искусство, традиционные ремесла, живопись, летописание, службы проводились на греческом языке, поддерживались связи с исторической родиной. И это хорошо видно

на примере греческого Екатерининского монастыря, основанного в Киеве, на Подоле в 1748 году и просуществовавшего около 170 лет, до 1917 года. Его священнослужители поддерживали самые тесные связи с Киево-Братским монастырем, с Киево-Могилянской академией, в которой постоянно обучались и преподавали греки, прежде всего греческий и латинский языки, другие предметы программы, осуществляли по договору взаимное использование имеющихся книжных фондов, предметов греческой культуры и искусства, обмен литературой и многое другое.

Следует заметить, что в греческом Екатерининском монастыре из поколения в поколение накапливались греческие богослужебные и духовные книги, имелась неплохая библиотека греческой литературы, а также книги на древнеславянском, латинском, итальянском, французском и др. языках по истории, философии, музыке, педагогике. Среди них были редкие издания, а также ценные древние рукописи.

Во вновь создаваемых греческих поселениях в национальном стиле, в греко-православных традициях строились греческие храмы, причем как на средства государства, так и на деньги, собранные прихожанами. Греческие церкви своей архитектурой, религиозной символикой, внутренним убранством, традиционными настенными росписями, а также богослужениями, совершаемыми на греческом языке, как правило, греческими священниками, постоянно напоминали верующим об их этнической родине, культуре, традициях и обычаях греческого народа. Будучи глубоко религиозными людьми, греки, находясь далеко от своей исторической родины, стремились не утратить духовную связь с нею, и в этом им серьезно помогали греческие православные приходы, греческие храмы, которыми переселенцы обычно гордились и всячески стремились поддерживать их. Хорошо понимая роль национальной церкви в судьбе, повседневной жизни иммигрантов-греков, правительство отпускало средства на их строительство в местах расселения прибывавших греков, наибольший приток которых приходится на период с 1775 по 1812 год.

Так, «Положение о поселении в окрестностях Одессы греков и албанцев, в последнюю войну в Архипелаге служивших», подписанное Екатериной II 19 апреля 1795 года, имеет следующий пункт: «...отпустить им (поселенцам. — Ю. П.) одновременно без возврата на построение домов 10 тысяч и небольшой церкви 500 рублей...»<sup>1</sup>, а

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1896. № 23. С. 5.

«Положение для вызываемых из Архипелага и из других заграничных мест в Одессу градских поселенцев», утвержденное императрицей, разъясняло: «Когда число переселенцев сих прибудет до пятидесяти семей, то построить для них особую церковь, в которой бы богослужение отправлялось на природном их языке, употребля на оную из казны до двух тысяч рублей без возврата»<sup>1</sup>.

Указанный порядок строительства греческих храмов в целом сохранялся и использовался в других районах поселения греков.

Греческие епархии внимательно следили за тем, чтобы во вновь создаваемых районах компактного проживания греков, в каждом национальном селении в кратчайшие сроки образовывались православные приходы, строились греческие церкви, чтобы переселенцы не оставались без религиозного влияния, чтобы к Богу неслись молитвы о близких и родине, не терялась связь с прошлым, сохранялась духовность, культура, традиции и обычаи греческого народа.

В конце XVIII — начале XIX века отмечается бурное строительство греческих храмов в Приазовье, в Северном Причерноморье, особенно в районе Одессы, восстановление в Крыму церквей, пришедших в запустение и разрушенных после выхода из Таврии христиан. Как показывает опись церквей, проведенная в Крыму в 1783 году по указанию светлейшего князя Г. А. Потемкина, там оказалась 51 церковь, из которых 21 была разрушена, разорена. Из общего числа христианских храмов 16 являлись греческими, причем 11 из них находились в Феодосии<sup>2</sup>, именно здесь же была и Крымская греческая епархия, епископы которой именовались Готфийскими и Кефайскими, а последний митрополит которой — Игнатий — вывел греков из Крыма. На новом месте жительства Игнатий сразу же начал проводить службы в Свято-Николаевской походной Кальмиусской церкви, привлекая к этому греческих священнослужителей.

Размещенный в Балаклаве в 1784 году греческий пехотный полк получил прилегающие к нему земли, расселился в окрестных деревнях, оставленных греками при переселении в Приазовье, а именно Корань, Кадыкой, Комара, Лаки и других. Во всех этих селениях личным составом полка и их семьями были восстановлены греческие церкви во имя прежних святых, стали совершаться богослужения, что серьезно помогло нормализовать обстановку, наладить привычную повседневную жизнь офицеров и солдат полка, их семей на новом месте, начать

---

<sup>1</sup> Там же. С. 6.

<sup>2</sup> ЗООИИД. Одесса, 1884. № 13. С. 206.

нести кордонную службу на южном берегу Крыма, успешно осваивать полученные земли, работать и жить по законам, обычаям и традициям предков, своего народа. И в этом немаловажную роль сыграла Греческая церковь, ее приходы, образованные в новых поселениях.

По христианским обычаям в пределах греческих церквей осуществлялись захоронения известных, всеми уважаемых людей, национальных героев, государственных и военных деятелей, священнослужителей и других личностей, что зачастую серьезно поднимало авторитет, роль, известность храма, делало его местом постоянного паломничества греков. Верующие шли поклоняться могилам, отдать дань уважения праху погребенных, и это имело немаловажное значение, так как оказывало заметное воздействие на их души и сердца, способствовало укреплению чувства гордости за своих славных земляков, предков, за собственную принадлежность к гордому и древнему народу, пробуждало национальное самосознание, нередко возвышало людей в их собственных глазах.

На этот счет можно привести массу примеров. Так, в г. Еникале, вместо обветшавшей деревянной в 1797 году на средства прихожан была построена соборная греческая Николаевская каменная церковь. В пределах ее погребен Анфим, митрополит Монеувасийский, вышедший из Архипелага в 1775 году вместе со своей паствой и пользовавшийся у нее непререкаемым авторитетом и любовью. В Одессе в кладбищенской церкви Всех Святых похоронен князь Н. К. Ипсиланти, в греческой Троицкой церкви, построенной в 1808 году, погребен святой мученик Блаженнейший Константинопольский патриарх Григорий, умерщвленный в 1821 году по повелению султана Махмуда и выброшенный в море. Тело патриарха было найдено, перевезено в Одессу и с почестями, соответствующими его священному сану, предано земле.

В Киеве, в Георгиевской церкви в 1816 году был похоронен бывший господарь Молдовы и Валахии греческий князь Константинос Ипсиланти, на гробнице которого имелась следующая эпитафия, в полной мере отражающая заслуги покойного перед своим народом:

Честь, слава Греции, отчизне луч спасенья,  
От ига тяжкого — надежда избавленья...

Такие могилы в греческих храмах были всем хорошо известны, в том числе и в церквях на их исторической родине, были окружены особым вниманием и поклонением, постоянно посещались греками.

Данные захоронения воздействовали на сознание и чувства людей, пробуждали у верующих национальное самосознание, надежду на лучшее будущее своего народа, на его освобождение<sup>1</sup>.

Серьезную роль играли греческие церкви и в развертывании национального образования, принимали участие в создании и работе греческих учебных заведений духовного и светского характера в местах компактного проживания греков, способствовали сохранению родного языка и его изучению. Так, в Мариуполе уже в первой половине XIX столетия имелись приходское училище (Министерства народного образования), греческие приходское и уездное училища (Духовного ведомства). В 1795 году в Карасубазаре (Крым) открывается греческое народное училище. Важным событием в культурной жизни греков явилось создание в 1775 году Греческой гимназии (Корпуса чужестранных единоверцев) в Санкт-Петербурге, Греческого коммерческого училища в Одессе в 1817 году, открытие в г. Нежине греческого Александровского училища и других учебных заведений<sup>2</sup>, в которых изучался греческий язык, история и культура Греции, богослужение проводилось в греко-православной форме, нередко на греческом языке. Преподавателями, всем персоналом учебных заведений поддерживались традиции и обычаи народа-единоверца.

Таким образом, даже краткий обзор деятельности Греческой церкви на территории современной Украины позволяет сделать вывод о той значительной роли, которую играла она в сохранении духовности, греческой культуры и языка у греков России, Украины.

---

<sup>1</sup> ЗООИИД. Одесса, 1848. № 2. С. 154, 193, 204.

<sup>2</sup> Там же. С. 333.

## **ГРЕЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ (КОРПУС ЧУЖЕСТРАННЫХ ЕДИНОВЕРЦЕВ) В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ**

Весьма заметную роль в подготовке греческих национальных кадров в России в конце XVIII столетия сыграл Корпус чужестранных единоверцев (Греческая гимназия), созданный по Указу Екатерины II в Санкт-Петербурге в 1775 году при Артиллерийском и Инженерном шляхетском кадетском корпусе для детей греков-переселенцев, участников борьбы против османского ига, бежавших от преследований турецких властей и поселившихся главным образом в Крыму, Северном Причерноморье, Приазовье.

Создание специализированного учебного заведения для греков тесно связано с политикой Российской империи, с плохо скрываемым желанием императрицы посадить своего внука, великого князя Константина Павловича, на греческий престол после разгрома Османской империи, сделать его греческим императором.

Мысль о возможности взятия Константинополя и создания греческой империи серьезно обсуждалась в высших эшелонах власти, в российском обществе, ясно просматривалась в политике государства. Блестящие победы на суше и на море, одержанные Россией над Турцией в 70–90-х годах XVIII столетия, открывали, казалось бы, прямой путь в столицу Османской империи<sup>1</sup>.

Исходя из этого вполне серьезно и с благодарностью было воспринято, например, письмо, преподнесенное «от имени греческого народа» великому князю Константину Павловичу греком Николасом Пангалом, ближайшим сподвижником командующего добровольческой греческой корсарской флотилией в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 года Ламброса Качониаса (Качиони)<sup>2</sup>.

Желая привлечь на свою сторону народы Балканского полуострова, завоевать их авторитет, прежде всего у единоверцев-греков, русское правительство создавало им самые благоприятные условия,

---

<sup>1</sup> Военная Энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIII. С. 197–198.

<sup>2</sup> ЗООИИД. Одесса, 1872. Т. 7. С. 219.

вводило льготы для новых переселенцев, особенно из числа воинов, отличившихся в совместной вооруженной борьбе против Османской империи. Открывались православные приходы, строились греческие храмы, в местах компактного расселения греков создавались греческие учебные заведения.

Поддерживая греческую духовность, культуру, язык, всячески подчеркивая свою заботу, российское правительство стремилось отблагодарить греков за их участие в вооруженной борьбе против общего врага, за принесенные при этом потери и жертвы, оказать необходимую помощь переселенцам, но, главное, сформировать братское, благодарственное отношение к правящим кругам, к народам России — прежде всего у молодого, подрастающего поколения, сделать его сторонником намеченных политических планов, воспитать из детей греков преданных и благодарных России людей, будущих военных и государственных деятелей греческой империи, надежных союзников в войне и мире.

Сформировавшись, эта идея начала исподволь реализовываться. Уже в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 годов из детей активных бойцов Спартанских легионов, а также из сирот, потерявших родителей в ходе Морейской экспедиции, стали формироваться группы мальчиков, организованно отправлявшихся в Италию для обучения. Все расходы взяло на себя российское правительство. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира обучавшиеся в Италии греческие дети были перевезены в Санкт-Петербург для продолжения своего образования.

Указом Екатерины II директору Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса генералу М. И. Мордвинову было поручено принять и разместить детей, разработать программу и организационно-штатную структуру для нового учебного заведения, предназначенного для иностранцев-единоверцев. Было решено увеличить контингент обучающихся за счет детей греков — переселенцев из Архипелага, отличившихся в боях с турецкими войсками и проживавших в Крыму, Северном Причерноморье, Приазовье, других районах современной Украины.

17 апреля 1775 года, по представлению генерала Мордвинова, был Высочайше утвержден разработанный и представленный им проект документов по организации, структуре и учебной деятельности вновь создаваемого специализированного учебного заведения, названного Гимназией чужестранных единоверцев (в документах, литературе данное учебное заведение иногда называется Греческой гимназией,



Греческим кадетским корпусом, с 1792 года Корпусом чужестранных единоверцев. — Ю. П.).

Представляя собой специальное, автономное по своим задачам и программе учебное заведение, оно вместе с тем подчинялось организационно генералу Мордвинову и размещалось первоначально в смежном со шляхетским корпусом здании.

По первоначально утвержденному штату Гимназия чужестранных единоверцев имела в своем составе: а) командиров и воспитателей — 6 (одного подполковника, одного капитана, двух подпоручиков и двух прапорщиков); б) педагогов — 27 (инспектора классов и 26 учителей различных учебных предметов); в) 200 воспитанников разных классов в возрасте от 12 до 16 лет. Программа обучения была рассчитана на 4 года, на содержание гимназии выделялось около 42 тысяч рублей золотом в год.

По окончании четырехлетнего курса обучения выпускники, проявившие свои способности, наклонности и интересы, направлялись для продолжения своего образования в Артиллерийский и Инженерный, Морской кадетские корпуса, в училище Академии наук, в другие высшие гражданские учебные заведения.

Несколько позднее, получая неплохую общую и военную подготовку, кадеты направлялись в части и на корабли флота, как для расширения своих профессиональных теоретических знаний, так и для получения конкретных практических навыков и умений, необходимого служебного опыта перед выпуском и производством в офицеры, назначением на должности<sup>1</sup>. Подобный порядок был обычен в 80-е годы XVIII столетия, что подтверждается многими архивными документами, например Указом Екатерины II от 3 августа 1788 года «...Об определении в Морскую службу 20 человек учеников, выпущенных из Греческой гимназии и обучении их в Кронштадте морским наукам, нужным для производства в мичманы»<sup>2</sup>; донесением (1789) в Адмиралтейств-коллегию «О прибытии из Санкт-Петербурга в Херсон для обучения на Черноморском флоте мореплаванию воспитанников Гимназии чужестранных единоверцев»<sup>3</sup> и многими другими документами.

Вложивший много сил, времени и труда в создание Греческой гимназии, в организацию учебного процесса, отвечающего самым высоким требованиям того времени, генерал Мордвинов сумел

<sup>1</sup> РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 57. Л. 107–110.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 51. Л. 42.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 197. Оп. 1. Д. 57. Л. 108–110.

подобрать хорошо подготовленный офицерский и педагогический коллектив для нового учебного заведения. Так, например, в лице академика С. Я. Румовского, прекрасного математика и известного русского астронома, назначенного инспектором классов, М. И. Мордвинов нашел своего единомышленника, достойного и активного помощника.

Уже через три года, в 1778 году, было принято решение увеличить число обучаемых. При этом всячески поощрялось создание «смешанных, дружеских классов» из детей разных национальностей: греков, русских, украинцев, представителей других народов-единоверцев.

Менее жесткими становятся требования по отбору детей греков, особенно из состава Греческого пехотного полка, дислоцированного в Балаклаве, из числа архипелагских греков, отличившихся в боях с турками; вместе с тем на учебу стали направляться мальчики греческого происхождения и из других мест постоянного проживания: из районов Северного Причерноморья, Приазовья, других регионов. Отбор будущих учащихся осуществлялся централизованно, как показывает исследование, по установленным критериям, все расходы осуществлялись за государственный счет.

Приоткрывает существовавший порядок отбора и отправки детей на учебу Ордер князя Г. А. Потемкина-Таврического, направленный в адрес правителя Таврической области М. В. Каховского в мае 1787 года: «...Представленных мне в Бахчисарае греческих мальчиков, а с ними и других, сколько найдется детей из греков и албанцев, желающих обучаться в Греческой гимназии, Ваше превосходительство имеете снабдить всем нужным и отправить под присмотром надежного надзирателя в Санкт-Петербург к полковнику и кавалеру Вольховскому, которому о причислении их в Греческую гимназию от меня повеление послано»<sup>1</sup>. На основании данного распоряжения только из Крыма в 1787 году, четырьмя сформированными группами на учебу в Корпус чужестранных единоверцев было направлено 68 мальчиков, в основном греческого происхождения, в возрасте от 8 до 16 лет. В их числе были дети военных чинов Греческого пехотного полка, от офицеров до рядовых, осевших в Крыму<sup>2</sup>.

Обязательным для всех кадетов названного учебного заведения был греческий язык, однако преподавание основных учебных предметов велось как на греческом, так и русском языке. Строго соблюдались

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1889. № 7. С. 11.

<sup>2</sup> ЗООИИД. 1848. Т. 2. С. 764.

и чтились здесь греческие традиции и обычаи. Наряду с общепринятыми в России, отмечались также православные греческие и национальные, народные праздники, соблюдались многие обряды.

Уже в начале 80-х годов первоначально принятая программа серьезно пересматривается, вводится расширенное преподавание военных и военно-морских дисциплин. Кадеты начинают изучать российский, греческий, итальянский, французский, немецкий языки; законы государства; общеобразовательные предметы, такие как история, география, геометрия, алгебра, физика, литература и некоторые другие; различные военные и военно-морские науки: артиллерию, фортификацию, кораблестроение, навигацию, устройство и управление кораблем и т. д.<sup>1</sup>

Вследствие этого из Корпуса чужестранных единоверцев «наряду с гражданскими чинами стали выпускать офицеров» (подпоручиков, прапорщиков, мичманов). Программа подготовки продолжает совершенствоваться в соответствии с требованиями жизни, потребностями государства в кадрах. Так, на основании Именного Указа Екатерины от 16 декабря 1790 года расширяются штаты учебного заведения, в программу обучения вводятся новые учебные предметы<sup>2</sup>.

Несомненно, это явилось итогом тщательного изучения всей пятнадцатилетней деятельности Гимназии чужестранных единоверцев, анализа работы по подготовке офицеров для армии и флота, первый выпуск которых состоялся в 1780 году.

Воспитанники стали проходить более серьезную практическую подготовку в частях и на кораблях армии и флота, активнее участвовать в ведущихся боевых действиях, в продолжительных морских экспедициях. Отличившиеся поощрялись командованием, нередко представлялись к награждениям «за мужество и храбрость», досрочно производились в офицерские чины, по заявкам частей и кораблей направлялись на службу после выпуска<sup>3</sup>.

Так, в 1790 году производится в мичманы и поручики армии целая группа «бывших в кампании», принимавших участие в боевых действиях против турецких войск воспитанников Греческой гимназии<sup>4</sup>.

29 января 1791 года объявляется Именной Указ императрицы о пожаловании в мичманы, с назначением на Черноморский флот

<sup>1</sup> ЗООИиД. — 1872. Т. 8. С. 217.

<sup>2</sup> РГА ВМФ. Ф. 212. Д. 818. Л. 54–60.

<sup>3</sup> Там же. Д. 824. Л. 75; Д. 840. Л. 37–38.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 201–203. Л. 29, 90–139.

10 воспитанников гимназии чужестранных единоверцев, «получивших в последнюю войну одобрение от корабельных начальников»<sup>1</sup>. Такие примеры не единичны. Следует заметить, что выпускники Греческой гимназии, как правило, направлялись служить на Черноморский флот, где расстановка сил, общая военно-политическая обстановка были понятны и хорошо известны, а климат являлся привычным, во многом благоприятствовал выполнению служебных обязанностей, сохранению высокой работоспособности и здоровья привыкших к нему южан.

Выпускники, предназначенные для сухопутных войск, направлялись обычно в армии, расквартированные в южных и юго-западных районах современной Украины и Молдовы, имевшие большой опыт боевых действий против турецких войск и их союзников, постоянно участвующие в русско-турецких войнах, что в полной мере отвечало устремлениям молодых офицеров греков, было весьма полезно для их становления и служебного роста. Гражданские чины после выпуска обычно также направлялись в южные районы страны.

Довольно часто отмечались случаи перевода по состоянию здоровья на юг тех выпускников Корпуса чужестранных единоверцев, которые в свое время добровольно пожелали служить офицерами или в гражданских чинах в Прибалтике, на Балтийском флоте, в северных районах Российской империи. Так, например, 24 мая 1796 года по Именному Высочайшему Указу переводятся на Черноморский флот выпущенные мичманами из Греческой гимназии на Балтийский флот выпускники, для которых климат Балтики оказался слишком суровым<sup>2</sup>.

В 1783 году Екатерина II, руководствуясь политическими соображениями, а также настойчивыми заявлениями генерала Мордвинова, «что климат Санкт-Петербурга вреден для уроженцев Эллады, многие воспитанники болеют...», приняла решение перевести Гимназию чужестранных единоверцев на юг, в город Херсон, поручив ему в непосредственное ведение светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического. Однако в силу целого ряда причин и обстоятельств исполнение Высочайшего решения долго откладывалось и в конечном счете не было приведено в исполнение, а затем и отменено. Греческая гимназия осталась на берегах Невы, вопрос о ее переводе больше не ставился.

После смерти в 1783 году генерала М. И. Мордвинова, исключительно много сделавшего для организации и становления Корпуса

<sup>1</sup> Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 56. Л. 25.

<sup>2</sup> РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 58. Л. 159.

чужестранных единоверцев, утверждения его авторитета в глазах греков-переселенцев, широкой российской общественности, руководство этим учебным заведением перешло к новому директору Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса греку генерал-майору П. И. Мелиссино, известному в военной среде своими обширными познаниями, прославившемуся во многих сражениях с турками боевому генералу, впоследствии удостоенному высшей военной награды — ордена Святого Андрея Первозванного. Новый начальник, немало сделавший для совершенствования учебного процесса, улучшения подготовки офицеров, особое внимание уделял вопросам нравственного воспитания кадетов.

«Наиприлежнейшее учение, — считал он, — может почесться несовершенным, если нравы останутся неисправленными и если, при просвещении разума, не будет приложено старания о исправлении сердца. Всякое училище, желающее доставить Отечеству граждан полезных, должно их сделать и добродетельными»<sup>1</sup>. Генерал П. И. Мелиссино рекомендовал педагогам и наставникам-офицерам постоянно проводить «...полезное и приятное упражнение воспитанников», считая при этом, что «...молодой человек, провождающий время свое в праздности, гораздо менее достоин осуждения, нежели ментор его, который не понимает обратить его способности к предметам, достойным внимания»<sup>2</sup>. Отсюда понятны те высокие требования, которые предъявлялись к педагогам и воспитателям.

Вскоре, на основе ходатайства Военной коллегии, в Греческой гимназии вводится должность начальника и она, по сути, становится полностью автономной. Первым начальником Гимназии чужестранных единоверцев был назначен подполковник Вольховский, неплохо зарекомендовавший себя на этом посту. Его сменил впоследствии граф, действительный статский советник А. И. Мусин-Пушкин, один из образованнейших людей своего времени, известный русский историк, археолог, археограф, действительный член Российской академии наук, собиратель памятников русской истории, ставший затем сенатором, президентом Академии художеств (1794–1799).

Естественно, это не могло не сказаться самым положительным образом на обстановке в учебном заведении, на уровне преподавания, в конечном счете на качестве подготовки выпускников, куда

---

<sup>1</sup> Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. СПб., 1880. С. 70–71.

<sup>2</sup> Там же. С. 71.

приглашались наиболее известные специалисты, ученые, хорошо зарекомендовавшие себя педагоги, наиболее грамотные, имеющие богатый боевой опыт армейские и флотские офицеры — командиры и воспитатели. Так, среди офицеров, занимавших штатные командные и педагогические должности в Корпусе чужестранных единоверцев в 1794 году, можно назвать артиллерийских подполковника К. Ф. Геринга, майора Т. Т. Захарьина, капитана А. Ф. Бестужева, инспектора по классам секунд-майора И. И. Гребенщикова, преподавателей секунд-майоров Н. Р. Рожешникова, Е. А. Чимбураки, Е. А. Филандро<sup>1</sup>.

Среди гражданских педагогов особо выделялся, например, учитель рисования Скливе, которому в 1793 году «за сделанные им рисунки к книге о времени Крещения российской Великой княгини Ольги» было Высочайше пожаловано в поощрение 300 рублей<sup>2</sup>. Здесь трудились и другие талантливые педагоги.

На основе сложившихся, тщательно оберегаемых, всемерно поддерживаемых традиций и порядков в Корпусе чужестранных единоверцев бережно сохранялось уважительное, доброжелательное отношение к воспитанникам-единоверцам, стремление помочь им. Всячески поощрялась и пропагандировалась учеба, добросовестное отношение к ней, публично отмечались достижения лучших воспитанников, которые щедро награждались, получали ряд серьезных льгот и преимуществ при выпуске и назначении на должности.

Все это, как отмечают многие современники, создавало здоровый нравственный климат, порядок и дисциплину в корпусе, атмосферу упорного и творческого, а не из-под палки, труда.

С целью поднятия престижа учебы и знаний, публичного поощрения лучших воспитанников, а также укрепления и расширения авторитета Гимназии чужестранных единоверцев в глазах петербургской знати, иностранцев, широкой общественности, в Греческой гимназии практиковалось при «великом собрании знатных обоого пола особ испытание в науках» лучших учеников, по заранее объявленным программам.

Одно из таких испытаний, проведенное при большом числе знатной титулованной публики 24 июня 1788 года, подробно описано в докладе президента Военной коллегии князя Г. А. Потемкина Екатерине II.

---

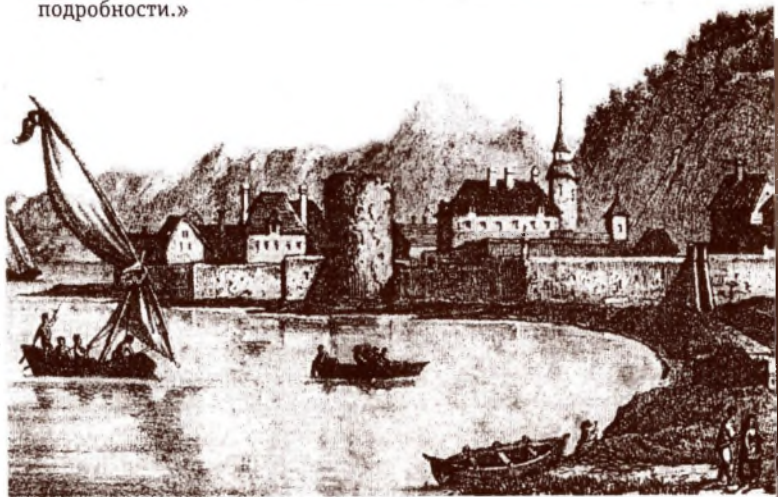
<sup>1</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. СПб., 1794. С. 68.

<sup>2</sup> Приложения к Камер-Фурьерскому церемониальному журналу 1793 года. СПб., 1892. С. 31.

К статье 1

«Переселение в Керчь-Еникале в 1775 году воинов Албанского (Греческого) войска: мало известные документы, забытые подробности.»

Вид крепости Керчь, 1821 г.



Крепость Еникале, место первоначального размещения греков-переселенцев.

Фанагорийская крепость и еникальский пролив. 1798 г.





Чесменская церковь. Архитектор Ю. Фельтен. Санкт-Петербург.

Балаклавский греческий батальон



БАЛАКЛАВСКІЙ ГРЕЧЕСКІЙ БАТАЛІОНЪ.



К статье 2 «Образование греческой диаспоры в Керчь-Еникале из числа воинов-переселенцев. Ее дальнейшее развитие и деятельность (конец XVIII-XIX столетия).»



Керчь. Храм Иоанна Предтечи (IX – X вв.)

Гора Митридат и вид Керчи. 1856 г.



К статье 2 «Образование греческой диаспоры в Керчь-Еникале из числа воинов-переселенцев. Ее дальнейшее развитие и деятельность (конец XVIII-XIX столетия).»



Вид Керчи середины XIX в.

К статье 3 «Греческий легион Императора Николая I и поселение его воинов в Приазовье..»



План Севастополя.  
1850 г.

Император Николай I



Севастополь. Николаевская  
и Константиновская батареи.  
1852-1853 гг.





Севастополь перед Крымской («Восточной») войной

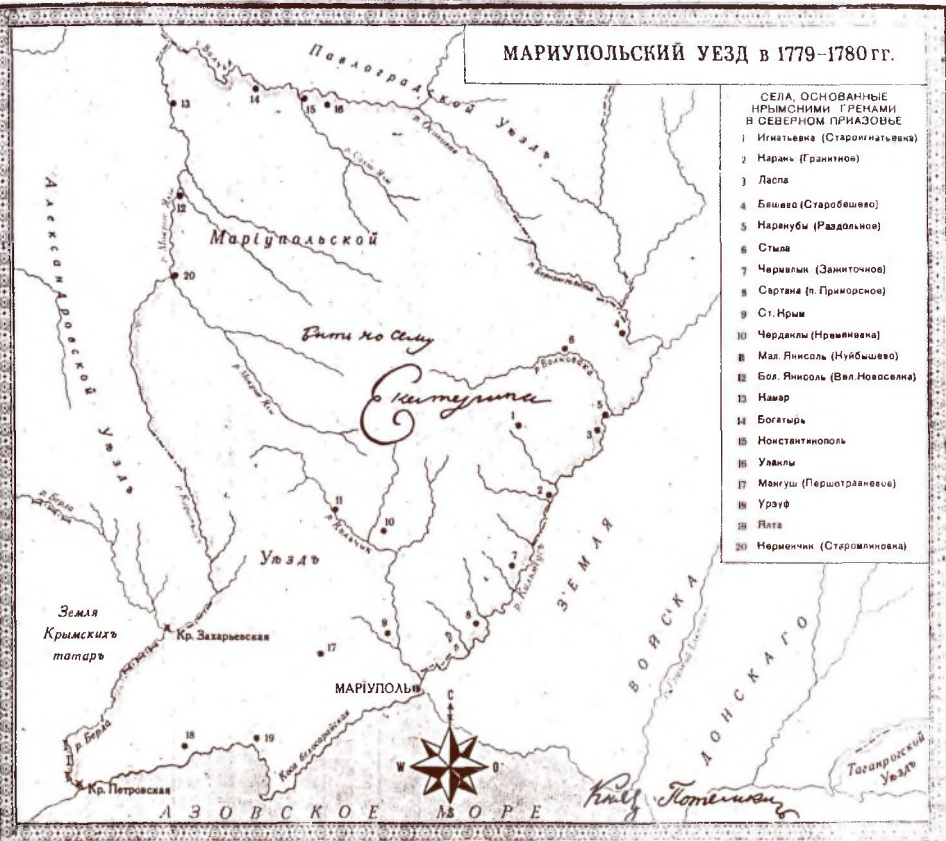
Английские суда в Балаклавской бухте



## МАРИУПОЛЬСКИЙ УЕЗД В 1779–1780 гг.

СЕЛА, ОСНОВАННЫЕ  
КРЫМСКИМИ ГРЕКАМИ  
В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

- 1 Игнатьевка (Староигнатьевка)
- 2 Нарань (Гранинов)
- 3 Ласпа
- 4 Башава (Старобашево)
- 5 Нарануби (Радольное)
- 6 Стыла
- 7 Червильки (Заниточное)
- 8 Сергана (п. Приморское)
- 9 Ст. Крым
- 10 Чердаклы (Нременевка)
- 11 Мал. Янисоль (Нуйбышево)
- 12 Бол. Янисоль (Вел. Новоселки)
- 13 Намер
- 14 Богатырь
- 15 Нонствянополъ
- 16 Увакли
- 17 Мангуш (Першотраевце)
- 18 Урузь
- 19 Ялта
- 20 Нарекчки (Староянковна)



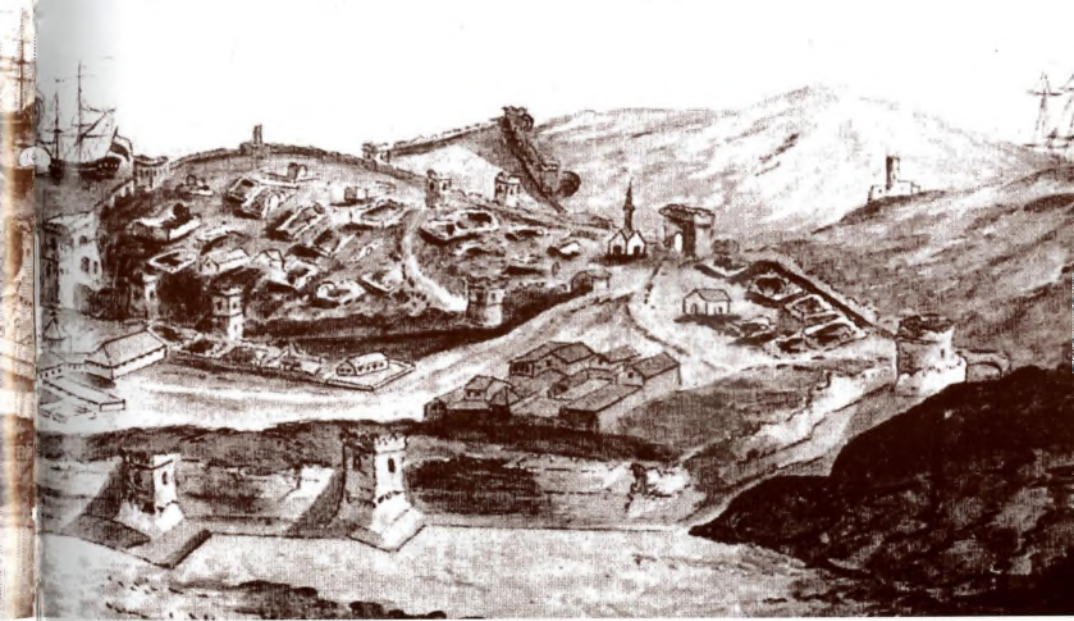
Мариупольский уезд, в котором было создано поселение греков-волонтеров из состава бывшего Греческого Легиона Императора Николая I, после завершения Крымской войны



Храм св. Николая Чудотворца.  
Севастополь.



Крепость Феодосия. Акварель. 1798 г.





Греческий Екатерининский монастырь (основан в 1748 г.)  
Киев. Гравюра сер. XIX в.

Разборка церкви Св. Екатерины (1741 г.) Греческого  
Екатерининского монастыря в 1929 г.







Греческая церковь в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский). Фото начала XX в.

Церковь всех святых.  
Укрина, г. Нежин.

Греческая посольская церковь св. Димитрия Солунского в Петербурге. Освящена в 1865 г., разрушена в 1964 г.



К статье 9 «Известный военный деятель екатерининской эпохи - грек, генерал Петр Мелиссино.»



Санкт-Петербургская биржа. Вид стрелки Васильевского острова.  
Худ. Ф. Ш. Перро. XIX в.

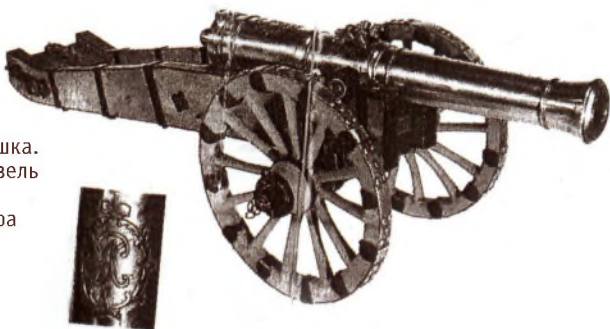
Надгробие П. И. Мелиссино в Лазоревской усыпальнице  
Александровской лавры



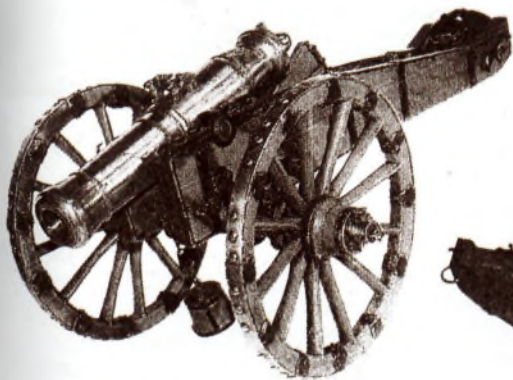
Некоторые образцы артил. орудий армии России 18 века, в период службы офицера- артиллериста Петра Мелиссино



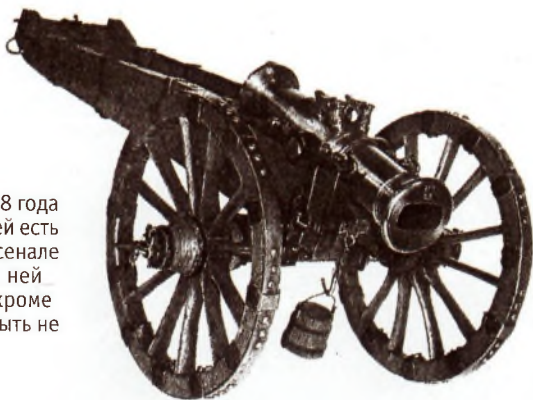
4-фунт. (84-мм) чугунная пушка.  
Начало XVIII в.



12- фунт. (122- мм) осадная пушка.  
(Конец 18 века). На стволе вензель  
великого князя Александра  
Павловича, будущего императора  
Александра Первого.



1/4- пуд. (122- мм) полевой единорог.  
(Конец 18- начало 19 века). Состоял  
на вооружении Русской армии около  
100 лет.



Секретная гаубица образца 1758 года  
(система П. И. Шувалова). По ней есть  
указание Сената: «Хранить в арсенале  
за печатью, дабы имеющаяся в ней  
инвенция (т.е. изобретение), кроме  
наружности НИКОМУ открыта быть не  
могла ».



Де Рибас

Греческий пароход «Хиос» в Одессе  
нач. XX в.



Практическая гавань. 1900-е годы.  
Осуществление идей Екатерины II. Одесса — крупнейший порт России.



.. Ея Императорскаго Величества Самодержавицы Всероссийской.

Изволая изволая изволая.

Генераль Маноръ пленъ гварди преобразованнаго  
Патру маноръ Князь Юрен Далгорукъвъ.

Дроу звать сие всемъ каму сие предявлено будеть что  
полчателъ сего урменныи инкителъ Архипалаксинаго  
Сенцова тинно, капитанъ Германъ викарии сродникъ  
его братьями Анноласъвъ Жантоннакъ поусудно пре-  
востел икъ Россіи инкителъ насобственнакъ икъ  
парасіе перевестил меня снахоянцисна притоме рос-  
искии офицерами изъ Италиі вгорию еру, того  
для вразсуделіи сей опасной икъ услуге кестелькъ  
во время перевоза поступилъ дано икъ Отмена сие  
свидетельство Заподписаннакъ моимъ итриложеннакъ  
логати моего герба напарасіе приберегахъ патурснаго  
Залива, мая „3„ днъ „ 1769. Года.

Каподирианакъ подписанко { Князь Юрен Далгорукъвъ.

Атестатъ.

~~138~~  
138

Служащій при Россійскихъ Императорскихъ восточнѣйшей флотѣ съ собственною своею прахъ. капитанъ полковникъ, изъ урядовъ Артиллеріи. Точно вѣдая пріявъ собою сво фамиліевъ помянутой Искренности присягу Ея Императорскому величеству всепре-светлѣйшей, Державнѣйшей великой Государыне Императрице Екатерине Алексѣевне всероссийской, кайъ она въ вѣдана въ вѣдана отъ Главнокомандующаго флотамъ Японскія восточнѣйшей ея Сіятельства урядъ Алексея Григорьевича Орлова напечатаніи значеніи сначала вступленія в службу про-шлаго 1770. году. Опять въ 19. числа вое вѣдана вое время употребляемъ въ вѣдана отъ флота. Знаниямъ поручаемъ ему дела вѣдана со-вѣдно ревностно, усердно, исполнять повеленія, вѣдана издрядочнаго, наследнаго планета. Знана имъ собственное, наряду вѣдана вранс. сво матерозъ, которому вѣдана сво служби Неба вѣдана повеленіи, давая ей Атестатъ, вѣдана приостанов. паросе вѣдана Сузе вѣдана вѣдана вѣдана, февраля „20.“ дня „1775. года;

Наподлинна въ подлинно, { Слѣдъ Адмиралъ и капитанъ  
Елмоновъ.

199<sup>до 7</sup>

№ 1  
Ея Императорскаго величества Самодержавицы Всероссийской.

И прочая и прочая и прочая.

Уполномоченной Генераль и разных российских Орденов кавалеръ Графъ Алексѣй Орловъ.

Объявляю чрезъ сие всемъ какому отамъ ведомъ надлежитъ, что по указамъ сего Неронилъ Виталийковича со всемъ его семействомъ въ подданства Императорской величости присягну Ея Императорскому величеству всенеподданнейшей Москвитини, находящая ныне действително в Россіи Императорской службѣ Афицеромъ уполномоченная, вранья поручаемая ему тамъ же казенной канцеляріи пороссийскимъ флягаломъ судне названнаго сканый Николай, того ради всехъ какому сие предявлено будетъ, какъ в оныхъ канцеляріяхъ казенныхъ Главныхъ канцеляріяхъ Афицеровъ, тамъ же въ Журналахъ и казенныхъ учрежденіяхъ в оныхъ канцеляріяхъ предлахъ, нейтральныхъ и дружественныхъ российскихъ дворянъ, дворянскихъ, дворянскихъ, дворянскихъ Неронилу Виталийковичу, дозволяя, нето въезде свободномъ проезде. Авориты в оныхъ канцеляріяхъ пребывания его, оказывать по усмотрѣнію, благожелательности, и всевозможное в случаетъ помощи его в установленномъ по указамъ подобный случаяхъ равномерно какому.

даско быть ипость, всоусрение чего дано есту Агоста  
владствство, заподписанниен в. поимов Испрымаженнаго  
печатен моего вриа приострво нафр напароже пу  
перарховъ Сентяря 19, числа 1770. Года.

Наподлиннаго подписано, Графъ ПьетрЪ Ертовъ,



212 4 74 19900



Адмирал Г. А. Спиридонов







Императрица  
Екатерина II



1. Коп.  
Указъ Нашей военной коллегии.

Въ каждаеице усердной службы Подполковника майора Капоки, Отличной его храбрости и мужества неоднократно оказавшии въ сражении съ Плурицими морскими вооруженіями, беспримерно — вѣйше поощрили Мы его въ Полковники.

Наподлинномъ подписано Собственнымъ Ея императорскаго величества рукою: Тако:

Рис.

Екатерина

Въ царскомъ Санкт-  
петербургѣ 29. 1790 года.

Принять въ вышеи полкеи Могоу сиске  
Ахуттаи...  
Лексисага...  
Милу...  
Лексисага...



Вход в Порто- Кайо ( Порто-Кагио), в укрепленную Военно-морскую базу Ламброса Кацониса ( 1792 год ).



Всякой  
Потенцать,  
которой  
едино войско  
сухопутное  
имѣеть,  
одну руку  
имѣеть,  
а которой  
и флотъ  
имѣеть,  
обѣ руки  
имѣеть.

Петръ.



5-е переиздание 1785 г. "Книга Устав Морской".

К статье 13 «Российская корсарская флотилия в Средиземном море в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг.»



Парусное судно (конец 18 - нач. 19 вв.)

«Минерва Северная» —  
флагманский корабль флотилии  
Л. Кацониса. Архив П. Стамбу.



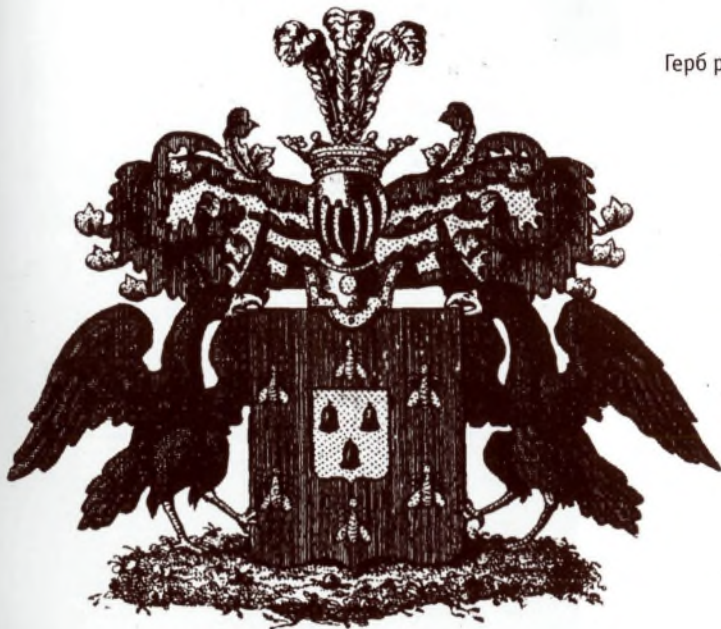


Портрет Ламбро Кацониса. Худ. Лампи - старший.

Генерал - майор  
А. П. Мелиссино



Герб рода Мелиссино.





Портрет генерала Д. Д. Курута



Портрет великих князей  
Александра и Константина





К статье 19 «Братья Манганари в истории гидрографии, мореплавания, Черноморского военного флота.»

Главный командир черноморского флота и портов адмирал Михаил Павлович Манганари (1804-1887)



Титульный лист Атласа Черного моря, составленного по описям капитана I ранга Егора Манганари

1393

№ 2  
M23

ЛОЦИЯ  
МОРСКОЙ ИСТОРИИ  
АРХИВ  
СПРАВ. БИБЛИОТЕКА  
№ 1393

ЛОЦИЯ

МАРМАРАНОГО МОРЯ.

СОСТАВЛЕНА



Капитаномъ 1<sup>го</sup> ранга М. Монганари.

НИКОЛАЕВЪ

въ Типографіи Черноморскаго Гидрографическаго Депо.

1850.

Корабль «Березань»  
Черноморскаго флота.  
Командир корабля  
И. П. Монганари.  
Из фондов ЦВММ, С-Пб





Адмирал Л. П. Гейден



Адмирал  
Э. Кодрингтон



Адмирал  
А. де Риньи



М. П. Лазарев



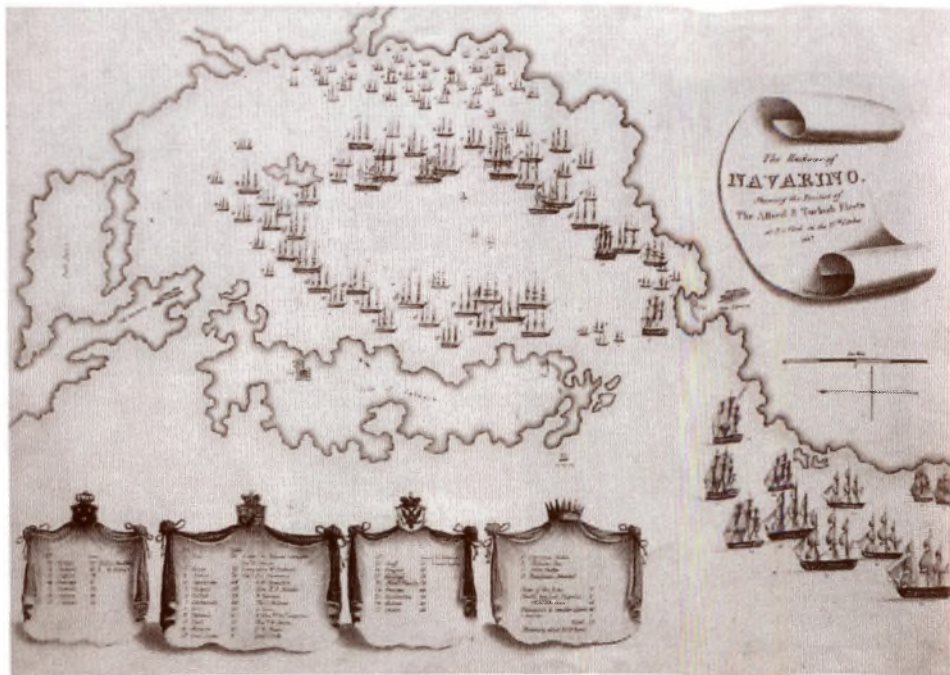
П. С. Нахимов



В. А. Корнилов



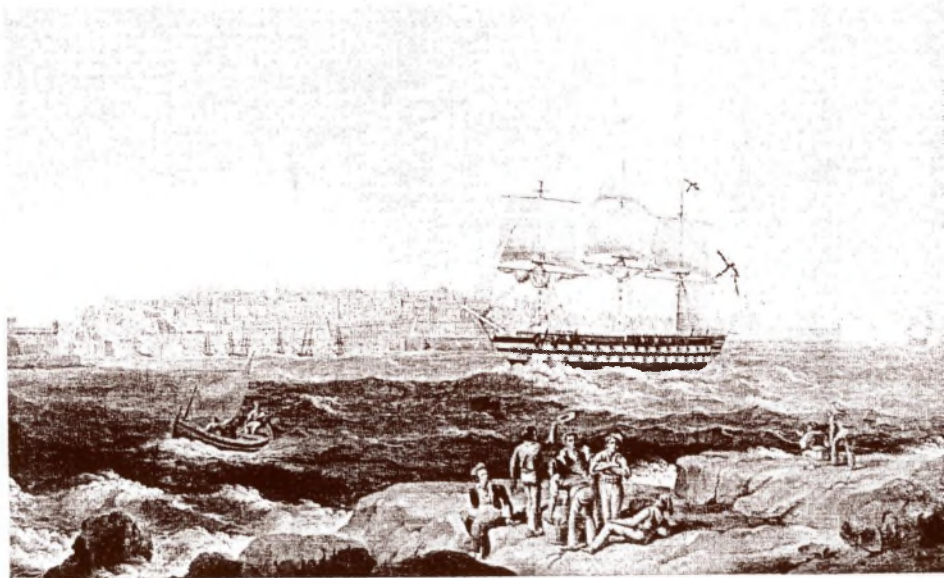
В. И. Истомин



План Наваринской бухты с дислокацией кораблей.

Наваринское сражение.





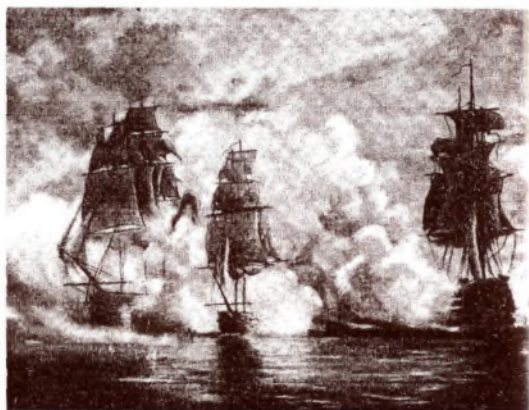
Корабль «Азов» входит в бухту (1827)



Могила русских моряков,  
погибших в Наваринском  
сражении. Остров Сфактерия.  
Фото 1889 г.



Памятник А. И. Казарскому  
на Мичманском бульваре  
в Севастополе



Бой брига «Меркурий» с двумя турецкими  
линейными кораблями 14 мая 1829 г.

Смотр эскадры адмирала Д. Н. Сенявина 10 июня 1827 года. Худ. А. Шифляр.



Как свидетельствует данный документ, праздник открылся приветственными речами «на российском и греческом языках».

Несмотря на предварительно объявленную обширную программу состязаний по знанию иностранных языков, общеобразовательных и математических дисциплин, различных военных и морских наук, из-за «краткости времени» воспитанники подверглись, по выбору комиссии, испытаниям только по математике, вопросам оснастки и управления кораблем. Победителей объявляла специальная комиссия, после чего «отличившиеся пред прочими в науках удостоены награждения, состоящего в медалях и книгах».

По итогам состязаний, при единодушном одобрении присутствовавшей публики два человека (Юсуф Рудзевич и Иван Бутищев) были отмечены золотыми медалями семь воспитанников (Николай Банизело, Егор Папаегоров, Григорий Скиадино, Егор Ресевус и другие) награждены серебряными, четверо были поощрены книгами, причем по «тем наукам, в коих они более оказали успехов»<sup>1</sup>.

Кроме того, восьми воспитанникам, «вступившим в верхние классы и в короткое время оказавшим довольные успехи», публично было объявлено «об удовлетворении их усердием в учебе», а также официальная благодарность начальника учебного заведения.

После своего награждения счастливые победители конкурсных испытаний торжественно вручили присутствующим почетным гостям «своеобразные памятные сувениры праздника» — свои работы.

Как отмечено в докладе Екатерине II, «были одарены бывшие при сем испытании знатные обоего пола особы и господа чужестранные министры артиллерийскими и фортификационными чертежами и рисунками, трудами тех воспитанников»<sup>2</sup>.

Затем все присутствовавшие полюбовались исполнением оружейных приемов, строевой выучкой воспитанников старших и младших классов, по достоинству оценили их мастерство. В завершение состоялся праздничный бал, где молодежь самозабвенно танцевала.

«И тем, — отмечалось в докладе Г. А. Потемкина-Таврического, — все сие действие закончилось». Радостные и удовлетворенные расходились воспитанники, довольные и отдохнувшие разъезжались гости, оживленно обсуждая увиденное.

«Все бывшие тут знатные особы, — подчеркивалось в докладе императрице, — видя успехи, соответствующие всемилодивейшему

---

<sup>1</sup> ЗООИИД. 1872. Т. 8. С. 217.

<sup>2</sup> Там же.

Вашего Императорского Величества намерению, с каким учреждено сие для иностранных единоверцев училище, изъявили совершенное удовольствие»<sup>1</sup>.

Авторитет Гимназии чужестранных единоверцев рос исключительно быстро, особенно после таких красочных ежегодных испытаний, вошедших в традицию корпуса и с интересом ожидаемых кадетами. По сути это был своеобразный отчет учебного заведения о работе, проделанной в ходе учебного года, об уровне знаний и умений воспитанников, о степени сформированных у них воинских навыков и качеств.

Праздник знаний, организуемый в Греческой гимназии в начале лета, с приглашением многих гостей, с присутствием заинтересованных лиц дипломатического корпуса, родителей и близких кадетов, официальных представителей военных и гражданских ведомств, был заметным явлением в жизни столицы.

Вскоре Корпус чужестранных единоверцев приобрел авторитет у петербургского общества, в провинции, в южных губерниях. Многие русские дворянские семьи, в том числе из знати, стали направлять туда для обучения своих сыновей, естественно, стремились попасть в него и дети греков-переселенцев, и значительному числу это удавалось.

Хотя за обучение и обмундирование взималась определенная плата, часть воспитанников, особенно тех, чьи родители погибли в боях, на службе Родине, принимались на льготном основании и находились на полном государственном пансионе. Нередко в ответ на просьбы вдов греков-военнослужащих о помощи в связи с гибелью кормильца выделялись установленные в таких случаях денежные суммы, а детей разрешалось, при их желании, за счет государства направлять на учебу и содержать на полном пансионе, в том числе и в Гимназии чужестранных единоверцев.

Об этом свидетельствует, например, ответ Г. А. Потемкина правителю Таврической области М. В. Каховскому от 17 июня 1787 года, поддержавшему просьбу 25 жен и детей погибших и раненых, ставших инвалидами греков-воинов об оказании им материальной помощи в учебе детей. «...Я уважаю представление Ваше и их просьбу, — пишет Потемкин. — В резолюции Вашему превосходительству предписываю сделать им надлежащее удовлетворение»<sup>2</sup>. Высочайшее повеление Екатерины II от 21 октября 1794 года, в силу которого было в очередной раз, «из комнатной суммы выдано в Корпус чужестранных

<sup>1</sup> Там же. С. 217, 218.

<sup>2</sup> ИТУАК. 1889. № 7. С. 11, 15.



единоверцев 3000 рублей на содержание определенных в оный 15-ти греческих мальчиков»<sup>1</sup> и другие факты.

По Указу Екатерины II от 24 мая 1792 года, для лучшего размещения Корпуса чужестранных единоверцев ему отводятся помещения бывшего Морского кадетского корпуса на Васильевском острове. В 1795 году здания полностью передаются в ведение его директора А. И. Мусина-Пушкина. Корпус чужестранных единоверцев начинает обустриваться в отремонтированных зданиях, переоборудованных под новое учебное заведение<sup>2</sup>, строятся планы о дальнейшем улучшении подготовки выпускников для Военного, Морского и Гражданского ведомств. Однако планам этим не суждено было осуществиться.

После смерти Екатерины II новый император Павел I серьезно пересматривает внешнюю и внутреннюю политику своей матери. Увольняются с государственной службы, изгоняются из столицы известные сподвижники Екатерины II, предаются забвению, сводятся на нет многие важные и полезные начинания покойной императрицы. Попадает под удар и Корпус чужестранных единоверцев, имевший к тому времени прекрасную учебную и жилую базу, отлаженную, оправдавшую себя систему подготовки национальных кадров, заслуженный авторитет и более чем 20-летний опыт работы.

На основании Указа Павла I от 8 декабря 1796 года Корпус чужестранных единоверцев расформируется, а его кадеты направляются доучиваться в другие военно-учебные заведения<sup>3</sup>.

Так, например, приказом главного директора Морского кадетского корпуса адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова от 1 января 1797 года были зачислены в кадеты и гимназисты 97 воспитанников расформированного Корпуса чужестранных единоверцев, 12 из них по Высочайшему повелению были произведены в гардемарины флота<sup>4</sup>. Так в тот период именовались воспитанники старших классов (рот) Морского кадетского корпуса, выпускавшиеся в офицерском чине мичмана по окончании учебного заведения.

<sup>1</sup> Приложения к Камер-Фурьерскому журналу 1794 года с алфавитом. СПб., 1894. С. 103.

<sup>2</sup> РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 57. Л. 87.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 212. Канц. П отд. Д. 841. Л. 5, 61, 70; Оп. 1. Д. 75. Л. 1. ф. 227. Оп. 1. Д. 60. Л. 150, 156; *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 368.

<sup>4</sup> РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 60. Л. 98–104.

Указом императора от 8 декабря 1796 года Морской кадетский корпус возвращается в Санкт-Петербург в свои прежние помещения практически сразу же после расформирования Корпуса чужестранных единоверцев и отправки ее воспитанников на учебу и службу в другие учебные заведения.

29 апреля 1797 года Павел I потребовал от вице-адмирала Н. С. Мордвинова подать ему все сведения о числе «греков и других левантйских жителей, произведенных в офицеры на флоте, о роде занятий, месте службы и награждении означенных лиц»<sup>1</sup>.

По всей видимости, это была попытка разобраться поглубже с приходящими докладами, записками, рапортами, нередко весьма необъективно показывающими службу греков на Черноморском флоте, состояние греческих воинских формирований<sup>2</sup>.

Последствия оказались не совсем приятны для греков-переселенцев и других единоверцев. Высочайшим указом, подписанным 30 января 1797 года, греческий пехотный полк преобразуется в греческий пехотный батальон: «...Поселенный в Тавриде греческий полк принять в ведомство военной коллегии под названием греческого батальона», — говорится в этом документе<sup>3</sup>. Значительно урезаются штаты и финансирование, многие уволены со службы.

20 мая 1797 года упраздняется Одесский греческий дивизион: «Греческий дивизион совсем уничтожить, — повелевает Павел I, — ичислящихся в оном обратить в то состояние, куда пожелают»<sup>4</sup>.

Ужесточаются правила приема греков и других иностранцев-переселенцев в привилегированные учебные заведения.

Таким образом, ликвидация Корпуса чужестранных единоверцев была лишь звеном в целой цепи преобразований, намеченных и осуществленных Павлом I в 1796—1797 годах и последующее время, отразившихся на многих, в том числе и на греках-переселенцах.

Из числа выпускников Корпуса чужестранных единоверцев можно назвать многих, известных в прошлом веке в России адмиралов и генералов, полковников и капитанов I ранга, прославивших свои имена боевыми подвигами, славными делами во благо Российского государства. Среди них:

• генерал-майор Бардаки И. Г., выпускник 1780 года, боевой моряк, отличился в боевых действиях с турками, кавалер нескольких

<sup>1</sup> РГА ВМФ. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 841. Л. 5, 51, 70.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 176. Л. 82—89; ЗООИИД 1853. Т. 3. С. 364—366.

<sup>3</sup> Там же. 1844. Т. 1. С. 224, 225.

<sup>4</sup> Полн. собр. Законов. Т. XXIV. С. 614; РГИА. ф. 1101. Оп. 1. Д. 712. Л. 1, 2.

российских орденов, в 1791 году награжден золотой шпагой «За храбрость». Умело командовал различными боевыми кораблями, в том числе новопостроенным «Мария Магдалина», ряд лет являлся капитаном над Севастопольским портом, затем директором Черноморского штурманского училища;

- генерал-майор Балла А. И., выпускник 1782 года. Особо отличился при штурме Очакова и Измаила. Герой Отечественной войны 1812 года, в ходе которой командовал Егерской бригадой в корпусе генерала Дохтурова, оборонявшего Смоленск. В Смоленском сражении героически погиб. Кавалер ряда боевых орденов;

- контр-адмирал Критский Н. Д., выпускник 1794 года. Опытнейший боевой моряк, отличившийся в ряде сражений с турками, награжден золотой саблей «За храбрость», командовал рядом кораблей, в том числе самым мощным на Черноморском флоте — «Париж», кавалер ряда орденов. Известный гидрограф, исследовавший и описавший часть Азовского моря, побережье от Таганрога до Еникальского пролива, острова Ада, Федониси, южный берег Крыма от Севастополя до Керченского пролива, археолог, изучавший древние греческие поселения;

- контр-адмирал Лелли Ф. П., выпускник 1782 года. Прославил свое имя храбростью и воинской доблестью, умелым командованием различными кораблями флота. Особо отличился под Очаковым и Измаилом, за что награжден орденами и золотой шпагой «За храбрость»; возведен в дворянское достоинство;

- вице-адмирал Патаниоти К. Ю., выпускник 1783 года. Известнейший военный моряк своего времени, участник морских сражений с турецким флотом в Керченском проливе, у Гаджибея, у мыса Калиакрия в составе эскадры под командованием выдающегося русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова. Отличился храбростью и умением. В Керченском морском бою был ранен, за отличие получил очередной воинский чин капитан-лейтенанта. Умело командовал рядом кораблей, флотскими соединениями. В 1830–1832 годы — командующий Черноморским флотом. С 1832 года член Адмиралтейств-Совета.. Кавалер шести российских орденов;

- генерал-майор Псомас Е. П., выпускник 1790 года. Впервые отличился будучи мичманом, в 1791 году, при разгроме турецкого флота под Калиакрией. В составе эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова на фрегате «Сошествие Святого Духа» участвовал во взятии островов Цериги, Занте, Цефалония и других, отличился мужеством и флотской выучкой. Ряд лет успешно исполнял должность капитана над Севастопольским

портом. Его деятельность на этой должности получила в 1818 году «Монаршее благоволение» при посещении Александром I города Севастополя. Являлся начальником Севастопольского флотского училища, возглавлял Комиссию по строительству в Севастополе сухих доков. По праву вошел в историю Черноморского флота, всегда являя собой пример добросовестной и честной службы на благо Отечества;

- контр-адмирал Салти К. Д., выпускник 1785 года. Умелый и отважный военный моряк, отличившийся в целом ряде морских сражений на Балтийском и Черном морях. Умело командовал несколькими военными кораблями, кавалер ряда орденов. Успешно командовал 2-й Черноморской флотской бригадой кораблей, поддерживал ее высокую боевую готовность, решение всех возлагавшихся на нее учебно-боевых задач;

- генерал-лейтенант Степовой М. Г., выпускник 1790 года. Посвятил себя суровой Балтике. Командовал несколькими кораблями, отличился в ряде морских сражений, за что награжден боевыми орденами. Командовал штурманским училищем в Свеаборге, несколько лет являлся инспектором корпуса флотских штурманов. В 1837 году назначен на должность общегосударственного масштаба — стал членом Адмиралтейств-Совета;

- контр-адмирал Цац Ф. И., выпускник 1783 года. На корабле «Болеслав» участвовал в Гогландском сражении. Проходя службу на кораблях Балтийского флота «Память Евстафия» и «Князь Владимир», отличился в Эландском, Красногорском, Выборгском морских сражениях. Награжден орденами. В чине капитана 1 ранга переведен на Черноморский флот, где командовал крупными кораблями. В 1826 году был назначен на ответственную и хлопотливую должность обер-интенданта Черноморского адмиралтейств-правления, взвалил на свои плечи вопросы повседневного и боевого обеспечения деятельности Черноморского флота. Свыше 46 лет прослужив в офицерских чинах в Российском флоте, контр-адмирал Цац вошел в его историю как отважный боевой моряк, талантливый, честный и добросовестный руководитель флотского уровня.

В числе воспитанников Корпуса чужестранных единоверцев, выпущенных армейскими офицерами, хорошо известны семь генералов. Среди них Пантелеймон Бенардос, Егор Властов, Дмитрий Курута, Александр Рудзевич и другие.

Среди выпускников Греческой гимназии различных лет можно назвать также целый ряд капитанов 1 ранга, отважных и опытных командиров боевых кораблей, отличившихся в морских сражениях, принесших

славу российскому флоту, посвятивших свою жизнь флотской службе. Это Анастопуло П. А., Асланов А. П., Бароци Е. Д., Влито А. Е., Вальяно Э. М., Гайтани К. Г., Иеромузо К. А., Драгопуло П. Н., Драко К. Е., Клопакис Х. И., Папофило Ф. И., Попандопуло С. А., Сатири Н. Г., Михайли С. М. и многие другие замечательные флотские офицеры-греки, вошедшие в историю флота России, борьбы против оттоманского ига, обретения Грецией независимости.

## ИЗВЕСТНЫЙ ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ — ГРЕК ПЕТР МЕЛИССИНО В ИСТОРИИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА

По единодушному мнению современников и историков, одним из замечательных военных деятелей царствования Екатерины II являлся известнейший артиллерист того времени, кавалер высшего ордена Святого Андрея Первозванного, генерал от артиллерии Петр Иванович Мелиссино (1726–1797), навечно вошедший в историю Российского государства своими воинскими подвигами, много сделавший для Северной столицы, завоевавший уважение и авторитет у ее горожан.

Петр Иванович Мелиссино — выходец из древней и знатной греческой фамилии, тесно связанной с византийскими императорами<sup>1</sup>. Так, Евдокия Мелиссино была женой византийского императора Константина V Копронима (умер в 775 году). Никифор Мелиссино, женатый на родной сестре будущего императора Алексия Комнина, был провозглашен в Азии императором (1081 год), но после вступления на престол своего шурина, ставшего византийским императором Алексием, предпочел довольствоваться званием кесаря<sup>2</sup>.

Прямой потомок данного древнего рода — Иван Афанасьевич Мелиссино, уроженец острова Кефалонии, прибыл в Россию при Петре Великом в качестве лекаря и вскоре зарекомендовал себя в Санкт-Петербурге хорошим медиком, добился известности, уважения, в том числе и у столичной знати. При императрице Анне Иоанновне стал вице-президентом коммерц-коллегии<sup>3</sup>.

Имел двух сыновей — Ивана и Петра, ставших известными военным и государственным деятелями, прославивших фамилию Мелиссино в России, немало сделавших для своей новой Родины, внесших весомый вклад в развитие военного и издательского дела, военного

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1343. оп. 25, д. 3129, л. 1–1а.

<sup>2</sup> *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., 1890. С. 204.

<sup>3</sup> Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1913, № 1, С. 28; РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 3129, л. 1.

искусства, образования, науки и культуры, по праву вошедшие в историю Российской империи XVIII столетия. Умер Иван Афанасьевич, основатель российской ветви Мелиссино, в 1758 году, оставив после себя добрую славу, благодарную память, семью, двух замечательных сыновей: Ивана (1718–1795) и Петра (1726–1797)<sup>1</sup>.

Его младший сын — Петр Иванович Мелиссино, получив прекрасное домашнее образование, в 1740 году определяется в Сухопутный кадетский корпус (впоследствии 1-й кадетский корпус), сразу же рекомендовывает себя отличным кадетом, имеющим разносторонние способности, общительный и живой характер. В 1750 году Петр блестяще заканчивает Кадетский корпус, производится в подпоручики и оставляется при учебном заведении.

Весьма интересен текст его выпускной аттестации, характеризующий молодого офицера: «...С российского на немецкий и с немецкого на французский язык переводит хорошо и говорит твердо, сочиняет немецкие письма по диспозициям; арифметику, геометрию и регулярную фортификацию окончил; обучается иррегулярной; рисует красками хорошо; истории универсальной и специальной новейших времен, также географии по гомонским картам, морале и юсънатуре обучается; верхом ездит по-берейторски; фехтует в контру; танцует минуеты и другие танцы». То есть полностью отвечал требованиям, предъявляемым к выпускникам кадетского корпуса, обладал знаниями и умениями, необходимыми офицеру того времени<sup>2</sup>.

В период обучения в Кадетском корпусе раскрылся и яркий сценический талант Петра Мелиссино, который своевременно заметил и оценил известный писатель и драматург, один из основателей русского драматического театра А. П. Сумароков, во время просмотра своей пьесы «Семирамида», поставленной и сыгранной кадетами, среди которых на сцене выделялся Петр Мелиссино.

Елизавета Петровна, узнав о кадетях-артистах, повелела поставить и сыграть их силами, но уже в своем дворце, другую трагедию Сумарокова «Хорев», распорядившись при этом выдать для спектакля богатые одежды из царской кладовой.

---

<sup>1</sup> Долгорукий П. Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 80; Журнал русского военно-исторического общества. 1913. № 1. С. 29; Энциклопедический словарь. СПб., 1896. С. 28–29.

<sup>2</sup> Чтения в Московском о-ве истории и древностей России. 1867. №3; 1871. № 3; Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1855. Т. 8. С. 592; Чарторыйжский Г. А. Лубенские гусары. Ч. 1. Елисаветград, 1872. С. 4.

Оставшись довольной спектаклем и игрой кадетов, императрица повелела им и впредь ставить спектакли, регулярно давать их как в корпусе для педагогов и кадетов, так и при дворе, на императорской сцене.

Когда же для актеров-кадетов подошло время выпуска из корпуса, производства в офицеры и назначений в части, Петр Мелиссино и два его товарища по учебе и сцене были оставлены при корпусе. По Высочайшему повелению им вменялось в свободное от службы время заниматься образованием актеров, подготовкой драматических артистов для русской сцены. Таким образом, Петр Мелиссино, как считают современники, являлся одним «...из трех главных образователей русских драматических артистов, в том числе знаменитого Дмитревского И. А.», ставшего впоследствии крупнейшим представителем русского сценического классицизма, членом Российской академии, то есть сыграл немалую роль в становлении театрального искусства в столице, в создании труппы первого русского постоянного публичного театра в Санкт-Петербурге в середине XVIII столетия<sup>1</sup>.

Столичная светская, богемная жизнь, видимо, изрядно наскучила, утомила молодого талантливое офицера, и по его настоятельной просьбе он переводится в 1759 году в действующую артиллерию, где вскоре, в начале 1760 года получает чин майора. Принимает активное участие в Семилетней войне. В ходе боевых действий Петр Иванович изучает возможности артиллерии на практике, приобретает ценный опыт управления ею в различных условиях боевой обстановки, растет профессионально как артиллерист и заслуженно получает очередной чин подполковника в 1764 году. Как гласит петербургская легенда, именно Петр Мелиссино, внешне удивительно похожий на Петра I фигурой, ростом и осанкой, позировал в 1760 году Э. М. Фальконе во время его работы над Медным всадником.

Лучшие жеребцы из царских конюшен — Бриллиант и Каприз — на полном скаку многократно возносились Мелиссино на специальный помост и вставали на дыбы, на мгновение удерживались «над пропастью».

Скульптор сделал бесчисленное количество карандашных набросков с натуры, чтобы на их основе создать блестящую композицию — всемирно признанный символ Санкт-Петербурга<sup>2</sup>.

С началом Русско-турецкой войны 1768–1774 годов Петр Мелиссино в звании полковника артиллерии участвует в боевых

<sup>1</sup> Военный энциклопедический лексикон. — СПб. 1855. Т. 8. С. 593; Чарторыйский Г. А. Лубенские гусары. Ч. 1. Елисаветград, 1872. С. 4.

<sup>2</sup> Синдаловский Н. А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 71.



действиях, отличается при взятии Хотина, где, эффективно и уверенно применяя артиллерию против турок, обеспечил успех, за что Высочайшим указом производится в чин генерал-майора<sup>1</sup>.

Однако подлинная известность в армии и слава одного из лучших артиллеристов России пришла к нему после жарких сражений при Ларге и Кагуле.

Так, в сражении при реке Ларге летом 1770 года, командуя 17-й орудийной бригадой полевой артиллерии, генерал-майор Петр Мелиссино занял на выбранной им высоте весьма удобную и выгодную позицию и умело управлял огнем своих батарей. Сумел подавить турецкую артиллерию и нанес существенный урон живой силе противника, который потерял в этом сражении только убитыми около 1000 человек.

По оценке командующего армией генерала графа П. А. Румянцева решающую роль в разгроме турок сыграла русская артиллерия, огонь которой «...привел в молчание неприятельские батареи...», «...споспешествовал входу нашим корпусом в неприятельский лагерь». Победные трофеи россиян составили: «38 орудий, 8 знамен, ставки пашей и весь неприятельский лагерь»<sup>2</sup>.

Еще больший успех выпал на долю артиллеристов, руководимых генерал-майором П. И. Мелиссино, в сражении под Коголом, в ходе которого «...несметные массы... турецкой пехоты и кавалерии опрокинули каре Племянникова и готовы были ворваться в каре Олица. Положение спас Петр Мелиссино. В сложной, критической обстановке он проявил хладнокровие и выдержку». Выждал, подпустил врага поближе, а затем приказал открыть уничтожающий картечный огонь, который буквально сметал живую силу противника, наносил ему невосполнимые потери, и тем способствовал отражению наступления турок, окончательной победе в сражении.

Как отмечают документы того времени, генерал Петр Мелиссино «...отлично, блистательно распоряжавшейся в этот день артиллериею, был одним из главных виновников одержанной победы...»<sup>3</sup>

«...За деятельное участие в сражении при Кагуле, а также за великия в его звании исправность и искусство...» генерал-майор

---

<sup>1</sup> Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 141–142; Савельев Л. М. Биографический указатель по истории геральдики и родословию русского дворянства. СПб., 1897

<sup>2</sup> История русской армии и флота. М., 1911. Т. 2. С. 85; Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1855. Т. 8. С. 593.

<sup>3</sup> Там же.

П. И. Мелиссино указом Екатерины II награждается орденом Святого Георгия III класса, становится известнейшим артиллерийским военнoначальником, ближайшим сподвижником генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, некоторое время исполняет обязанности дежурного генерала в Первой армии, командует в боях пехотной бригадой, чем расширяет свой военный кругозор, растет как крупный военный начальник.

В 1773 году под Силистрией Петр Иванович получает ранение, но после выздоровления вновь отличается при переправе артиллерии и других войск через Дунай, за что награждается орденом Святой Анны I степени<sup>1</sup>.

По окончании войны генерал-майор Мелиссино возвращается в Санкт-Петербург, назначается «...присутствующим членом в канцелярии Главной артиллерии и фортификации», а в начале 1783 года по рекомендации светлейшего князя Григория Потемкина, «...как человек, известный своими обширными познаниями и прославившейся на военном поприще»<sup>2</sup>, назначается Екатериной II на весьма почетную и ответственную должность директора Артиллерийского и Инженерного шляхетного кадетского корпуса (переименованного в 1800 году во 2-й кадетский корпус)<sup>3</sup>, здесь в июне того же года он получает чин генерал-поручика.

И выбор этот не был ошибочным. Как отмечали современники, выпускники корпуса, «...время начальствования Мелиссино Артиллерийским и Инженерным кадетским корпусом принадлежит к самым блистательным эпохам в истории этого заведения». Продолжалась же оно около 15 лет, с 1783 по 1797 год. Именно в этот период корпус превратился в одно из ведущих военно-учебных заведений России, что является несомненной заслугой его директора генерала Петра Ивановича Мелиссино<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880. С. 69–70; Чтения в Московском об-ве истории и древностей России. СПб., 1867. № 3. С. 130.

<sup>2</sup> 2-й кадетский императорский Петра Великого корпус. СПб., 1912. С. 3; Историч. очерк Военно-учебных заведений подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880. С. 69.

<sup>3</sup> Чтения в московском обществе истории и древностей России. М., 1867. № 3. С. 129–130.

<sup>4</sup> Русская старина. 1873, № 12; Крылов В. А. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1880. С. 69.

Действительно, его личный вклад в совершенствование имевшейся системы артиллерийского и инженерного образования, в улучшение подготовки артиллеристов и инженеров для российской армии неоспорим. Он возглавил разработку проекта преобразования вверенного ему учебного заведения, изменений в организационно-штатную структуру корпуса. В 1784 году представленный на Высочайшее рассмотрение проект преобразований был одобрен и утвержден Екатериной II практически без изменений<sup>1</sup>.

В результате был введен новый Устав корпуса, увеличено число кадетов до 400 человек, расширено количество учебных предметов, резко усилена практическая направленность обучения будущих артиллеристов и инженеров. Так, в программах появились: тактика, натуральная история и верховая езда. Больше внимания стало уделяться изучению иностранных языков, а также физической подготовке будущих офицеров. Были введены обязательные «...строевые артиллерийские занятия и стрельба из орудий...», резко улучшено материально-техническое и финансовое обеспечение учебного заведения. Теперь «...корпус всегда снабжался лучшими предметами материальной части для стрельбы»<sup>2</sup>. В 1792 году число воспитанников-кадетов достигло 550 при 1420 человеках личного состава учебного заведения.

Новый директор корпуса предстал перед петербуржцами, своими подчиненными, не только как известный артиллерийский генерал, суровый военачальник, но и как приятный, просвещенный, добрый человек, хороший педагог.

Его сослуживцы по корпусу отмечали: «...как сам он в своей особе вмещал такие качества, каковых ищут в просвещенном воине, так и словом и примером сообщал оныя и другим». Отношения его к своим питомцам «...были исполнены необычной для того времени отеческой заботливости», в силу чего обращение с кадетами было несколько смягчено, в частности, «отменено наказание фухтелем». Вместе с тем П. И. Мелиссино был строг и требователен, стремился улучшить подготовку выпускников, добиться повышения текущей успеваемости кадетов. Так, им были введены экзамены через каждые четыре

---

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. № 15998; Ломан Н. Л. Упомянутые историей. СПб., 1896. С. 16.

<sup>2</sup> Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880. С. 71; Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1891. Т. V. С. 130.

месяца, ужесточен порядок увольнения в город, которое находилось в зависимости, обуславливалось «...одобрительной аттестацией от учителей»<sup>1</sup>.

Особое внимание генерал Мелиссино уделял нравственному и религиозному воспитанию кадетов, что нашло свое отражение в учебных программах, в распорядке дня, в строительстве культовых сооружений на территории корпуса.

«...Наиприлежнейшее учение, — говорил он, — может почесться несовершенным, если нравы останутся неисправленными и если при просвещении разума не будет приложено старания о исправлении сердца. Всякое училище, желающее доставить Отечеству граждан полезных, должно их сделать и добродетельными». В свете данной позиции директор корпуса требовал от педагогов и офицеров-наставников постоянно проводить «полезное и приятное упражнение воспитанников», считая при этом, что «...молодой человек, провождающий время свое в праздности, гораздо менее достоин осуждения, нежели ментор его, который не разумеет обратить его способности к предметам, достойным внимания»<sup>2</sup>. Отсюда понятны те высокие требования, которые предъявлялись в корпусе к педагогам и всем офицерам, работающим с кадетами.

Определяющей является роль Петра Мелиссино в дальнейшем развитии Гимназии чужестранных единоверцев, созданной в составе корпуса в 1775 году по указу Екатерины II для обучения греков и других православных детей, выходцев с Балканского полуострова, а также в превращении данной гимназии в самостоятельное учебное заведение России, получившее с 1792 года наименование Корпуса чужестранных единоверцев, собственные помещения бывшего Морского кадетского корпуса на Васильевском острове.

Усилиями директора корпуса учебные предметы стали вестись согласно «специальному табелю», то есть были введены учебные программы, шире стали применяться наглядность в обучении, консультации для кадетов, а убеждение все больше становилось основным методом воспитания вместо принуждения. Значительно были расширены возможности библиотеки, заново переоборудованы кабинеты натуральной

---

<sup>1</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества 1794. СПб., С. 60; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т XV. С. 252; Слово на погребение высокопревосходительства П. И. Мелиссино. СПб., 1798. С. 8; Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 141.

<sup>2</sup> Исторический очерк военно-учебных заведений подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880. С. 70–71.

истории, географии и физики, артиллерийская лаборатория, арсенал, «механическая и архитектурная каморы», галерея живописи, ботанический сад. Все это, по мнению директора корпуса Мелиссино, должно было способствовать улучшению обучения и воспитания артиллерийских и инженерных офицеров для армии.

Можно вполне обоснованно заключить, что задуманная предшественником Мелиссино, покойным инженер-генералом М. И. Мордвиновым, реорганизация учебно-воспитательного процесса в корпусе была творчески продолжена и в целом завершена в период директорства генерала Петра Мелиссино, проявившего при этом государственное мышление, широкий кругозор, мудрое предвидение перспектив развития военного дела<sup>1</sup>.

Несомненна роль П. И. Мелиссино в укреплении общей обороны Санкт-Петербурга во время войны со Швецией в 1788–1790 годах, во время создания новых и укрепления прежних береговых крепостных сооружений, оснащения их современной артиллерией, в подготовке офицеров-артиллеристов, организации их ускоренной подготовки, дополнительных выпусков офицеров в крепости, прикрывающие столицу. Будучи директором Кадетского корпуса, генерал Мелиссино являлся вместе с тем «...начальником артиллерии в Санкт-Петербурге и в окрестностях Финляндского департамента», отвечал за артиллерийские средства обороны столицы, за ее защиту с морских и сухопутных направлений.

Именно ему было Высочайше определено сформировать три артиллерийских батальона из прибывших рекрутов. При помощи только своих корпусных офицеров Мелиссино в кратчайший срок сформировал батальоны, обучил новобранцев, сделал их артиллеристами, укомплектовал вновь созданные части выпускниками своего корпуса, выпущенными досрочно. В установленный срок в армии, дислоцирующейся в Финляндии и перекрывающей Санкт-Петербург с севера, появились новые неплохо подготовленные артиллерийские части, усилившие оборону столицы<sup>2</sup>.

---

1 Русская старина. 1873. № 12; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 252; Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1855. Т. 8. С. 594; Жервз Н. Л., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. СПб., 1912. С. 10–25; Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 137.

<sup>2</sup> Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1855. Т. 8. С. 594; Русская старина. 1873. № 12; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 252.

В последние годы царствования Екатерины II Петр Мелиссино, по-прежнему исполняя должность директора Артиллерийского и Инженерного шляхетного кадетского корпуса, являлся вместе с тем «...старшим членом Артиллерийской экспедиции государственной военной коллегии и первоприсутствующим в Канцелярии Главной артиллерии и фортификации», то есть находился в составе высшего руководства артиллерией российской армии.

За несколько дней до кончины императрицы он был последним в ее царствование пожалован «...за особые отличия перед государством...» кавалером ордена Святого Владимира I степени<sup>1</sup>.

Велика роль генерала Петра Мелиссино и в создании в Санкт-Петербурге, на берегу реки Ждановки, грандиозного архитектурного комплекса, для размещения вверенного ему Кадетского корпуса, сохранившегося до настоящего времени, в котором свыше 200 лет размещаются военно-учебные заведения России.

В 1794 году по настоятельному ходатайству генерала Мелиссино, Екатерина II повелела архитектору Ф. И. Демерцеву разработать проект комплекса каменных зданий в виде четырехугольного каре для размещения Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса. Фасад главного здания должен был выходить на набережную реки Ждановки.

Поддержанный Мелиссино проект был Высочайше утвержден. Главный корпус был торжественно заложен в 1795 году, а завершено строительство центрального здания, которое осуществлялось под наблюдением и непосредственным контролем директора Кадетского корпуса, в 1796 году. Во вновь построенном здании были размещены учебные классы, актовый зал, музей корпуса, управление (дирекция) учебного заведения, католическая и лютеранские церкви и другие помещения. В 1803–1805 годах, уже после смерти генерала от артиллерии П. И. Мелиссино, были построены корпуса правого и левого фаса и замыкающего четырехугольник здания. В корпусе правого фаса на втором этаже в 1804 году в специально оборудованном помещении, была создана и освящена православная церковь св. Александра Невского. Полностью строительство всего комплекса зданий было завершено в 1806 году.

И сегодня существующий учебный комплекс является своеобразным посмертным архитектурным памятником конца XVIII — начала

---

<sup>1</sup> *Струков Д. П.* Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. СПб., 1902; *Брокгауз Ф. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. V. С. 29.

XIX столетия инициатору и «главному наблюдающему» данное строительство генералу от артиллерии Петру Ивановичу Мелиссино, весомым вкладом в формировавшийся архитектурный облик Северной столицы.

В конце 1796 года, после вступления Павла I на престол, генерал-поручик П. И. Мелиссино производится в чин генерала от артиллерии и назначается «инспектором всей артиллерии России», полновластно руководит всей артиллерией русской армии, сохраняя при этом прежнюю должность директора Кадетского корпуса<sup>1</sup>. Вскоре он удостоивается высшей награды — ордена Святого Андрея Первозванного, что явилось закономерной оценкой его заслуг перед Россией, последним официальным знаком «...монарших к нему милостей».

Уже в следующем 1797 году генерал от артиллерии Петр Мелиссино по возрасту выходит в отставку. Завершилась его незаурядная служебная карьера, а вскоре и сама жизнь. Скончался он в Санкт-Петербурге 26 декабря 1797 года и был погребен при большом стечении публики, в Александро-Невской лавре, у стены небольшой каменной церкви Праведного Лазаря, рядом с могилой знаменитого сподвижника Петра Великого фельдмаршала графа Б. П. Шереметева<sup>2</sup>.

Сохранилось надгробие П. И. Мелиссино, находящееся ныне на северной стене внутри Лазаревской усыпальницы, построенной в 1836 году. Надгробие, исполненное известнейшим русским скульптором М. И. Козловским, является уникальным образцом художественного надгробия конца XVIII столетия, подлинным шедевром русского мемориального искусства, которое привлекает внимание посетителей Лазаревской усыпальницы, вызывает у них вопросы о личности покойного. Подводя итоги славной жизни Петра Мелиссино хотелось бы отметить следующее: в историю Санкт-Петербурга XVIII века он вошел также как один из главных организаторов и исполнителей грандиозных фейерверков, устраиваемых в Екатерининскую эпоху по Высочайшему повелению в связи с важнейшими государственными праздниками, официальными событиями, различными юбилеями и торжественными датами императорской семьи.

Известно, что при проезде Екатерины II через г. Шклов 30–31 мая 1780 года, генерал-майор Петр Мелиссино, находившийся в это время в

<sup>1</sup> Н. Л. Жервз, В. Н. Строев. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. — СПб. 1912. С. 10-25; Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1891. Т. 5. С. 130.

<sup>2</sup> Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1855. Т. 8. С. 594.

своем имении Яковлевичи (это 15 верст от Шклова), устроил у Зорича в честь императрицы грандиознейший фейерверк, своим великолепием поразивший императрицу и ее многочисленное окружение. Граф Энгельгард вспоминал впоследствии, что «...фейерверк был достоин своего мастера и стоил чрезвычайно дорого»<sup>1</sup>. Но Петр Иванович добился чего хотел, показал двору и Екатерине II свое искусство и с того времени утвердился как признанный мастер по организации крупных и красочных фейерверков и остался таковым до последних дней своей жизни.

До сих пор сохранились Высочайше утвержденные описания, план-схемы фейерверков, разработанных и проведенных под руководством генерала Мелиссино, считавшегося крупнейшим специалистом в области «огневых утех».

Так, например, в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге сохранились образцы подобных трудов Петра Мелиссино. Это «Описание фейерверка при торжестве бракосочетания их Императорских Высочеств Государя и Великого князя Константина Павловича и Государыни Великия княгини Анны Федоровны, представленного в Санкт-Петербурге, на Неве реке, февраля дня 1796 года»; «Описание фейерверка в Санкт-Петербурге на Царицынском лугу 1 сентября 1796 года». Подобные материалы есть и в архивах.

Хотелось бы особо отметить прекрасные личностные, человеческие качества Петра Мелиссино, который слыл добрым, общительным человеком, готовым помогать нуждающимся, обратившимся к нему за помощью.

Весьма характерный пример — это история, связанная с жизнью и судьбой сына мелкопоместного разорившегося помещика, ставшего в будущем всесильным вельможей графом А. А. Аракчеевым, которая убедительно характеризует общечеловеческие, нравственные качества генерала Мелиссино, давшего дорогу в большую государственную жизнь, в историю России, неизвестному и бедному дворянину.

Благодарный граф Аракчеев, всем в жизни обязанный Петру Мелиссино, всегда благоговейно чтит своего покровителя и наставника и после смерти Мелиссино воздвиг своему патрону великолепный памятник в своей усадьбе Грузино, к сожалению ныне не сохранившейся.

Действительно, в жизни и судьбе молодого Аракчеева, будущего инспектора артиллерии, военного министра, председателя военного

---

<sup>1</sup> Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1913. № 1. С. 29.



департамента Государственного Совета, графа, доверенного лица и ближайшего сподвижника императоров Александра I и Николая I, генерал Мелиссино сыграл определяющую роль, проявив первоначально простое человеческое сострадание и жалость.

В 1783 году обедневший дворянин Аракчеев привез в столицу своего сына Алексея и пытался устроить его учиться в Артиллерийский и Инженерный шляхетный кадетский корпус, но не имел обязательного первоначального взноса 200 рублей. Ночуя у случайных знакомых, голодая, отец и сын добивались в течение полугода льготного зачисления без денег, но все их старания оказались тщетны. Отчаявшейся юноша Алексей Аракчеев сумел однажды встретить директора корпуса генерала Мелиссино, бросился ему в ноги и со слезами на глазах просил принять его учиться. Тронутый искренностью юноши, его упорством, Мелиссино распорядился принять его и потом ни разу не пожалел об этом. Алексей Аракчеев с первых дней стал одним из лучших кадетов, закончил корпус первым, с золотой медалью<sup>1</sup> и как весьма перспективный и способный офицер был оставлен Мелиссино в корпусе на должности преподавателя математики, где зарекомендовал себя как отличный педагог.

Позже, выполняя просьбу наследника Павла Петровича — подыскать ему толкового артиллерийского офицера на должность командира создаваемой цесаревичем артиллерийской роты, генерал-поручик Мелиссино порекомендовал ему Алексея Аракчеева, своего способнейшего ученика.

Молодой офицер в кратчайшее время сумел сделать вновь сформированную артиллерийскую роту образцовой во всех отношениях, чем завоевал авторитет, расположение и полное доверие у будущего императора Павла I, заложил основы своей дальнейшей блистательной карьеры<sup>2</sup>.

Петр Иванович Мелиссино имел только одного сына, Алексея Петровича (1759–1813), в обучение и воспитание которого вложил свою душу, сумел дать ему отличное образование, воспитал подлинного патриота России, благородного и отважного воина.

Сын полностью оправдал надежды своего знаменитого отца боевыми подвигами, яркой службой России. Он продолжил и приумножил славные

<sup>1</sup> Томсинов В. А. *Временщик*. М., 1996. С. 10–14; *Военный энциклопедический лексикон*. Изд. 2. 1855. Т. 8. С. 594; 1852. Т. 1. С. 468–472; *Военная галерея 1812*. СПб., 1912. С. 9.

<sup>2</sup> Томсинов В. А. *Временщик*. М., 1996. С. 11–15; Крылов В. М. *Кадетские корпуса и российские кадеты*. СПб., 1996. С. 150.

боевые традиции своей фамилии Мелиссино, став одним из лучших кавалерийских генералов, героем войны 1812 года. Генерал-майор Алексей Мелиссино героически погиб в 1813 году в жестоком сражении с французской гвардией Наполеона. Портрет отважного генерала-грека экспонируется в Военной галерее 1812 года Государственного Эрмитажа<sup>1</sup>.

Оставил о себе добрую память у петербуржцев, вошел в историю столицы генерал от артиллерии Петр Мелиссино и тем, что способствовал строительству обветшавшей «...артиллерийской церкви в Санкт-Петербурге по Литейной улице...» 20 февраля 1797 года Мелиссино обратился к Павлу I с просьбой помочь завершить строительство каменной церкви взамен обветшавшей деревянной. Павел I весьма благосклонно воспринял просьбу заслуженного генерала и распорядился выделить из средств Кабинета Ея Величества «...деньги, нужные на достройку начатой сооружением артиллерийской церкви во имя Сергия Чудотворца»<sup>2</sup>. Благодаря этому строительство было успешно завершено, а грек Петр Мелиссино оставил в Санкт-Петербурге еще одно архитектурное напоминание о себе, теперь уже артиллерийский православный храм.

В своем слове на торжественном многолюдном отпевании Петра Ивановича Мелиссино 29 декабря 1797 года архимандрит Феофилакий в проникновенных словах дал справедливую оценку деяниям и личности усопшего: «...Он был полезный гражданин и неустрашимый воин...», «...долго не перестанет сердце в огорчении чувствовать цену твоих редких достоинств и добродетелей».

По свидетельствам современников, отвечали общему настроению скорби и горя, тяжести утраты, душевному состоянию присутствующих слова корпусного священнослужителя:

Смерть друга бывает оплакиваема другом.  
Отца — детьми.  
Благодетеля — одолженными.  
Твоя же кончина извлекает слезы у всех,  
Кои тебя разумели...<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Михайловский-Данилевский. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 4. 1847. № 36. С. 1; Бурский И. Д. История 8-го гусарского Лубенского полка. Одесса, 1912. С. 8.

<sup>2</sup> Приложения к камер-фурьерскому журналу 1797 года. СПб., 1897. С. 35–36.

<sup>3</sup> Слово на погребении его высокопревосходительства Петра Ивановича Мелиссино генерала от артиллерии. СПб.: Типография Святейшего Синода, 1798. С. 1.

## ГРЕК АФНАСИЙ КЕСОГЛУ В ИСТОРИИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОДЕССЫ

Среди ярких, выдающихся личностей, сыгравших определенную роль в истории первого десятилетия Одессы, в ее первоначальном строительстве и обустройстве, следует назвать, многими забытое теперь имя грека полковника Кесоглу (Кесь-Оглу), внесшего заметный вклад в становление города-порта, являвшегося одним из ближайших сподвижников и помощников вице-адмирала де Рибаса, осуществлявшего выполнение рескрипта Екатерины II от 27 мая 1794 года «Об устройении Гаджибея», предписывающего де Рибасу: «... устроить тамо военную гавань, купно с купеческой гаванью»<sup>1</sup>.

Высочайшим повелением адмиралу предлагалось «быть главным начальником оной, где и гребной флот Черноморский, в вашей команде состоящий, впредь главное расположение свое иметь будет»<sup>2</sup>.

Во исполнение указанных распоряжений, в Гаджибее начинается бурное строительство «по устройству гаваней, карантина, почтовой экспедиции и таможни», разворачивается торговля, появляются первые купцы. В силу того, что здесь не было еще ни одной церкви «...требы совершались полковым священником»<sup>3</sup>. С января 1795 года, по решению Екатерины II, Гаджибей переименовывается в Одессу и так начинает называться во всех официальных документах. Одной из наиболее сложных задач, которые пришлось решать де Рибасу, было заселение города, образование гражданского населения.

В данный период времени Афанасий Кесоглу, имевший высокий авторитет «...за прежнюю его усердную и ревностную службу, многими опытами и пожертвованиями доказанную», «...по уважению его и доверенности в нации греческой», в соответствии с Высочайшим

---

<sup>1</sup> Записки Императорского Одесского общества истории и древностей (далее — ЗООИИД). Одесса, 1853. Т. 3. С. 346.

<sup>2</sup> Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы в связи с Новороссийским краем. Одесса, 1881. С. 20 (далее — Одесса...).

<sup>3</sup> Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее — ИТУАК). Симферополь, 1895. Т. 23. С. 7, 8.

повелением от 19 апреля 1795 года, назначается первым попечителем иностранцев, обязанностью которого было заботиться о переселенцах, оказывать им всяческое содействие как при переселении в Одессу, так и при обустройстве на новом месте жительства. Должность попечителя иностранных переселенцев была важной и ответственной, а круг его обязанностей достаточно широк, что определялось «Положением для вызываемых из Архипелага и из других заграничных мест в Одессу градских поселенцев», утвержденного императрицей 19 апреля 1795 года. На попечителя возлагалось: «...иметь попечение о доставлении им (иностранным переселенцам. — Ю. П.) при переселении и водворении всякого пособия; о сохранении их от притеснений; о соблюдении в обществе их мира, тишины и доброго согласия; так и обо всем вообще, что к сущему их относиться будет».

Попечителю иностранцев Афанасию Кесоглу повелевалось «...где следует ходатайствовать, не вмешиваясь, однако ж, в судебные и прочие по присутственным местам дела, долженствующие идти установленным порядком», что в целом, однако, не умаляло его роли и значения в судьбе переселенцев.

«Для переводов и письмоводства» попечителю в помощь была введена штатная обер-офицерская должность с соответствующим его чину окладом. Таким образом, заняв важный узловой пост в молодом городе, Афанасий Кесоглу стал играть определяющую роль в жизни его населения, в становлении города-порта, в решении стоящих перед ним задач.

Так, несомненно определяющая роль А. Кесоглу в выполнении указа Екатерины II от 19 апреля 1795 года «О поселении в окрестностях Одессы греков и албанцев, в последнюю войну в Архипелаге служивших», в приглашении переселяться в Одессу участникам вооруженной борьбы против османского ига, в формировании из них, в основном из моряков российской легкой флотилии Ламброса Кацониса, Одесского греческого дивизиона, в размещении его воин на специально отведенных для этого землях<sup>1</sup>.

Именно грек Афанасий Кесоглу «...за водворение Архипелагских греков в новозавоеванный Гаджибей», за размещение в Одессе бывших корсаров, их родных и близких, за заслуги в строительстве города и порта был произведен в полковники и награжден «в знак особого благоволения» почетной именной золотой медалью в «35 червонных» для ношения ее на шее, на Андреевской ленте. На лицевой

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 91; д. 927, л. 12; ф. 1101, оп. 1, д. 712, л. 1.

стороне данной медали были выбиты титулы и поясное изображение императрицы Екатерины II, а на обороте среди военной арматуры надпись: «В 35 червонных. За усердную службу полковнику Кесоглу апреля 30, 1795 года»<sup>1</sup>.

Это было признанием его немалых заслуг перед Россией, оценкой его трудов в строительстве Одессы, в обустройстве ее населения, в приеме и размещении переселенцев.

Действительно, как это видно из всеподданнейшего доклада графа Платона Зубова императрице от 11 ноября 1795 года «...из Архипелага и других заграничных мест прибыли в Одессу поселенцев 62 семейства и сверх того купечества 2-й гильдии 5 человек, 3-й гильдии 22 человека, да разного звания 14 человек, из коих всем желающим были отведены... места для домов, а от казны построено 32 дома со всеми потребностями и лавками по азиатскому обычаю, с помещением в оных тех их поселян, которые собственных домов построить не могут»<sup>2</sup>, в силу их бедности и немощи. Вся «та огромная работа была весьма оперативно и энергично проделана» под непосредственным попечительством и контролем Афанасия Кесоглу.

Первая перепись населения Одессы, проведенная по указанию де Рибаса, в осуществлении которой принял участие А. Кесоглу, показала, что в городе проживало на конец 1795 года «... 2349 душ обо-его пола, в том числе мещан, приписанных к городу, 566, казенных поселян 500, мещан иногородних 613, евреев 240, греков 224, болгар 60 душ, купцов 146»<sup>3</sup>. Для защиты интересов переселенцев, по инициативе А. Кесоглу, в 1795 году, при Управлении городской полицейской части имелись три десятских писаря: русской, греческой, еврейской национальностей, хорошо владеющих языками; ежемесячно функционировали трое словесных судий, из коих один был русским, а двое других греками. Именно А. Кесоглу выступил инициатором учреждения особого присутственного места для разбирательства дел тех переселенцев, которые не состояли на военной службе и подчинялись гражданским законам. Его предложения побудили графа Платона Зубова ходатайствовать перед Екатериной II об учреждении магистрата. 14 ноября 1795 года последовал Высочайший указ о создании «Особого для российских купцов магистрата», которым

<sup>1</sup> ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 354.

<sup>2</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 23. С. 813; ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 356.

<sup>3</sup> Одесса... С. 23.

повелевалось установить в Одессе «...магистрат по штату, утвержденному для Григориопольского, и отнести в ведение его, кроме собственных ему судебных дел, также дела до поселения единоверных народов касающихся»<sup>1</sup>. Открытие этого судебного места последовало в 1795 году. При магистрате создается градская дума, градским головой избирается купец Андрей Железцов. В состав первой думы входили также греческий попечитель полковник Кесь-Оглу, купцы 2-й гильдии Стефан Винтури, Аввакум Синьковский, мещанин Андрей Семенов и приходо-расходчик грек Христо Гунари<sup>2</sup>. Градская дума была ходатайственно-исполнительным учреждением, функционирующим регулярно, изо дня в день, постоянно решавшим многие насущные, повседневные вопросы жизни города, его строительства, быта горожан.

Это было остро необходимо, ибо город рос, быстро развивался. Так, в 1797 году, через три года после основания в Одессе имелось частных домов — 249, лавоккаменных — 323, кирпичных заводов — 2, мельниц — 8, макаронная фабрика — 1. В городе проживало 3153 человека, из них купцов — 134, иностранцев — 135, поселян на городской земле — 242, болгар и греков — 636, евреев — 135. Таким образом, за два года, после переписи 1795 года, население Одессы увеличивалось на 30%, в чем несомненно видна и заслуга Афанасия Кесоглу, немало сделавшего для приглашения и переселения в город новых жителей из-за рубежа<sup>3</sup>.

В своем докладе на имя Павла I от 12 апреля 1797 года екатеринославский военный губернатор генерал-лейтенант Н. М. Бердяев поддерживает общее желание одесских греков, настоятельную просьбу полковника А. Кесоглу «Об учреждении собственного греческого магистрата по образцу Нежинского» в Одессе. На что Павел I в своем рескрипте губернатору Н. М. Бердяеву от 20 мая предписал «болгар и прочих иностранцев, причислить в какое-либо, по их желанию, состояние и учредить для них Магистрат, на том самом основании, как оный существует в немецких городах Риге и Ревеле»<sup>4</sup>. Таким образом, в Одессе с учетом сложившегося национального состава жителей города вместо греческого был учрежден Иностраннный магистрат.

<sup>1</sup> ПСЗ. Т. 2. XXIII. С. 813; ЗООИИД. 1853. Т. 3. С. 356.

<sup>2</sup> Одесса. 1794–1894. Одесса, 1895. С. 71, 72.

<sup>3</sup> Одесса... С. 26.

<sup>4</sup> ПСЗ. Т. XXIV. С. 614; ЗООИИД. 1853. Т. 3. С. 367.

Вместе с тем 14 июля 1797 года была распущена «Комиссия для греков и албанцев», созданная год назад по решению де Рибаса, для решения всех проблем, связанных с их переселением в Одессу. Комиссия, состоявшая из шести человек, членом которой являлся и командир Одесского греческого дивизиона секунд-майор Бицилли, по всем вопросам тесно взаимодействовала с попечителем иностранцев греком Афанасием Кесоглу, который координировал общие усилия, в том числе и с градской думой.

Значительная совместная работа была проделана ими по планированию города, разделению его на два форштадта: Военный и Греческий, нарезке кварталов и участков, выделению последних под усадьбы переселенцев, для постройки жилых домов и городских церковных зданий, торговых построек.

В Греческом форштадте, отделенном от военного Греческой улицей, состоящем из 65 кварталов, было нарезано 720 земельных участков, в Военном форштадте, в составе 52-х кварталов было выделено 560 таких же участков. Земля под застройку отводилась на вечное владение бесплатно. Получившим ее выдавались специальные документы на землевание — «Открытые листы». Среди первых жителей Одессы, получивших на форштадтах земельные участки, «Открытые листы», были и греки: Георгий Феодораки, Спиро Захарьев, Георгий Метелино, Федор Флоганти, Панаиот Кутеско и другие<sup>1</sup>.

Возникающие недоразумения, споры по земельным участкам, обиды рассматривались, разрешались Комиссией для греков и албанцев, попечителем иностранцев Афанасием Кесоглу, Градской думой, нередко совместным рассмотрением возникших проблем.

20 сентября 1797 года избранные во вновь учрежденный Иностраннный магистрат были приведены к присяге в греческой церкви Святой Троицы. Указанный Магистрат получил наименование «Одесской городской магистратской коллегии». В его состав входило 7 департаментов: 1. Городовой сиротский суд. 2. Городовой нижний суд. 3. Коммерческий городской суд. 4. Словесный суд; 5. Комиссия российской торговли. 6. Общее городское управление или городская канцелярия. 7. Казначейство<sup>2</sup>.

Присутствие магистрата составляли 4 бургомистра, 1 синдик, 14 ратманов. Бургомистрами Одессы были учреждены: полковник Афанасий Кесоглу (первым), Иван Дестуни (вторым), Каспар Готтлиб

<sup>1</sup> ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 351, 591–593, 594.

<sup>2</sup> Там же. С. 368, 369.

Шайбель и Леондари Бердони, которые и возглавляли управление всем городским хозяйством, всеми городскими делами. Они ведали расселением прибывающих жителей, поддержанием общественного порядка, необходимой санитарии, осуществлением правосудия, немало делали для мирного сосуществования лиц разной национальности и различного вероисповедания, развертывания производства и торговли, поддержания рыболовства и мореплавания, сельскохозяйственного производства.

В деле городского устройства и повседневного управления Иностраннный магистрат в короткие сроки делает такие успехи, достигает такого авторитета, что в феврале 1797 года Российский магистрат закрывается, а в марте прекращает свою деятельность и состоявшая при данном магистрате городская дума. Все это происходит не без участия первого бургомистра Афанасия Кесоглу. Русские жители, купцы и мещане причисляются в ведомство Иностранного магистрата<sup>1</sup>, общего городского управления, и так продолжалось до вступления на престол императора Александра I, при котором его указом от 16 мая 1801 года Иностраннный магистрат в Одессе был закрыт<sup>2</sup>.

Немаловажна роль А. Кесоглу в предварительной разработке вариантов проекта герба города, который был утвержден 31 мая 1798 года и дарован городу-порту. Именно по предложению бургомистра А. Кесоглу, благодаря его настойчивости и усилиям надпись на гербе «Город Одесса» на золотом поле выполнена на четырех языках: русском, греческом, итальянском и немецком<sup>3</sup>.

Волновали попечителя иностранцев бургомистра Афанасия Кесоглу вопросы духовности, отсутствие у греков культовых зданий, условий для выполнения своих религиозных потребностей. Его стараниями было выбрано, а затем выделено место для строительства каменной греческой церкви во имя Святой Троицы, в счет суммы 2000 рублей, пожалованных переселенцам, в Греческом форштадте, «...где селились с пособием от казны» прибывающие в Одессу греческие переселенцы.

При непосредственном участии А. Кесоглу церковь была заложена и доведена до половины, однако из-за недостатка средств ее строительство было приостановлено. Рядом со строящимся каменным храмом вскоре был сооружен небольшой молитвенный дом, в приделах

<sup>1</sup> ЗООИИД. 1853. Т. 3. С. 571; ПСЗ. Т. XXV. С. 4, 9.

<sup>2</sup> ПСЗ. Т. XXVI. С. 609; ЗООИИД. 1853. Т. 3. С. 376.

<sup>3</sup> Одесса... С. 26.



которого впоследствии был похоронен земляками Афанасий Кесоглу. Вскоре молитвенный дом был заменен деревянной церковью, но это уже после кончины Кесоглу<sup>1</sup>.

Объективно оценивая удобное, со многих сторон весьма выгодное местоположение Одессы, ее перспективы как важного морского порта, Афанасий Кесоглу вложил немало сил в превращение новостроящегося города в крупнейший торговый центр Северного Причерноморья, в расширение международной морской торговли. И в этом вопросе его всеми признанные заслуги трудно переоценить.

Действительно, особое внимание А. Кесоглу уделял приглашению в город купцов, расширению притока торгового капитала, созданию благоприятных условий для оседания в Одессе на постоянное жительство торговых, инициативных людей, особенно из числа своих земляков, греков. Он всячески поддерживал выгодные торговые сделки, перспективные коммерческие начинания, помогал мелкому и среднему торговому капиталу, созданию крупных торговых домов.

По имеющимся данным, за первые два года существования Одессы сюда, только в числе греческих переселенцев прибыло около 30 купцов с капиталами, изъявивших желание записаться в купечество<sup>2</sup>, которым создавались условия для первоначального обустройства, для приложения имеющихся средств в производство, торговлю, в открытие собственного дела.

Как видно из доклада губернатора Н. М. Бердяева Павлу I от 12 апреля 1797 года, на Греческом форштадте было построено к этому времени 16 казарм «для вызываемых из-за границы греков», в Одессе в этот период находилось 269 человек переселенцев, «...кои имеют желание здесь поселиться»<sup>3</sup>.

Именно из них и прибывших ранее попечителем иностранцев А. Кесоглу были внесены в купечество в 1797 г. следующие греки: в 1-ю гильдию Леонари Бердень и И. Беломорский с капиталом в 10 тысяч рублей; во вторую — 4 греческих семьи и в третью гильдию — 11 семейств.

В 1798 году причислены к купечеству Одессы: в 1-ю гильдию греки А. Вандари с капиталом в 11 тыс. рублей; Дунда и Стамати Винтури с капиталом в 16 тыс. 200 рублей; во 2-ю гильдию греки Маврокордато,

<sup>1</sup> Одесса. 1794-1894... С. 387; ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 356.

<sup>2</sup> Скальковский. А. А. Первое тридцатилетие истории Одессы. 1795–1825. Одесса, 1837. С. 46.

<sup>3</sup> ЗООИИД. 1853. Т. 3. С. 363–365.

Рафтопуло, Пономарев и Х. Вандари с капиталами от 8,5 до 10 тыс. рублей; в 3-ю — 10 греческих купцов.

Таким образом, на 31 января 1800 года в Одессе числилось купцов первой гильдии 8 человек, в порядке их вступления: Ясеновский, А. Вандари, Дунда, Винтури, Бердень, Беломорский, Линари, Папандопуло. Семеро из них являлись греками, и в этом, несомненно, немалая заслуга А. Кесоглу. Вместе с тем, в это же время во второй гильдии числилось — 30 купцов, в третьей — 112<sup>1</sup>, среди которых многие также являлись греками.

Все это привело к тому, что в 1797 году торговые обороты в Одессе удвоились, а ассортимент вывозимых и ввозимых товаров резко расширился. В Одесский порт с грузами прибыло 86 торговых судов, было отправлено с местными российскими товарами 64 корабля, Небольшой городок быстро богател, строился, украшался зданиями, магазинами и кафе, попал в поле зрения крупных купцов, товаропроизводителей многих государств, все больше становился одним из основных центров морской торговли Российского государства. 30 октября 1797 года, с согласия и при поддержке магистрата и бургомистра А. Кесоглу, в Одессе открывается биржа, первоначально в доме купца Дофине.

Несомненна большая роль бургомистра Афанасия Кесоглу и в учреждении в Одессе порто-франко, введенного указом императора Александра I от 16 апреля 1817 года, ставшее важнейшим событием, способствовавшим дальнейшему бурному развитию города-порта, резкому увеличению объемов и участников международной морской торговли.

Именно Афанасий Кесоглу еще в 1798 году впервые выступил с официальным предложением о введении в Одессе порто-франко, подготовил и направил по инстанции на Высочайшее имя всестороннее обоснованное письменное ходатайство, которое, будучи рассмотренным, не нашло тогда необходимого одобрения и поддержки, было отклонено. Однако его идея не была забыта. Усилиями Дюка де Ришелье, проект введения в Одессе порто-франко в 1812 году был поднят вновь и направлен на рассмотрение высших государственных инстанций и в конечном счете получил свое положительное решение<sup>2</sup>, которое имело определяющее значение в дальнейшей жизни и судьбе города.

---

<sup>1</sup> Одесса. 1794–1894... С. 232.

<sup>2</sup> Там же. С. XXXV, XXXIX.

Известен А. Кесоглу и своей благотворительной деятельностью. Являясь авторитетным и уважаемым в городе человеком, он многое сделал для оказания помощи неимущим, больным и увечным, потратил на это немало личных средств. При его непосредственном и активном участии, финансовой поддержке в Одессе в 1798 году была построена городская больница. Именно Кесоглу настоял на том, чтобы в обязанности больницы кроме лечения больных входило также и призрение инвалидов, нищих, оказание им помощи<sup>1</sup>.

Даже беглое рассмотрение истории первого десятилетия Одессы показывает, что многие стороны жизни и деятельности растущего, развивающегося города находились под неусыпным вниманием, руководством и личным контролем одного из видных и авторитетных руководителей городских властей, грека-полковника, попечителя иностранцев, бургомистра Афанасия Кесоглу, широко известного среди первожителей Одессы,

Его бескорыстными трудами, неумной энергией и активностью удавалось успешно решать многие непростые, жизненно важные проблемы многонационального города и его горожан.

И то, что к своему первому десятилетнему юбилею Одесса пришла с удивительными, вызывающими восхищение результатами, есть несомненная заслуга ее бургомистра Афанасия Кесоглу.

Действительно, результатом деятельности многих людей того времени, в том числе и А. Кесоглу, явилось то, что, например, по данным 1803 года, население Одессы превысило 9 000 человек, т.е. увеличилось более чем в 4 раза. В городе было построено около 1100 частных и 28 казенных домов, что означало увеличение жилого фонда более чем в 5 раз. Здесь функционировало 16 заводов и фабрик, 23 мельницы, свыше 200 магазинов, лавок, винных погребов. Городские доходы превысили 40 тысяч рублей, что поставило Одессу в один ряд с наиболее известными торговыми центрами России того времени, а ее морской порт стал одним из наиболее посещаемых иностранными судами.

Так, например, если в 1795 году Одессу посетило всего около 40 торговых кораблей, то в 1804 году Одесский порт принял и обработал свыше 500 грузовых судов многих стран, причем с самыми различными товарами и грузами. В свою очередь, из Одессы только пшеницы в тот год было вывезено за рубеж на сумму, превышающую 3 млн рублей<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Одессе 200 лет. Одесса, 1994. Ч. 1. С. 45.

<sup>2</sup> Одесса... С. 28, 30.

Все это было вполне закономерным итогом продуманной, результативной, созидательной деятельности перво жителей вновь образованного города, разумного и активного управления со стороны местных городских властей, в числе которых в первые годы существования города было немало ярких выдающихся личностей, вошедших в историю города-порта. Среди них следует назвать вице-адмирала де Рибаса, контр-адмирала П. В. Пустошкина, полковника А. Кесоглу, инженера-полковника Ф. П. Волана, первого градского главу Андрея Железцова, генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье и некоторых других.

К сожалению, яркая личность, славные дела, неоспоримые заслуги грека, бургомистра А. Кесоглу перед городом Одесса забыты его потомками, современными одесситами. Могила его утрачена, а имя и славные дела преданы забвению.

Ничто теперь не напоминает об одном из перво строителей города, о некогда широко известном и уважаемом бургомистре Одессы. Нет в славном городе ни памятника, ни улицы, ни сквера его имени, ни памятной доски, которая напоминала бы нынешним горожанам об одном из наиболее ярких и заслуженных перво жителей их города, о его вкладе в строительство и развитие Одессы, о его управленческой деятельности, заложившей традиции, основы последующего процветания города-порта.

Требуются дополнительные, углубленные исследования для всестороннего и объективного раскрытия личности Афанасия Кесоглу, заслуг этого незаурядного человека перед городом Одессой. Он и его дела заслуживают этого.

**ИЕРОНИМ ВИТАЛИ:  
ДЕЙСТВИЯ В ЭГЕЙСКОМ МОРЕ  
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ФЛОТА  
В 1770–1775 ГОДАХ  
(АРХИВНЫЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ)**

Сегодня среди греков, активных участников русско-турецкой войны 1768–1774 годов, известных героев 1-й Архипелагской экспедиции практически не называется имя судовладельца и капитана трехмачтовой вооруженной поляки грека Иеронима Витали, подлинного патриота Эллады, активнейшего участника данной войны, который с восторгом воспринял приход эскадры адмирала Г. А. Спиридова, добровольно одним из первых со своим судном и ее командой перешел на сторону россиян, начал вооруженную борьбу против Османской Порты, принял присягу на верность императрице Екатерине II, стал российско-подданным и под российским военно-морским флагом выполнял разнообразные боевые задания флотского командования в Эгейском море, в Архипелаге, отличил себя храбростью и надежностью при их выполнении<sup>1</sup>.

Иероним Витали, ставший офицером российского флота, участвовал в основных сражениях россиян с турками на Средиземноморье, в том числе и знаменитом Чесменском, был отважным, умелым, опытным капитаном парусного судна, отлично знавшим морской театр военных действий, Архипелаг, противостоящего противника, его тактические приемы и боевые возможности, язык, обычаи, привычки и нравы врага, чем особо был ценен для российского флотского командования, которому был лично известен и выполнял особо важные и сложные поручения, в том числе поручения главнокомандующего флотом и войсками в Архипелаге графа А. Г. Орлова, адмирала Г. А. Спиридова, вице-адмирала А. В. Елманова и других флотских руководителей.

В боевой деятельности и судьбе судовладельца-капитана Иеронима Витали, за боевые отличия получившего офицерский чин, хорошо просматривается типичная, достаточно характерная судьба

---

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 198.

того поколения греческих волонтеров, которые связали свою жизнь с Российским флотом и его боевой деятельностью в Средиземном море, посвятили себя борьбе против османского ига, стали российско-подданными и после окончания войны вынуждены были покинуть свою Родину, переселиться в Россию.

Интересно, и это очень важно для историков и современников, что боевая деятельность грека-волонтера Иеронима Витали подтверждена сохранившимися архивными документами, к тому же ранее не публиковавшимися:

- свидетельством генерал-майора князя Юрия Долгорукова, от 3 июля 1769 года;
- свидетельством главнокомандующего флотом и войсками в Архипелаге графа Алексея Орлова, от 19 октября 1770 года;
- аттестатом командующего флотом вице-адмирала и кавалера Елманова, от 20 февраля 1775 года;
- выпиской из протокола заседания Адмиралтейств-коллегии, от 15 января 1776 года<sup>1</sup>.

Ксерокопии названных документов прилагаются к тексту данного материала, что дает редкую возможность каждому желающему прочитать их, соприкоснуться со славным и трагическим периодом истории России и Греции, лучше почувствовать дух и пафос того времени, устремления простых людей, воинов, ознакомиться с деятельностью подлинной личности, конкретным моряком-судовладельцем Иеронимом Витали, его боевыми заслугами, оценками его личности как капитана вооруженного судна, сражающегося совместно с россиянами против общего врага — Оттоманской Порты в ходе 1-й Архипелагской экспедиции.

К сожалению, пока нет подробных данных о дате рождения, деятельности И. Витали до начала русско-турецкой войны 1768–1774 года. В своем прошении на имя Екатерины II он скупко сообщает о себе: «...в чине офицерском грек Иероним Витали, уроженец с острова Тино»<sup>2</sup>.

Свою активную борьбу против оттоманского ига он начал в июле 1769 года, добровольно и безвозмездно оказав необходимую помощь представителям России. Так, в гавани Анкона (Италия) на Адриатическом море он взял на борт своего судна князя генерал-майора Ю. Долгорукова и сопровождавших его людей и скрытно «...с родными братьями Николаем и Антонием по усердию и ревности их

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 197–200.

<sup>2</sup> Там же. Л. 195.

к России»<sup>1</sup> перевез их в Черногорию, высадив в районе Которской бухты, связав затем с необходимыми им людьми.

Князь генерал Ю. Долгоруков оценил надежность и бескорыстие грека-капитана и его братьев и в благодарность «...оказанной ими услуги и честных во время переезда поступков» выдал им от себя официальное свидетельство об этом, запомнил их, предложил и далее сотрудничать в борьбе против турок. Выполнение данного, достаточно рискованного плавания с российским эmissаром на борту могло стоить головы братьям, если бы турецкие власти прознали об этом, «о государственной измене своих подданных».

Осознанно сделав свой выбор, братья Витали активно вместе с россиянами боролись против османского ига, серьезно отличились и все стали офицерами.

Очередным важным заданием для Иеронима Витали было обеспечение продовольствием прибывающей в Архипелаг эскадры адмирала Спиридова. Его нагруженное пшеницей судно по приказанию генерал-майора Долгорукова из Тино переходит в порт Ауза на острове Парос, но с прибытием туда российских кораблей ему приказывается вернуться обратно на остров Тино «...для молотне означенной пшеницы и печенья сухарей», что им вскоре «...с усердностью и было учинено»<sup>2</sup>.

Прибывшие корабли получили свежие, остро необходимые экипажам морские сухари и другое продовольствие, пополнившие корабельные припасы, израсходованные и подпорченные в длительном плавании.

Желая выполнять не только транспортные, но и непосредственно боевые задачи, Иероним Витали на свои личные средства вооружает свою поляку 16-ю пушками, закупает необходимое для морского боя снаряжение и припасы, порох, обновляет такелаж, готовится к морским сражениям, строит дополнительно полугалеру в помощь своему судну и лучшему решению задач. Как он считает, сделано это «...единственно для услужения флоту» российскому<sup>3</sup>.

В октябре 1770 года Иероним Витали получает от главнокомандующего флотом и войсками в Архипелаге графа А. Г. Орлова свидетельство, удостоверяющее всех, что он «...находится ныне действительно в российской Императорской службе, употребляем в разныя,

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 197

<sup>2</sup> Там же. Л. 195, 197, 200.

<sup>3</sup> Там же. Л. 195.

поручаемая ему от меня комисий на военном под российским флагом судне»<sup>1</sup>.

Таким образом, с 19 октября 1770 года российско-подданный, в офицерском чине Иероним Витали официально зачисляется со своим судном и экипажем на российскую военно-морскую службу и как командир военного судна письменно получает соответствующие обязанности и права, а также «...и всевозможные в случае нужды его вспоможенне»<sup>2</sup>.

В 1772 году после многих походов и сражений Иероним Витали, отлично зарекомендовавший себя как один из лучших командиров кораблей, был вызван к графу Орлову для заключения контрактов. Во время встречи с главнокомандующим И. Витали подтвердил свое бескорыстие, отказался от ежемесячной оплаты «...как для себя и за судно», за такелаж, боеприпасы и другое снаряжение и попросил впредь оплачивать лишь жалованье матросам его судна, выдавать средства на их питание и только. Все остальные расходы на содержание корабля и его боевое применение он брал на себя, ничего при этом не требуя, как патриот Греции, борец за свободу и независимость своей Родины, своего народа.

На протяжении всей войны Иероним Витали успешно выполнял возлагаемые на него задачи, проявлял отличные морские, командирские качества, отличался храбростью и упорством при выполнении боевых приказов, что подтверждается архивными документами. «...И быв во оной службе во все прошедшее военное время находился с эскадрой, — говорится, например, в Аттестате вице-адмирала Елманова и Протоколе Адмиралтейств-коллегии, — в разных неприятельских местах на всех сражениях до самого заключения мира...»; «...поручаемый ему дела исполнял со всякою ревностью. Храбр и неустрашим, поведения честного и добропорядочнаго»<sup>3</sup>.

Но и после заключения Кючук-Кайнарджийского мира Иероним Витали со своим судном продолжал исполнять важные задания флотского командования: «заготовливал провиант для экипажей российских кораблей», готовящихся к возвращению на Родину, к длительному морскому переходу на Балтику; посылался «для поиска и уничтожения морских разбойников», появившихся в Архипелаге, и наконец был «направлен с официальной, служебной почтой в

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 199.

<sup>2</sup> Там же. Л. 199.

<sup>3</sup> Там же. Л. 198, 200.



Смирну (Измир)», а «оттуда в Константинополь к российскому резиденту, к полковнику и кавалеру Питерсону»<sup>1</sup>, передав которому служебные письма отправился обратно в Архипелаг к российскому флоту, в Аузу.

После прохода Дарданелл, в море, у острова Тенедос Иероним Витали неожиданно обнаружил стоящие на якорях российские суда из группы, вышедшей в мае 1775 года из Аузы с воинами-греками и их семьями, решившими переселиться в Керчь. На переходе морем у части транспортных судов обнаружилась «великая течь», и они не могли продолжать плавание, «...оказались оные гнилыми».

В этих непростых, весьма драматичных условиях Иероним Витали совершает благороднейший поступок. Он безвозмездно передает в распоряжение переселенцев свое судно, а сам со своим экипажем переходит на фрегат «Африка», охранявший отряд судов с переселенцами, и поступает под команду командира фрегата капитана 2 ранга Перепичина, старшего на рейде.

«...И принужден я, — объясняет впоследствии свои действия Иероним Витали в прошении Екатерине II, — с тех судов людей экипаж перегрузить на свое судно дабы оная эскадра не могла потерять своего времени отправил в Черное море»<sup>2</sup>.

Сам же судовладелец на фрегате «Африка» со своими людьми вернулся в Архипелаг и «...впредь не имея способу жить от угроженец турок в своем Отечестве» решил переселиться в Россию. «...На означенном фрегате “Африка” и пришел к российским портам», а затем оказался в Санкт-Петербурге.

Желая определиться в своей дальнейшей жизни и службе России, Иероним Витали 12 января 1776 года подает прошение на имя императрицы, которое 15 января рассматривается на заседании Адмиралтейств-коллегии.

Как видно из текста протокола, Иерониму Витали в целях выполнения высказанных им просьб было рекомендовано обратиться в Коллегию иностранных дел. По сути, это была бездушная отписка высоких морских чиновников, как ни печально это заключить<sup>3</sup>.

К сожалению, дальнейшая судьба греческого судовладельца-капитана Иеронима Витали не известна, соответствующие документы не найдены, хотя поиск ведется.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 196.

<sup>2</sup> Там же. Л. 200.

<sup>3</sup> Там же. Л. 200.

Хотелось бы заметить, что в конце XVIII — XIX веке в Санкт-Петербурге проживали греки по фамилии Витали.

Одним из ярчайших представителей данной фамилии в середине XIX века являлся выдающейся российский скульптор, известнейший представитель классицизма Иван Петрович Витали (1794–1855), чьи работы до сих пор украшают Москву и Санкт-Петербург. Могила скульптора почитаема, находится в Некрополе мастеров искусств в Санкт-Петербурге. Вполне возможно, что это внук нашего героя. Это всего лишь предположение, требующее дополнительных научных изысканий, которые уже начаты.

## **ПРИЛОЖЕНИЕ 1**

Копия

Ея Императорского величества самодержицы всероссийской...  
и прочая, и прочая, и прочая...

Генерал майор, лейб гвардии Преображенского полку майор  
Князь Юрий Долгоруков.

Дано знать сие всем, кому сие предъявлено будет, что показатель сего уроженцы и жители Архипелагского острова Тино капитан Героним Витали с родными его братьями Николаем и Антонием по усердию и ревности их к России пожелали на собственном их корабле перевести меня с находящимися при мне российскими офицерами из Италии в Черную гору, того для вразсуждений сей оказанной ими услуги и честных во время переезда поступков дано им от меня сие свидетельство за подписанием моим и приложением печати моего герба, на корабле при берегах Катарского залива, июля 3 дня 1769 года.

На подлинном подписано: Князь Юрий Долгоруков

Штамп РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 197.

## **ПРИЛОЖЕНИЕ 2**

Копия

Ея Императорского величества самодержицы всероссийской...

И прочая, и прочая, и прочая...

Уполномоченный генерал и разных российских орденов кавалер  
Граф Алексей Орлов.

Объявляю чрез сие всем кому о том ведать надлежит, что показатель сего Иероним Витали по вступлении со всею его фамилиею в подданство и по учинении в верности присяги Ея Императорскому величеству Всемилоостивейшей моей Государыни, находится ныне действительно в российской Императорской службе офицером, употребляем в разныя поручаемыя ему от меня камисий на военном под российским флагом судне, называемом Святой Николай; Того ради всех кому сие предъявлено будет, как в море на военных кораблях главнокомандующих офицеров, так и где губернаторов и комендантов учрежденных в городах, при портах и рейдах, нейтральных и дружественных с российским двором держав, приятельски прошу, помянутому Иерониму Витали, дозволяя везде свободной проезд. И в порты вход, но и на месте пребывания его, оказывать покровительство, благосклонность, и всевозможное в случае нужды его вспоможение, что и от меня в подобных случаях равномерно наблюдаемо быть иметь, в соуверение чего дано ему от меня свидетельство, за подписанием моим и приложением печати моего герба при острове Накси на корабле Трех иерархов, октября, 19 числа, 1770 года.

На подлинном подписано: Граф Алексей Орлов

Штамп.

РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 199 об.

### ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Копия

Аттестат

Служащий при российском Императорском в Архипелаге флоте с собственною своею трех мачтовою полякою, из греков офицер Героним Витали приняв со всею ево фамилиев подданство и в верности присягу Ея Императорскому величеству всепресветлейшей, Державнейшей великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне всероссийской, как о том в данном ему Виталию от главнокомандующего флотом и войском в Архипелаге его Сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова патенте значино с начала вступления в службу прошлого 1770 года, октября, с 19 числа во все бывшее военное время употребляемым был в разныя от флота Экспедиций

поручаемыя ему дела исполнял со всякою ревностью. Храбр, и неустрашим, поведения честного и добропорядочного, на судне же такелаж и протчее имел собственное, на службе без жалованья кроме ево матроз, которому за отличныя ево службы и благоразумныя поведении дается сей Атестат, и дан при острове Паросе в порте Аузе на военном корабле Победоносце, февраля 20 дня 1775 года.

На подлинном подписано: вице-адмирал и кавалер Елманов  
Штамп. РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 198.

#### **ПРИЛОЖЕНИЕ 4**

Копия

№ 248. 1776 года генваря 15 дня в протоколе адмиралтейской коллегии записано:

По челобитью грека в чине офицерском Иеронима Витали и оною объявляет что он в прошлом — 1769 году вступя в службу Ея Императорского величества с собственным судном называемом поляков на которой того же года из гавани Аниона перевез находящагося тогда во оной господина генерала князя Долгорукова с офицерами и высадил их в Черные горы в чем свидетельствуетца данным от него атестатом с которого приложил копию.

А в 1770 году находился с тем же судном нагруженным пшеницею во острове Тине для ожидания российского флота и по прибытии оного в Архипелаг в порт Аузу отправлен был обратно во остров Тино для молотня означенной пшеницы и печения сухарей ко флоту что им и исполнено. Во оном же сооружил он ту поляку шеснатцатью пушками и протчими военными снарядами и содержал на своем коште как то военных людей провиант и порох Имея еще с собою полугалеру которую строил он единственно для показания своих услуг ко флоту и быв во оной службе во все прошедшее военное время находился с эскадрами в разных неприятельских местах и на всех сражениях до самого заключения мира в чем з даннаго от господина вице адмирала и кавалера Елманова атестата приложил копию а по заключении мира послан был для заготовления провианта и зыскания разбойников а потом отправлен с писмами в Смирну а

оттуда в Константинополь к российскому резиденту полковнику и кавалеру Петерсону куда по прибытии отдав письма отправился обратно и пришел в Дарданелы и нашел у острова Тенедоса под командою флота капитана Перепечина с эскадрою которая отправилась в Черное море в порт Керчу а как из оной эскадры транспортныя суда испортились и зделалась великая течь и оказались оныя гнилыми почему и принужден он с тех судов людей и экипаж перегрузить на свое судно дабы оная эскадра не могла потерять своего времени отправил в Черное море он же впредь не имея способов жить от угрожания турок в своем отечестве сел на фрегат Африку прибыл к российским портам и просит чтоб по усердной и ревностной ево службе как он оную продолжал на собственном своем судне бес получения жалованья и всегда оное исправлял своим коштом против ево братья служащих по контракту и с получением жалованья как уже на которые имеют чины и патенты, в сравнение с ними наградить чином и дать на оный патент и быть под покровительством Ея Императорского величества определенным в какое-нибудь в архипелажских островах правление а если в Архипелаге нет никакой должности то отпустить в ево отечество со описанием к находящемуся в Константинополе министру дабы исходатайствовал от Отоманской порты берет то есть государственное объявление что как он уже принял со всею ево фамилией вечное подданство Ея Императорскому величеству выключить ево с подданства турецкого признавать и почитать везде подданной российской дабы он мог жить в своем отечестве по старости ево лет без всякого сомнения и опасности от угрожения турок.

Приказали как означенного грека Иеронимуса Витали прозба до кольлеги адмиралтейской не касается а должен он о сем просить в кольлеги иностранных дел и для того ему о том объявить»

Подписали генваря 19 дня 1776 года.

Подпись

Штамп РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 199 об.

## ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГРЕЧЕСКИЙ КАПЕР В БОЕВОЙ ЛЕТОПИСИ ФЛОТА РОССИИ

Несомненно, яркой личностью в истории России и Греции конца XVIII столетия, российского военного флота, являлся командующий каперской российской флотилией в Средиземном море в период Русско-турецкой войны 1787–1791 года, полковник и кавалер Ламброс Качонис (Ламбро Качони), подлинная «гроза турецкого судоходства», легендарный герой греческого народа.

Во многих официальных документах последней трети XVIII — начала XIX века, хранящихся в архивах России, — в донесениях и письмах с театра боевых действий, в указах Екатерины II и Павла I, в протоколах и решениях Адмиралтейств-коллегии, в записях камерфурьерских журналов и других документах можно встретить имя этого легендарного человека, отважного офицера Российского флота, узнать о его громких боевых делах, ярких морских победах, о сложности и противоречивости этой неординарной, самобытной личности, посвятившей свою жизнь службе России, борьбе за независимость Греции, отдавшей Российскому флоту около 35 лет своей жизни, положившей начало российской ветви своего греческого рода, которая дала новому отечеству немало славных сынов, на протяжении двух веков честно служивших государству Российскому, его военно-морскому флоту.

Ламброс Качонис, грек из города Ливадии, в 1770 году поступил, будучи 18-летним юношей, волонтером на эскадру адмирала Г. А. Спиридова, действующую на Средиземном море, желая принять участие в вооружённой борьбе против турок, угнетающих его народ, бороться за освобождение своей Родины от османского ига. В боях на суше и на море отличился, стал опытным и умелым воином, хорошим моряком<sup>1</sup>.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира сержант Ламбро Качони в составе Албанского (Греческого) войска прибыл в Крым, где продолжил службу в Керчь-Еникале. Здесь он стойко, вместе со всеми греками переживал все трудности обустройства на новом месте, в

---

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. 1–6.

покинутой турецким гарнизоном крепости, «...отличил себя храбростью и пожалован офицером»<sup>1</sup>.

Через три года Ламбро Качони — уже поручик, направляется под начальством графа Войновича в 1781 году в Персию с дипломатическим поручением, в ходе выполнения которого завоевывает авторитет и благодарность высшего руководства. В феврале 1785 года по повелению Екатерины II он награждается деньгами, а в 1786 году «...за заслуги в персидской экспедиции» получает очередной чин капитана, становится лично известен Потемкину-Таврическому, который по достоинству оценил его и запомнил.

Однако позднее, уже в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 года, Ламбро Качони, достаточно известный и авторитетный офицер Балаклавского греческого пехотного полка, в полной мере заявил о себе, сумел покрыть себя неуязвимой славой, вписать свое имя в историю XVIII столетия, стать широко известным в Средиземноморье и Российском флоте человеком, щедро вознагражденным за свои подвиги в Архипелаге Екатериной II.

В начале данной войны капитан Ламбро Качони оказался под Очаковым, где, командуя небольшим судном с греческим экипажем под руководством контр-адмирала Н. С. Мордвинова, отличился дерзкими и умелыми действиями против турок, что видно из донесений в адрес Потемкина-Таврического. Его боевые успехи высоко оцениваются, и в конце 1787 года он получает очередной чин майора. Как «...весьма отважный и храбрый человек», решением Потемкина-Таврического, Ламбро Качони направляется в Триест для создания группы каперских судов в Средиземном море для «...действий оною против неприятельских судов под российским военным флагом»<sup>2</sup>.

Прибыв в начале 1788 года в Триест, Ламбро Качони весьма энергично действует, подыскивает подходящий для каперских действий быстроходный корабль, хорошо вооружает его, подбирает команду из опытных моряков, единомышленников-греков, готовит их к корсарским походам — и все это на личные деньги и средства греческой общины, частные пожертвования. В апреле 1788 года, уже находясь в боевом походе, он информирует контр-адмирала Н. С. Мордвинова о проделанном: «...во всем собственным моим коштом купил, вооружил и людьми вольными укомплектовал одно трехмачтовое судно, ни мало чем меньше от военного фрегата, именующееся “Минерва Северная”».

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, канц. 2 отд., д. 327, л. 1–2.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 13, л. 91–98; Общий Морской список СПб. 1890. Ч. IV. С. 217.

Наиболее трудной, хотя и весьма результативной по своим боевым итогам для Ламбро Качони и его сподвижников явилась их первая боевая кампания 1788 года в Архипелаге, принесшая ему громкую славу, важный боевой опыт, ненависть и страх врагов, ценные трофеи в виде турецких судов и их грузов. Его флотилия к июню имела в своем составе свыше 10 отлично вооруженных, имевших хорошие боевые и мореходные качества судов, укомплектованных более чем полутысячей опытных и бесстрашных моряков-воинов, что делало флотилию грозной силой, способной действовать на морских коммуникациях врага, затруднять снабжение и переброску турецких войск, блокировать прибрежные населенные пункты и острова Архипелага, содействовать Черноморскому флоту, отвлекать на себя нередко крупные морские силы турецкого военного флота<sup>1</sup>.

Дерзкие каперские операции, морские сражения с турецкими военными кораблями, захват и уничтожение значительного количества турецких торговых судов наводили подлинный ужас на турецких моряков, серьезно осложняли на протяжении 1788–1790 года обстановку на морских коммуникациях Османской Порты, сделали имя Ламбро Качони легендарным, весьма популярным среди греческого населения. Боевые успехи Ламбро Качони вызвали серьезный резонанс в странах Средиземноморья, немалую озабоченность турецкого командования, султана, обратили на себя внимание Екатерины II. Последовало Высочайшее повеление: «привлечь сию флотилию в собственное свое служение... платить все издержки и содержание оной».

Это фактически изменило статус флотилии, она стала числиться легкой российской флотилией, хотя по сути оставалась каперской и не входила официально в состав Российского императорского флота, хотя подчинялась специально созданному в Сиракузах командованию (комиссии), координировавшему действия морских сил на Средиземноморском театре.

Боевые кампании 1789 и 1790 годов представляли собой непрерывную череду боевых походов, непрерывного поиска вражеских торговых судов, их досмотра и уничтожения, трудных боев с военными кораблями противника, один из которых в мае 1790 года завершился тяжелым поражением Ламбро Качони, уничтожением ядра его флотилии превосходящими силами врага, ранением командующего, пленением части его людей<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 184–187.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1912, л. 23; Исторический вестник. 1911. Октябрь. С. 202.



Чудом спасшийся Ламбро Качони собирает оставшиеся суда, продолжает вооруженную борьбу на коммуникациях, наращивает силу своих ударов по врагу.

Весьма спокойно и оптимистично оценил князь Потемкин-Таврический поражение флотилии в своем письме к Екатерине II, сложившуюся ситуацию и дальнейшие перспективы кораблей Качони. «В самой неудаче высказывает он (Ламбро Качони. — Ю. П.) неустрашимую смелость, — отмечает Потемкин-Таврический и далее подчеркивает, — спасся и оправясь пойдет опять». Так и произошло. 29 июля 1790 г. подполковник Ламбро Качони Высочайшем повелением производится в полковники. Как говорится в указе Екатерины II, очередной чин дается ему «...в награждение усердной службы отличной его храбрости и мужества, неоднократно оказанных в сражениях с турецким морским вооружением». 12 сентября Ламбро Качони награждается орденом Св. Георгия 4-й степени. Об особых заслугах Ламбро Качони перед Российским государством, о его роли в борьбе против Оттоманской Порты говорят и другие Высочайшие милости. Действительно, кроме чина полковника ему было «...пожаловано до 20 тыс. десятин земли в Крыму и Заездный дом императрицы близь Карасу Базара» в Тавриде и другие милости<sup>1</sup>.

Война завершилась подписанием в Яссах 29 декабря 1791 года мирного договора, но она не окончилась для Ламбро Качони, который заявил, что мир с турками заключен без учета интересов греческого народа, что он не сложит оружия и продолжит борьбу с Оттоманской Портой «...пока греки не добьются своих прав». Свою позицию Ламбро Качони обнаружил в специальном воззвании в мае 1792 г. Это было открытое выступление против официальной политики правительства России, условий только что заключенного мирного договора, что не могло не иметь последствий для Ламбро Качони, полковника Российского флота, начавшего, по сути, мятежные боевые действия, завершившиеся вскоре поражением под ударами крупных морских и сухопутных сил турок, поддержанных французами, в конце июня 1792 года туркам достались разбитые укрепления да 11 поврежденных и затопленных кораблей. С помощью и поддержкой местных жителей Ламбро Качони и остаткам его людей удалось спастись.

Скрываясь от турецких властей, они перебрались на о. Итака Ионического архипелага, намереваясь собрать необходимые силы и продолжить вооруженную борьбу. Венецианские власти под давлением

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, канц. II отд., д. 309, л. 2.

турок и их союзников отказывают Ламбро Качони в убежище, и ему приходится скрываться. Впоследствии он следующим образом описывает свое положение: «...два года пропитал себя милостынею и изгоняем был из всех мест яко объявленный изменник». Только в 1794 году Ламбро Качони, через консула в Триесте, разрешено вернуться в Россию. В октябре того же года он прибывает в Херсон к вице-адмиралу Н. С. Мордвинову и, при поддержке последнего, просит разрешения приехать в столицу для «...очищения поступков своих от разных клевет нанесенных на него и для уничтожения ложных требований заплаты долгов его»<sup>1</sup>.

Поддержка и заступничество многих видных людей государства, а главное, неоспоримые боевые заслуги, всеми признаваемая преданность России, делу борьбы против Оттоманской Порты обеспечили снисходительное отношение к нему, снятие многих обвинений и, в конечном счете, Всемиловнейшее прощение, свидетельством которого явилось повеление Екатерины II выплатить Ламбро Качони «...за 8 лет жалование за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Российской», а также распоряжение направить его в Санкт-Петербург для объяснения специально созданной Комиссии по вопросам исследования всех финансовых претензий по делам и вооружениям на Средиземном море.

20 сентября 1795 года в Царском Селе Ламбро Качони был представлен Екатерине II, которая «изволила жаловать к руке приезжаго из г. Херсона полковника Ламбро Качони». Он прощен. Императрица к нему благосклонна, это открывает ему двери в дома знати, он приглашается в самые аристократические собрания, на балы и приемы. Так, например, только с конца мая по конец июля 1796 года, судя по официальным записям в камер-фурьерском журнале, полковник Ламбро Качони пять раз присутствовал на Высочайших приемах и каждый раз при этом приглашался к императорскому столу<sup>2</sup>.

После смерти Екатерины II принимается решение о месте его дальнейшей службы. Указом Павла I от 20 декабря 1796 года ему предписано отправиться на Черноморский гребной флот, «...в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу». Однако позднее ему разрешено остаться в Санкт-Петербурге до завершения работы Комиссии и Высочайшего утверждения итогов ее деятельности. Уход в Средиземное море эскадры Ф. Ф. Ушакова, желание принять участие в

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 33–34; ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 28.

<sup>2</sup> Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 г. СПб., 1896. С. 423.

боевых действиях на хорошо знакомом ему театре побуждают Ламбро Качони предложить свои услуги. Он обращается к Павлу I разрешить ему на свои средства вооружить судно «...для разъезда противу французов». Это смелое предложение принимается. 28 октября 1798 года Павел I повелел «вооружение сие ему дозволить»<sup>1</sup>. Однако успешные действия эскадры Ф. Ф. Ушакова и союзных флотов изменили военно-политическую и стратегическую обстановку в Средиземном море, момент был упущен, идея Ламбро Качони потеряла свою практическую ценность и целесообразность. В начале 1799 года Ламбро Качони в Крыму строит завод «для делания водки», направляет свою продукцию даже в Москву, активно занимается сельским хозяйством, международной морской торговлей, числится на военной службе.

В июле 1804 года он обращается к Александру I и просит «...уволить его вовсе от службы», заявляя при этом, что «...если когда-либо угодно будет его паки употребить, то он готов жертвовать всею своею жизнью».

Основными местами своего пребывания он избрал г. Керчь и Карасу-базар. В 1805 году, по пути в Керчь, Ламбро Качони трагически погибает в возрасте 53 лет. Обстоятельства его смерти до сих пор не ясны, официально не подтверждены, документы на этот счет отсутствуют. Похоронен он предположительно в Керчи, но место захоронения, его могила утрачены, кладбище ликвидировано<sup>2</sup>.

Славное имя грека-моряка, отважного капера, полковника России Ламбро Качони (Кацониса) не забыто в России, глубоко почитаемо в Греции, где он является общепризнанным национальным героем. Вместе с тем в его биографии еще немало белых пятен. В исторических архивах России автором обнаружено свыше 100 документов, касающихся личности и деятельности Ламбро Качони, многие из них никогда нигде не публиковались, не находились в научном обороте. Это дает возможность написать биографию героя на материалах российских архивов. Работа уже начата.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 67, л. 231–235.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 67, № 2594; Исторический вестник. 1911. Октябрь. С. 212–213.

## **РОССИЙСКАЯ КОРСАРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787–1791 гг.**

Как показывают исследования, постоянный и устойчивый интерес у историков разных стран, российской и греческой общественности, отмечающих ныне 250-летие со дня рождения национального героя Греции, полковника и кавалера России Ламбро Кацони, обычно вызывают его яркая, неординарная личность, организаторская деятельность по созданию легкой каперской флотилии, управление ею в ходе корсарских операций на морских коммуникациях Средиземноморья, достигнутые победы, общие результаты его деятельности.

Однако значительно меньше внимания уделяется истории самой корсарской флотилии, ее судьбе, оценке корабельного состава и ее боевым возможностям, тактике действий, приносящих ощутимый успех, обеспечившей морское господство в Архипелаге, решение основных задач, поставленных российским военно-морским командованием в регионе.

Явно недостаточно, на наш взгляд, освещаются и вопросы базирования флотилии, ремонта судов, проблемы взаимоотношения с населением островов, местными властями, обеспечения продовольствием, водой, боевым снаряжением, такелажем и другим имуществом, обеспечивающим боевую деятельность экипажей судов этого каперского боевого корабельного соединения, официально не входившего в состав Российского императорского флота, однако успешно решавшего определенные ему боевые задачи в ходе ряда боевых кампаний.

Поставленная тема весьма обширна и многогранна. Вместе с тем она слабо изучена, не получила должного освещения в научно-исторической литературе, многие архивные документы по данной проблеме до сих пор не введены в научный оборот. Предлагаемый материал основан на архивных материалах. Это попытка автора обратить внимание исследователей на важную, но слабо изученную и практически не освещенную сторону организаторской, управленческой деятельности Ламбро Кацони в период командования российской легкой флотилией в 1788–1791 годах, так и оставшейся по существу каперской до завершения войны.

Основа будущей флотилии была заложена покупкой Ламбро Кацони в январе 1788 года на имеющиеся у него и собранные пожертвованиями средства американского быстроходного парусного судна, вооруженного затем 26-ю пушками и названного «Минерва Северная»<sup>1</sup>, комплектованием экипажа из числа опытных моряков-греков, готовых сражаться с угнетателями своего народа, с Османской Портой.

О данном событии Ламбро Кацони следующим образом информирует вице-адмирала Н. С. Мордвинова в своем письме «...во всем собственным моим коштом купил, вооружил и людьми вольными укомплектовал одно трехмачтовое судно, ни мало чем меньше от военного фрегата, именуемого "Минерва Северная"»<sup>2</sup>.

Всемерно активизируя подготовку судна и его экипажа к каперским действиям, Ламбро Кацони провел огромную организаторскую работу и 28 февраля 1788 года «...под российским военным флагом», получив соответствующие инструкции командования, вышел из Триеста в свой первый боевой поход, «корсировать против турков».

Незадолго перед выходом в море его корабль неожиданно посетил Иосиф II, император Священной Римской империи. Докладывая об этом событии главнокомандующему князю Г. А. Потемкину-Таврическому Ламбро Кацони в очередном донесении пишет, что император Иосиф II «...при осмотрении в порте судов соизволил обозреть и мое судно...». С гордостью подчеркивает: «...оное мое судно Его Величеству понравилось лучше всех ихних десяти, которые приуготовлены здесь. О сем без всякого пристрастия признаюсь Вашей Светлости и сие весь Триест знает»<sup>3</sup>.

Воодушевленный высокой оценкой своих трудов, напутствуемый российским военным командованием в регионе, Ламбро Кацони весьма уверенно и активно начинает свою первую боевую кампанию 1788 года. Уже через два месяца он неожиданно для противника, сделав заходы на острова Закинф, Кифера, захватывая и уничтожая на пути суда под турецким флагом, появляется в Архипелаге, где начинает активное крейсерство, повергая в страх и ужас турецких моряков, начинает нарушать торговое судоходство, срывать морские перевозки.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1912, л. 11.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196, 197.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 142; Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 249–253.

Захваченные «в приз» два небольших турецких судна получают наименование: «Великий князь Константин», «Великий князь Александр», вооружаются 22-мя и 16-ю пушками соответственно. Так стала создаваться флотилия, которая затем увеличилась добровольным присоединением к ней двух греческих судов, чьи владельцы изъявили горячее желание стать каперами под российским военным флагом и действовать под руководством Ламбро Кацони.

Информируя командование об увеличении своего корабельного состава, он пишет, что греческие судовладельцы пожелали «...быть в службе нашей, и ныне имеют корсировать со мною, состоя под моею командою». Дав присоединившимся судам наименования «Князь Потемкин-Таврический» и «Граф Александр Безбородко», вооружив каждое 16-ю пушками. Ламбро привел судовладельцев-капитанов к «...присяге на верность службе», выдал им специальные патенты (каперские свидетельства), дававшие им право действовать от имени воюющего Российского государства, под его флагом захватывать и уничтожать торговые и военные суда Оттоманской Порты и ее союзников, перевозящих военные грузы и действующих в интересах турок<sup>1</sup>.

Главной целью каперских операций был захват торговых судов и перевозимых ими грузов. Захваченные «призы» являлись законной добычей флотилии, отличившихся команд каперских кораблей. Плененные суда обычно тщательно досматривались и затем, как правило, уничтожались путем сожжения, правда, некоторые из них, мало поврежденные и могущие стать военными судами, присоединялись к флотилии. Уже летом 1788 года в ее составе действовало свыше десяти отлично вооруженных судов, имевших задачи захвата различных жизненно важных и военных грузов, недопущения доставки продовольствия прибрежным и островным гарнизонам, крепостям турок, затруднять, срывать снабжение и переброску войск и т. д.

«...Вархипелаге ныне нет больше никаких наших корсеров, — информировал князя Потемкина-Таврического Ламбро Кацони, летом 1788 года, — только я с моим маленьким в 10 судах состоящих флотом»<sup>2</sup>.

Эта, хотя и небольшая по своему составу, но мобильная, достаточно сильная по своей огневой мощи и уровню подготовки экипажей и абордажных команд каперская флотилия дерзко и стремительно, как правило, неожиданно, нападала на купеческие и военные турецкие

<sup>1</sup> Морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 172; Материалы для истории русского флота. СПб., Ч. XIII. 1890. С. 253.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 197. оп. 1, д. 63, л. 143–144.

корабли, прибрежные и островные гарнизоны противника и даже на его морские крепости. В данном материале автор не ставит перед собой цель рассмотреть основные боевые эпизоды, результаты многогранной боевой деятельности флотилии в ходе ее четырех боевых кампаний, это тема специального разговора.

В октябре 1788 года, после более чем шестимесячного боевого похода, успешных действий в районе Архипелага флотилия Ламбро Кацони, чье имя стало легендарным, весьма грозным для турецких моряков, завершив свою первую боевую кампанию, после непродолжительной стоянки у острова Закинф, основной частью своих корабельных сил, в составе девяти судов, прибыла в Триест, чтобы отчитаться о своей боевой деятельности, произвести осмотр и ремонт кораблей и его такелажа, усилить их вооружение, пополнить запасы продовольствия, воинского снаряжения, израсходованный боекомплект, дать отдых личному составу, осуществить необходимые финансовые операции и расчеты, выплатить долги, получить указания для дальнейших боевых действий и другое. Последовало повеление Екатерины II «...привлечь сию флотилию в собственное свое служение и... платить все издержки и содержание оной».

К выходу в очередную боевую кампанию 1789 года в Триесте тщательно готовились, опираясь на полученный боевой опыт, все девять пришедших судов, имевших теперь следующее пушечное вооружение и состав своих экипажей<sup>1</sup>:

№ п/п	Тип судна	Наименование	Число пушек	Состав экип. (чел.)
1	Фрегат	Минерва Северная	32	102
2	Кирлангич	Великий князь Константин	26	50
3	—»—»—	Великий князь Александр	26	54
4	Поляка	Ахиллес Славный	20	50
5	—»—»—	Святой Иоанн Патмосит	20	49
6	—»—»—	Великая княгиня Мария	20	49
7	—»—»—	Святой Лука	20	50
8	—»—»—	Иосиф II	26	42
9	—»—»—	Великий князь Павел	28	82
Итого			218	528

<sup>1</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 1; РГИА, ф. 1374, д. 511, л. 197.

Следует особо заметить, что корабельный состав флотилии на протяжении четырех боевых кампаний не был строго постоянным, он изменялся: то увеличивался присоединением новых каперских греческих судов введением в ее состав захваченных призов, то уменьшался в связи с уходом судов на ремонт, в связи с боевыми потерями или решением судовладельцев завершить (по разным причинам. — Ю. П.) свою корсарскую деятельность и иным обстоятельствам. При этом, как правило, костяк флотилии составляли до десяти боеспособных кораблей с хорошо подготовленными экипажами.

Изменения в корабельном составе флотилии были постоянны в силу различных причин. Так, например, в 1789 году по предписанию генерал-поручика Заборовского была подарена с вооружением сантия «Лука» в виде дружеского жеста Агмет Паше Дезаиру. В том же году кирлангич «Князь Голицын» был предан для усиления Российской казенной флотилии. В 1790 году два небольших турецких корабля «взятых в приз» «насильственным образом», были переведены в состав казенной флотилии в бытность ее командующим генерал-майора А. К. Псаро, за которые Ламбро Кацони так и не получил обещанной денежной компенсации<sup>1</sup>. В результате ожесточеннейшего, неравного морского сражения семи судов Ламбро Кацони в мае 1790 года с более чем 30-ю турецкими и алжирскими военными кораблями сам Кацони был ранен, потерял пять судов, в том числе и свой флагманский корабль, фрегат «Минерва Северная», чудом спасся, сумев уйти от преследования<sup>2</sup>. Силы флотилии были серьезно подорваны, ее боевые возможности ограничены.

В донесении князя Потемкина-Таврического Екатерине II о данном поражении каперской флотилии особо подчеркивается мужество, храбрость и верность долгу Ламбро Кацони, его готовность и впредь продолжать борьбу с турками. «... В самой неудаче, — утверждал фельдмаршал Г. А. Потемкин-Таврический, — высказывает он неустрашимую смелость... оправясь, пойдет опять. Он один только дерется...»<sup>3</sup>

Действительно, оставшиеся боеспособные суда флотилии по указанию Ламбро Кацони продолжали каперскую деятельность, вооруженную борьбу на морских коммуникациях и особенно активно действовали в заливе Воло в начале 1791 года под руководством Николая

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, оп. Комиссии, л. 11; Ф. 239, оп 1, д. 20, л. 34.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 212, Канц. 2 отд. д. 327, л. 1–3; *Петров А. Н.* Вторая турецкая война в царствование имп. Екатерины II, 1787–1791. СПб., 1880. Т. 2. С. 126.

<sup>3</sup> Исторический вестник. 1911. Окт. С. 203.



Касими, доверенного заместителя Ламбро Кацони. Именно ему 12 февраля 1790 года было направлено письменное распоряжение, подготовленное командующим флотилией и подписанное генерал-майором В. С. Томара: «...Старайтесь сколько можно захватывать неприятельских судов с хлебом, следующих в настоящее время к Царьграду при плавании их в заливе Воло, остерегайтесь при том всячески претерпеть какой-либо урон вашей флотилии...»<sup>1</sup>, которая в тот период состояла «...из трех кирлангичей, одной сантии и одной полугалеры, всего пять судов...», с экипажами, готовыми сражаться с врагом.

Генерал-майор В. С. Томара, сменивший контр-адмирала Гибса, до этого осуществлявшего общее руководство морскими силами в Средиземноморье, имел четкое указание главнокомандующего князя Потемкина-Таврического всемерно активизировать боевые действия на море, объединить Российские казенную и каперскую флотилии «...Соединение обеих флотилий, — писал В. С. Томара, — было главным предметом моего отправления от покойного фельдмаршала. Вместе с тем Г. А. Потемкин потребовал от него также разобраться и донести, «...в каком состоянии находятся наши силы и каким удобнейшим способом можно привести их в деятельность...»<sup>2</sup>

Развив целенаправленную работу генерал-майор Томара активно опирается на помощь и поддержку Ламбро Кацони, выполняя при этом прямое указание главнокомандующего: «...Известная храбрость и предприимчивость Ламбро Кацони и доверенность его у греков обнадеживает меня, что с добрыми наставлениями он способнее других к произведению важных на неприятеля поисков, к чему Вы его и учредите, господин генерал-майор»<sup>3</sup>. При этом Томара выполняет и другое указание Потемкина: дать знать генерал-майору Псаро, чтобы он не вмешивался в дела флотилии. Действительно, для этого были веские основания. «...Прежней Ламбровой флотилии суда возвратившиеся из Архипелага, — подтверждал в своих докладах главнокомандующему генерал В. С. Томара, — гораздо лучше снабжены и лучше имеют экипажи по сравнению с судами казенной флотилии»<sup>4</sup>.

Не случайно, что, готовя корабли и экипажи объединенной флотилии к предстоящим боевым действиям, по просьбе генерал-майора В. С. Томара, Ламбро Кацони активно привлекает к этой работе своих

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, Д. 70, л. 198; д. 70, л. 191.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 53.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 67–69, л. 246–249, 884, 978; д. 95, л. 1.

<sup>4</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 160.

подчиненных, использует их боевой опыт и знания, богатую морскую практику.

«...Нужнейшие исправления на судах и содержание экипажей, — констатирует данный факт генерал В. С. Томара в своих донесениях Потемкину-Таврическому, — производятся с помощью капитанов и других партикулярных людей из Ламбровой флотилии». Действительно, по состоянию на 12 августа 1791 года, согласно «Формулярному списку офицерам из греков, служившим во флотилии полковника и кавалера Ламбро Кацони», активно занимались подготовкой кораблей флотилии и их экипажей практически все 69 человек, числящиеся в данном формуляре: «капитанов — 21, поручиков — 27, прапорщиков — 21». Указанный список еще требует своего анализа. Он особо ценен тем, что донес через века не только имена и фамилии, воинские звания греков-моряков, но и места их рождения, возраст и другие сведения, весьма важные для исследователей<sup>1</sup>.

Вместе с тем В. С. Томара особо подчеркивает тот факт, что «...большая часть служивших во флотилии казенной оставили тогда службу, и команда судов казенных поручена была мною на капитанов доброй военной репутации начальства полковника Ламбро, чтоб каждый набрал на судно свое назначенное число матросов»<sup>2</sup>. Причина данного явления на флотилии генерал-майора Псаро, считал генерал В. С. Томара — невыполнение командованием своих обещаний». «Главная причина сему есть неплатежи обещанного платежа, — подчеркивал он, — и худое содержание»<sup>3</sup>, приведшее к уходу с флотилии ее моряков.

Оставшиеся корабли «казенной и вольной флотилий» ремонтировались, перевооружались, формировались и обучались их экипажи, было закуплено несколько боевых судов для усиления состава флотилии, на корабли поступало снаряжение, продовольствие, оружие. Все это дало возможность генерал-майору Томара заверить фельдмаршала Потемкина-Таврического, что «...флотилия же наша теперь если удастся ей снарядиться, гораздо сильнее будет нежели в первую здесь сделанную кампанию»<sup>4</sup>. И это не были пустые слова. По состоянию на 5 сентября 1791 года у острова Каламо в полной боевой готовности к выходу в море находилось 21 судно разных типов, укомплектованных «...21

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 160, 163–166; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 153, 159.

<sup>4</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 154.

капитаном, 60-ю разных чинов офицерами и 580-ю матросами». В составе флотилии находились следующие суда: фрегат «Святой Георгий» (команда 100 человек); шебек «Святой Иоанн ди Патмос» (экипаж 70 человек), три корвета: «Святой Спиридон», «Святой Матвей», «Святой Николай» с командами около 60 человек каждый и другие суда различных типов и предназначения.

Однако флотилии не суждено было в указанном составе выйти в море для участия в боевых действиях. Оттоманская Порта к тому времени запросила перемирия, прекращения всех боевых действий как на суше, так и на море, а 29 декабря 1791 года в Яссах был подписан мирный договор. Война завершилась.

Известно, что Ламбро Кацони продолжил вооруженную борьбу с Оттоманской Портой и в начале 1792 года увел часть судов флотилии к южной гористой оконечности Пелопоннеса, где в Майне создал хорошо укрепленную с моря военно-морскую базу. Судя по документам, в «Порто Квальи» с Ламбро Кацони прибыло 11 судов с общим числом личного состава около 200 человек: шебек «Святой Иоанн ди Патмос», корвет «Святой Спиридон», кирлангич «Святой Константин», куттер «Святой Стефан», две канонерские лодки и пять галиотов<sup>1</sup>. В июне того же года после ожесточенного сражения туркам достались все сильно поврежденные и затопленные суда Кацони.

Вместе с тем другая часть судов объединенной флотилии в составе восьми единиц, под командованием майора Николая Касими была переведена на Сицилию, среди них: фрегат «Святой Георгий», корветты: «Святой Матвей», «Святой Николай»; сантия «Святая Елена» и другие, с общим числом экипажей свыше 350 человек<sup>2</sup>.

В соответствии с указом Екатерины II суда были разоружены, некоторые из них проданы для оплаты долгов Ламбро Кацони по каперской флотилии, а наиболее боеспособные отправлены в Севастополь, имея на борту, по Высочайшему повелению, «...желающих поселиться в империи нашей»<sup>3</sup>.

Как видно из рапорта вице-адмирала Н. С. Мордвинова императрице «О прибытии в Севастополь из Средиземного моря от генерал-майора Томары шести судов с грузом и пассажирами», весной 1793 года бросили якоря в Севастопольской бухте шесть парусников из состава объединенной флотилии. Из них три судна из бывшей каперской

<sup>1</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, л. 25, л. 33.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, л. 25, л. 40, 39.

<sup>3</sup> Там же. Л. 41.

флотилии Ламбро Кацони, а именно трехмачтовая сантия «Святая Елена» под командованием капитана Левтерогуру с 69 человеками на борту; кирлангичи (двухмачтовые): «Ахиллес», командир судна грек, российско-подданный, капитан Георгий Марангопуло, с 27 человеками на борту; «Князь Потемкин» под командованием грека, российско-подданного Ивана Влагополиса, имевший на борту 47 человек команды и пассажиров.

По просьбе Н. С. Мордвинова «...повелеть причислить те суда к флоту Черноморскому...», все прибывшие корабли Высочайшим повелением были введены в состав Черноморского флота, где благополучно закончили свой обычный корабельный век<sup>1</sup>.

Такова судьба корабельного состава флотилии Ламбро Кацони.

Несомненно, боевые возможности флотилии Ламбро Кацони находились в прямой зависимости от ее корабельного состава, количества и качества вооружения судов, от искусства повседневного и боевого управления, от уровня боевой и морской выучки экипажей и абордажных команд, морально-психологического состояния моряков флотилии и многого другого.

В ходе четырех боевых кампаний суда флотилии решали разнообразные боевые задачи, среди которых можно выделить:

- крейсерство одиночных судов и небольших групп с целью разведки, поиска и захвата торговых судов противника и их союзников;
- нарушение традиционных морских торговых путей, сложившейся системы перевозок различных грузов, подрыв морской торговли; блокаду проливов, крупных портов, островов Архипелага, их населенных пунктов, гарнизонов противника, достижение морского господства в Архипелаге;
- высадку морских десантов на острова для решения различных повседневных и боевых вопросов, смещение турецких властей и их верных ставленников из числа местных жителей, уничтожение небольших турецких гарнизонов, их опорных пунктов и крепостей, пополнение запасов продовольствия, воды, ремонт судов, отдых экипажей и другое;
- активный поиск и уничтожение одиночных разведывательных судов противника, небольших группировок боевых кораблей, препятствие переброскам войск, действиям флота противника и многое другое.

---

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 4, л. 1–4.

В ходе решения названных и других задач Ламбро Кацони, как показывают исследования, придерживался решительной, наступательной тактики, не страшился численного превосходства врага, умело использовал боевые и мореходные качества своих судов: их маневренность, быстроходность, небольшую осадку, огневую мощь артиллерии, отличную выучку, дерзость и бесстрашие своих моряков, абордажных команд, а также постоянную поддержку, сочувствие местного населения, ценные разведывательные данные, получаемые от него.

Поиск и захват торговых и военных судов противника, как правило, осуществлялся небольшими группами в составе 3-4 судов. Против групп военных кораблей обычно действовал основной боевой состав флотилии.

Для тактики захвата судов были характерны: учет местных ветров и течений, глубин, умело организованная погоня, окружение судна, обстрел его артиллерией, захват абордажной командой, досмотр судна, его грузов, взятие корабля «в приз» или уничтожение, обычно путем сожжения. При этом иногда уничтожалась и его команда, оказавшая серьезное сопротивление.

Об этом можно судить опираясь на архивные документы, донесения Ламбро Кацони. Так, например, в своем письме князю Потемкину-Таврическому от 3 марта 1788 года он достаточно подробно и откровенно описывает захват хорошо вооруженного судна под турецким флагом, тактику действий: «...с моим фрегатом и другими тремя бывшими при мне из числа мною вооруженных судами атаковал...» Вражеское судно, отстреливаясь и умело маневрируя, «...прилагало бежать к острову Данти, однак не допусте ево к берегам помянутого острова...», окружил своими судами. «...Турки очень крепко оборонялись, — пишет Ламбро Кацони, — однак... поутру взяты. Все оное происходило без потери моих людей и не без вреда судам...» Достаточно полно раскрывает Ламбро и судьбу судна: «...Оное судно по снятии доставных пушек и других принадлежностей... предано огню, в рассуждении, что происходила большая течь, а потому и не было способно итить в поход. Поправлять же надобно было время, а время для меня теперь дороже всего...»<sup>1</sup>

Для тактики действий флотилии было характерно также использование нескольких маневренных пунктов базирования, наличие определенных точек якорных стоянок, создание основного пункта базирования и ремонта, отдыха личного состава, места нахождения семей,

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 63, л. 143-144.

родственников, хорошо укрепленной и тщательно охраняемой базы на острове Кеа (Зеа); создания сети наблюдательных пунктов и постов оповещения о появившихся военных и торговых судах противника, мест закупки продовольствия, пополнения воды, осуществления срочного ремонта, укрытия в непогоду и т. п.

Боевой успех флотилии во многом зависел от людей, от подготовки и сплоченности экипажей. В ее составе служили и отважно сражались с турками сотни греков-патриотов. Не имея возможности назвать всех, это тема особого разговора, назову лишь некоторых из них, вместе с Ламбро Кацони выносивших все трудности морских походов и сражений. Майор Николай Касими, служивший с Ламбро Кацони с самого начала, с момента зарождения флотилии, участвовал во всех сражениях. Именно он «...командовал всегда фрегатом... “Минерва Северная”», а в отсутствие Ламбро Кацони «...целую флотилией»<sup>1</sup>. Являлся ближайшим сподвижником, доверенным лицом, постоянным заместителем Ламбро Кацони. По его рекомендации именно Николай Касими возглавил переход основных сил объединенной флотилии на Сицилию, командовал ими, а затем руководил переводом судов из Ливорно в Севастополь. Являлся хорошо подготовленным, опытным моряком, исключительно храбрым, отважным и ответственным флотским офицером<sup>2</sup>. По некоторым данным, жил и умер в Одессе.

Несомненно, яркой личностью на флотилии являлся Николаос Пангалос. Он был ближайшим соратником Ламбро Кацони, направлялся им в Санкт-Петербург, входил в состав греческой делегации, принятой Екатериной II, проинформировал о деятельности флотилии, ее нуждах. После окончания войны Пангалос в чине майора находился на русской военной службе, некоторое время командовал Одесским греческим дивизионом, являлся членом Греческой комиссии, проживал в Одессе, где имел хороший дом. Активно участвовал в греческом освободительном движении. Русское правительство привлекало его к политической деятельности в Греции, куда он приезжал неоднократно и до конца своей жизни активно занимался революционно-патриотической деятельностью<sup>3</sup>.

Командирами судов флотилии, а иногда одновременно и их владельцами, являлись весьма опытные греки-моряки, хорошо знавшие морской

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 60, л. 345.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, Опись, Л. 7.

<sup>3</sup> *Ариш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 121; РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 678, № 2001; д. 673, № 3279.

театр, поддерживающие самые тесные связи с местным населением, преданные идее вооруженной борьбы с Османской Портой, горячие патриоты своей угнетенной Родины. Сегодня есть возможность назвать некоторых из них, это: судовладелец и командир судна «Святой Александр» капитан Нестор Камури, находившейся в составе флотилии с апреля 1788 г. по август 1791; судовладелец и командир кирлангича «Ахиллес» майор Андрей Ликиардопуло, принимавший участие в основных морских сражениях, каперских действиях флотилии; майор Елефтери Зигурия, активно участвовавший во всех 4-х боевых кампаниях флотилии; капитан Ламбро Толия в 1791 году командир корветта «Святой Спиридон»; судовладелец и командир судна прапорщик Константин Псорило, чей корабль погиб в ходе сражения; капитан Иван Анагрири на собственном судне с командой в 70 человек, умело действовал на морских коммуникациях, являлся одним из опытных командиров судов; судовладелец и командир судна, капитан Анастасий Дуро, активно участвовавший в каперских операциях, чье судно по окончании войны «...отнято у него венецианцами» по претензиям к Ламбро Качони и многие другие.

Хотелось бы назвать также имена некоторых офицеров, активных участников боевых действий флотилии, чьи заслуги несомненны, это: капитан Страти Никифораки, находившейся на судах каперской флотилии с 1788 года, на судне «Святой Николай» прибывший в Севастополь в 1793 году; майор Михайло Ливадити, активно участвовавший во многих сражениях, по указанию Ламбро Качони, набравший «...в службу 150 человек»; майор Фили Паскали, отличившийся в ряде каперских операций «...набравший 250 человек» в состав абордажных команд; капитан Анжели Диаманди, служивший под командой Качони с марта 1788 года по июнь 1792, разделивший с ним все корсарские походы, победы и поражения и многие, многие другие, чьи имена должны быть подняты из небытия, такая возможность теперь есть<sup>1</sup>.

Подводя итоги всему выше сказанному следует заметить, что «...все служащие на вольной флотилии и сам Ламбро командующий оною, — писал в своих донесениях генерал-майор В. С. Томара в ноябре 1793, подтверждая ее каперскую деятельность, — не имели от казны жалованья, не получали так ож никакого снабжения, включая вышеписанного вооружения в Триесте, и казне не давали никакого отчета о своих призах»<sup>2</sup>, то есть флотилия в финансовом отношении была независима

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, опись Комиссии... л. 5–9, 14–15; РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 687, №765; д. 688, № 2310; РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 70, л. 161.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 64.

от государства и полностью обеспечивала себя результатами морских каперских операций, что давало возможность содержать суда, обеспечивать их всем необходимым для ведения боевых действий, выплачивать денежное содержание командам, осуществлять ремонт кораблей, обновление такелажа и многое другое.

Следует подчеркнуть, что российские архивы и прежде всего РГА ВМФ, РГИА, расположенные в Санкт-Петербурге, обладают малоизвестными, до сих пор не публиковавшимися документами. Это дает возможность более детально и глубоко оценить не только результаты боевой деятельности флотилии Ламбро Кацони, ее корабельный состав, их боевые возможности, тактику действий, систему базирования, управления силами, ремонта, снабжения, но и шире показать боевую деятельность героев-моряков, чьим упорством и мужеством достигались успехи в боевых действиях, назвать имена и фамилии людей, которые вместе с Ламбро Кацони познали радость побед и горечь поражений — капитанов судов, офицеров и даже отдельных матросов, проследить их дальнейшую жизнь в России, их судьбы.

Представленный материал исследования — первая и достаточно поверхностная попытка раскрыть важную, малоизвестную тему. Есть надежда, что ею заинтересуются историки как в Греции, так и в России, что даст возможность более глубоко познать историю борьбы на море за независимость Греции, роль императорского флота России, каперской флотилии Ламброса Кацониса в этом историческом процессе.



## ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОСЛАВЛЕННОГО ГРЕЧЕСКОГО КОРСАРА ЛАМБРО КАЦОНИСА ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЯССКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Известно, что в июне 1792 года после ожесточенных обстрелов и атак с моря, возникших угроз наступления противника с сухопутных направлений Ламбро Кацони, видя бесперспективность дальнейшего сопротивления, вынужден был оставить свою укрепленную базу на юге Пелопоннеса и с наиболее верными людьми укрыться на о. Кифера, а затем, скрываясь от турецких властей, перебраться на о. Итака Ионического архипелага, намереваясь собрать рассеявшихся сторонников и продолжать дальше вооруженную борьбу.

Венецианские власти, испытывающие серьезное давление со стороны турок и их союзников, были вынуждены в конце концов высказать свое неудовольствие пребыванием Ламбро Кацониса на своей территории и отказать ему в убежище. В сложившихся условиях знаменитому каперу приходится скрываться практически от всех. Позднее свое нелегкое положение он описывает следующим образом: «...два года пропитал себя милостынею и изгоняем был из всех мест яко объявленный изменник»<sup>1</sup>.

Это было ценой за открытое, по сути, мятежное выступление против официальной политики Российского правительства, условий заключенного Ясского мирного договора, за проступок, всемерно усиленный в глазах правительства наветами и злонамеренной клеветой недругов и завистников отважного греческого корсара-патриота. «...Служившие со мною повешены, — вспоминал впоследствии Ламбро Кацони, — и сам я предат был неприятелям, от которых скрывался ради сохранения жизни 18 месяцев в турецкой земле»<sup>2</sup>.

В 1794 году, после настойчивых обращений через консула в Триесте надворного советника Спиридона Варуки Ламбро Кацони получает наконец желанное разрешение от фаворита Екатерины II графа Платона Зубова вернуться в Россию<sup>3</sup> и в октябре того же года

---

<sup>1</sup> РГАВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 34.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 28.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 27–28.

прибывает в Херсон к председателю Черноморского адмиралтейского правления вице-адмиралу Н. С. Мордвинову, который немедленно доносит об этом графу П. А. Зубову в Санкт-Петербург 7 октября 1794 года специальным письмом.

Несомненно, одной из причин Высочайшего разрешения «бунтовщику» Ламбро Кацони вернуться в Россию было начало работы Комиссии учрежденной для рассмотрения претензий по бывшей в Архипелаге флотилии<sup>1</sup>, созданной указом Екатерины II от 7 апреля 1794 года. Действительно, без объяснений бывшего командующего было бы практически невозможно разобраться с массой жалоб и претензий, поступивших на имя императрицы, с потоком предъявленных неоплаченных денежных счетов и финансовых исков<sup>2</sup>.

В своем письме к графу Платону Зубову о прибытии в Херсон Ламбро Кацони вице-адмирал Мордвинов поддерживает основную просьбу опального героя — «...дозволения прибыть в Санкт-Петербург, для очищения поступков своих от разных клевет нанесенных на него, и для уничтожения ложных требований за платы долгов»<sup>3</sup>. Явно сочувствуя Ламбро Кацони и открыто покровительствуя ему, Н. С. Мордвинов всячески стремится помочь вернувшемуся командующему, поэтому подробно описывает его раскаяние и тяжелое состояние, вызванное помрачением «... славы его, усердия и верности, которые во все время порывался он доказать кровью, трудами и пожертвованием богатств, храбростью его получаемых»<sup>4</sup>.

25 апреля 1795 года, с целью своей полной реабилитации в глазах императрицы, Ламбро Кацони пишет обстоятельное письмо ее фавориту Платону Зубову, в котором весьма подробно объясняет причины своих действий, которые-де не были злонамеренны и никогда не направлялись во вред России, с горечью замечает, что созданная «...Комиссия почитает меня по сие время яко отверженного бунтовщика», верноподданнически подчеркивает: «...Я несомненно уверен о правосудии Ея Императорского Величества, тем более, что оказав многие подвиги храбрости пожертвовал своею собственностью... и жена моя с детьми пострадала в каторжной

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 33–34.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 853, л. 23.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 33.

<sup>4</sup> Там же. Л. 33–34.

работе два месяца и двенадцать месяцев в тюрьме, турки разграбили мой дом, ... во время разграбления дома моего лишился я сына». Далее Ламбро Качони просит снисхождения: «...Все сии бедствия кои претерпел я для пользы службы и выгод государственных суть достаточны ко обращению милосердия Всемилоостивейшей моей государыни»<sup>1</sup>.

Поддержка и заступничество многих видных людей государства, а главное, неоспоримые боевые заслуги, всеми признаваемая преданность России, народу Греции, самоотверженность и упорство в борьбе против Оттоманской Порты, обеспечили снисходительное отношение к отважному моряку-каперу, снятие тяжелых обвинений и, в конечном счете, Всемилоостивейшее прощение. Первым свидетельством которого явилось Высочайшее повеление Екатерины II выплатить полковнику и кавалеру Ламбро Качони «...за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Росийской», а затем Высочайшее распоряжение в адрес вице-адмирала Н. С. Мордвинова от 6 июня 1795 года. «...Полковника Ламбро Качони, — говорилось в нем, — Ея Императорское Величество повелеть соизволила отправить в Санкт-Петербург ради объяснения некоторых статей по делам Средиземноморской флотилии, для рассмотрения которых учреждена здесь особая Комиссия»<sup>2</sup>.

Убывая в столицу, Ламбро Качони везет положительные аттестации о своей деятельности в Херсоне, рекомендательные письма влиятельным сановникам, различные документы от вице-адмирала Н. С. Мордвинова, характеризующие его профессиональную деятельность в Херсоне после прибытия из Триеста. «...Господин полковник Ламбро Качони, — подчеркивается, например, в письме вице-адмирала Мордвинова графу П. А. Зубову, — донесет Вашей светлости о приведении в совершенство гребных судов корабельных... Господин Ламбро был послан мною для опыта выстрелов 100 ядер без повреждения» корпусов гребных судов, подвергавшихся испытаниям»<sup>3</sup>.

Действительно, под непосредственным руководством опытного военного моряка Ламбро Качони под Херсоном были проведены

<sup>1</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 28.

<sup>2</sup> Алфавитный указатель и Приложения к Камер-фурьерскому журналу 1795 г. СПб., 1894. С. 141, 177.

<sup>3</sup> Материалы для истории русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 490–491.

необходимые артиллерийские стрельбы на предмет исследования прочности корпусов различного типа галер и путей усиления данной прочности к артиллерийским выстрелам в боевых условиях. «Сии суда, — делает вывод Мордвинов по итогам исследований Ламбро Качони и информирует об этом Платона Зубова, — составят истинный гребной флот, соответствующий заданиям моим, по коим предполагал я необходимость построить гребной флот»<sup>1</sup>.

Находясь в Херсоне, Ламбро Качони принимает самые энергичные меры по устройству судьбы своих бывших подчиненных, отважно сражавшихся вместе с ним на флотилии в Средиземноморье, по переселению всех желающих в Северное Причерноморье; размещению их, обеспечению земель, установленными льготами и преимуществами, руководствуясь при этом рескриптом Екатерины II от 20 марта 1792 года, предписывающем расселить моряков, активных борцов с Оттоманской Портой в районе крепости Гаджибей (теперь г. Одессы)<sup>2</sup>.

По его инициативе, вице-адмирал Н. С. Мордвинов направляет 20 октября 1794 года специальное письмо в адрес графа Зубова, в котором, в частности, говорилось: «...Служащие в Средиземном море, под командою полковника Ламбро Качони возымев желание поселиться в Гаджибее и окрестностях одного города подали прошение в коем изъявляют намерение о привлечении многочисленных их семейств из Греции»<sup>3</sup>.

К данному письму была приложена «Просьба греков-воинов Ламбро Качони к Екатерине II», подписанная двумястами человек. «...Желаем, — излагалось в ней, — под покровительством Российской империи жить, и в случае сколько сил будет защищать, и как первым Ваше Императорское Величество Указом удостоили нас, отвести в Аджибее землю и униженнейше просим для строения и протчего на оной земли по недостатку нашему наградить»<sup>4</sup>.

Именно из этих почти 300 человек, прежде служивших под командой Ламбро Качони, «...Кои вяще отличились ревностью и храбростью в сражениях», по указу Екатерины II от 19 апреля 1795 года начался формироваться Одесский греческий дивизион численностью в 348 человек,

<sup>1</sup> Материалы для истории русского флота. — СПб., 1895. Ч. XV. С. 491.

<sup>2</sup> Записки Одесского общества Истории и древностей (ЗОИИД). — Одесса, 1850. Т. 11. Отд. 2 и 3. С. 660.

<sup>3</sup> РГАВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 20, л. 35–36.

<sup>4</sup> Там же, л. 36.

принимавший самое деятельное участие в строительстве города и порта Одессы»<sup>1</sup>.

Таким образом, инициированные Н. С. Мордвиновым и Ламбро Качони Высочайшие документы — указ «О поселении в окрестностях Одессы греков и албанцев, в последнюю войну в Архипелаге служивших» и «Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских поселенцев» от 19 апреля 1795 года, окончательно определили дальнейшую судьбу моряков каперской легкой флотилии Ламбро Качони и членов их семей, дали возможность всем желающим выехать из Архипелага и поселиться в Северном Причерноморье, в России. И в этом видится немалая заслуга их командующего Ламброса Качониса.

Прибывший в Санкт-Петербург Ламбро Качони 20 сентября 1795 года был официально представлен на балу в Царском Селе, в «День торжества рождения, цесаревича Павла Петровича» императрице Екатерине II. «...Ея Императорское Величество, — гласит запись в Камер-фурьерском журнале за этот день, — изволила жаловать к руке приезжаго из города Херсона полковника Ламбро Качони, которого представил старший по дежурству камергер князь А. А. Кольцов-Масальский»<sup>2</sup>.

Так, официально подчеркнутым, публичным прощением Екатерины II на глазах светской публики, начался санкт-петербургский период жизни и деятельности Ламбро Качони, главным служебным содержанием которой было тесное сотрудничество с Комиссией по рассмотрению претензий по бывшей архипелагской флотилии, в том числе и лично к Ламбро Качони. Комиссия возглавлялась генерал-прокурором графом А. Н. Самойловым, а затем генерал-прокурором князем А. Б. Куракиным и имела в своем составе высоких чиновников, представителей различных государственных ведомств, известных военно-морских специалистов.

Следует заметить, что указом императрицы был строго определен срок подачи жалоб и исков в адрес Комиссии: «...от пребывающих здесь (в Санкт-Петербурге — Ю. П.) полугодичный, а от иностранных мест двухгодичный» с начала работы Комиссии, то есть с 5 мая 1794 года<sup>3</sup>.

Работа Комиссии была достаточно сложной и напряженной, ибо многочисленные претензии, жалобы и иски зачастую не подкреплялись

<sup>1</sup> РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 12; д. 176, л. 34–35, 43–47, 91.

<sup>2</sup> Камер-фурьерский церемониальный журнал 1795 года. С-Пб., 1894. С. 750.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 853, л. 21–23.

документами, надежными свидетельствами, были эмоциональны, но бездоказательны.

Между тем Комиссия тщательно разбиралась по каждой поданной жалобе и выносила достаточно обоснованные и аргументированные заключения, опираясь на которые Екатерина II, а после ее кончины, Павел I принимали окончательное решение, которое, как правило, затем объявлялось публично, в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Так, например, в своем № 83 от 16 октября 1797 года газета сообщала: «...По Высочайшему Ея Императорского Величества повелению от генерал-прокурора объявляется: майору Анагности Адрианопуло, что на поданные от него Ея Императорскому Величеству Всеподданнейшее прошение о выдачи ему за службу на флотилии капитана Ламбро Качиони жалованья, возпоследовало Высочайшее Повеление, в удовлетворении прошения его отказать; ибо он Адрианопуло служил на флотилии Качиони, яко у арматора, и комиссионером в острове Занте сделан был без жалованья»<sup>1</sup>, и подобных публикаций было немало.

Напряженно работая с Комиссией, Ламбро Качиони аргументированно отвечал на все возникающие у нее вопросы, нередко отметал вздорные, надуманные, ничем не подкрепленные жалобы и обвинения в свой адрес, на действие кораблей флотилии, сумел отчитаться по поступившим финансовым искам, неоплаченным векселям, другим документам, объяснить расходы.

При этом, Ламбро Качиони показал глубокое знание всего многообразия дел и событий на флотилии в период своего командования ею, убедил всех в разумности и обоснованности большинства своих решений и действий, объясняя их служебной необходимостью и государственной целесообразностью, а также условиями складывающейся обстановки на театре военных действий, что и сумел доказать высокой Комиссии, чем полностью реабилитировался в глазах высшего руководства, света, флотского командования, общественного мнения.

К нему весьма благосклонна императрица, высший свет. Отважный корсар принимается ко двору, во многих аристократических домах Санкт-Петербурга, становится достаточно известным и популярным в столице человеком. В знак особого признания его выдающихся боевых заслуг Ламбро Качиони разрешено ношение в городе на высочайших приемах и балах фески, на которой серебром было вышито изображение

---

<sup>1</sup> Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 83. 16 октября.

женской руки и надпись: «Под рукой Екатерины». Весь последний год царствования императрицы Ламбро Кацони не был обделен ее особым вниманием и благосклонностью, высочайшими милостынями, поэтому чувствовал себя в Санкт-Петербурге спокойно и уверенно, видел определенные перспективы в своей дальнейшей военно-морской службе России.

Судя по записям в камер-фурьерских журналах за 1796 год, Ламбро Кацони только с конца мая по конец июля названного года, пять раз присутствовал на официальных Высочайших приемах и торжествах и каждый раз во время торжественных обедов на них персонально приглашался к столу Екатерины II<sup>1</sup>.

Вскоре после внезапной кончины императрицы Павел I принимает решение о месте дальнейшей службы Ламбро Кацони, его должностном положении. Указом императора от 20 декабря 1796 года ему предписано отправиться на Черноморский гребной флот «...в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу», что и было официально объявлено Адмиралтейств-коллегией 20 февраля 1797 года и приказано «...туда отправиться». Копия данного указа была направлена в Черноморское адмиралтейское правление адмиралу Н. С. Мордвинову<sup>2</sup>. Вместе с тем 31 декабря 1796 года указом Павла I Ламбро Кацони было подтверждено его воинское звание полковник и старшинство в данном чине с 29 июля 1790 года, а также выдан соответствующий патент на чин полковника, ранее ему так и не врученный. Обращают на себя внимание многозначительные слова указа, несомненно напоминающие «об ошибках» Ламбро Кацони. «...Мы надеемся, — подчеркивает в своем указе Павел I, — что он в сем Всемиловитейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит»<sup>3</sup>.

20 февраля 1797 года Ламбро Кацони обращается с прошением к императору: «... Уволить с абшитом в Архипелаг, Отечество его ради поправления таковых нужных дел», а именно для оказания необходимой помощи и поддержки родственникам, ибо «...заимодавцы, оставшиеся без удовлетворения, непременно будут нападать на имена родственников его и разорять их до крайности»<sup>4</sup>. При этом в своем прошении

<sup>1</sup> Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896. С. 423, 548, 558, 610, 630.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 212, Канц. 2 отд. д. 309, л. 5–6.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 3.

<sup>4</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 327, л. 2.

Ламбро Качони особо подчеркнул «...буде впредь необходимость... то по единоверию и усердию к престолу Его Императорского Величества služить готов будет, и по подписанной при том справке»<sup>1</sup>.

По указанию Павла I, уже 26 февраля 1797 года Адмиралтейств-коллегия рассмотрела данную просьбу Ламбро Качони и, вынеся свое решение, приказала: «...Поелику об отправлении означенному Качони в Одессу Указ ему от сей Коллегии уже дан, да и как он просьбу сию подал не в указанное время то в оной и отказать, о чем ему объявив, по точности оного Указа отправиться к своей команде немедленно, и о том исполнить приказано»<sup>2</sup>. Указанное решение было Высочайше утверждено 4 марта 1797 года.

Однако вскоре это решение было пересмотрено, Ламбро Качони разрешалось остаться в Санкт-Петербурге до полного завершения деятельности Комиссии по делам каперской флотилии и окончательного утверждения итогов ее работы императором.

Внимательно изучила Комиссия и встречный иск Ламбро Качони к российскому правительству и, после тщательного рассмотрения его, согласилась с правомерностью его просьб и заявлений, «...признала права собственности» на некоторые суда флотилии, а также на захваченные под его командованием «призы», оценила понесенные им в морских боях материальные потери, признала его действия в Архипелаге «законными и правомерными» и предложила правительству выплатить Ламбро Качони «...за иски по флотилии» 576 тысяч 674 рубля<sup>3</sup>, достаточно большие по тем временам средства. Вместе с тем Комиссия установила и размер истинных, обоснованных долгов флотилии и Ламбро Качони своим кредиторам и другим лицам, определила размер обязательных выплат по доказанным и подтвержденным искам и жалобам и перевела из общей «...назначенной в платежа» Ламбро Качони суммы 576 674 рубля, «...от него другим по долгам 159 тысяч 100 рублей». Комиссия установила также строгий порядок всех выплат, что затем и было утверждено специальным указом Павла I от 7 ноября 1797 года<sup>4</sup>.

Полностью рассмотрев все поступившие и зарегистрированные иски, претензии и жалобы, Комиссия в начале 1798 года завершила

---

<sup>1</sup> Там же. Л. 1.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 327, л. 2.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 195–198.

<sup>4</sup> РГА ВМФ, ф. 1997, оп. 1, д. 29, л. 245–250; РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 198; ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 41.



свою деятельность. Окончательные итоги ее работы были Высочайше утверждены. На основании указа Павла I Комиссия прекратила свое существование и 4 апреля 1798 года все имеемые документы и материалы передала в архив<sup>1</sup>.

Следует заметить, что с началом реальных выплат подтвержденных долгов по флотилии Ламбро Кацони появились новые финансовые претензии и жалобы на действия флотилии и ее командующего в адрес императора, и этот поток не прекращался до самой смерти Ламбро Кацони<sup>2</sup>.

Сам же Ламбро Кацони, видимо, был вполне удовлетворен итогами работы Комиссии и никаких претензий на ее решения официально не заявлял. Он уведомил своим письмом в Николаев адмирала Н. С. Мордвинова, «...что дело окончено и что скоро он сюда прибудет»<sup>3</sup>.

Именно в это время Ламбро Кацони и его супруга Ангелинаизируют в Санкт-Петербурге известнейшему художнику, академику Петербургской академии художеств И. Б. Лампи-младшему, который написал прекрасные портреты греческого моряка-героя и его жены, чем донес до последующих поколений их исторически подлинный, достоверный облик.

Вместе с тем законно полученные от Российского государства деньги вызвали вскоре и серьезные неприятности и осложнения, с которыми пришлось столкнуться Ламбро Кацони и которые, несомненно, сказались на его дальнейшей служебной карьере. Адмирал Н. С. Мордвинов, который принимал самое непосредственное участие в направлении Ламбро Кацони для действий в Средиземном море и в частичном финансировании данного проекта, вознамерился получить основную часть, определенных Кацони денежных средств. Свои притязания он высказал в подробном письме президенту Государственной коллегии ревизионной, а затем и в другие инстанции, вплоть до императора, прямо заявив: «... Право мое на назначенную сумму за флотилию известно, может быть доказано бумагами и переводами денег. Ламбро был отправленный и поставленный нами корсар, а мы были хозяева, вооружители... За храбрость его мы определим ему часть хорошую и достаточную, что может он почесть себя богатым, но полную сумму не должен он без ведома нашего распорядить, а менее того он уж себе присвоить»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 150, оп. 1, опись Комиссий, л. 1.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц 2 отд., д. 854, л. 188; РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 196.

<sup>4</sup> Исторический вестник. 1911. Окт. С. 212, 213.

Все это привело к конфликту, ибо по указу Павла I значительная часть денег уже была выплачена Ламбро Кацони, а делиться ими так, как хотел этого адмирал Н. С. Мордвинов, он не пожелал, соглашаясь лишь вернуть действительно полученные им в долг средства и проценты по ним, а не всю определенную ему Комиссией сумму. Адмирал Мордвинов посчитал себя коварно обманутым и оскорбленным. Видимо, в силу этого он из влиятельного покровителя Ламбро Кацони вскоре превратился в его ярого недоброжелателя и очень опасного противника.

Получив с воцарением на престол Павла I в сентябре 1797 года чин адмирала, Н. С. Мордвинов в июне 1801 года становится вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а в сентябре 1802 года, с образованием министерств, первым министром морских сил России. Думается, что он не забыл «дерзкого обмана», «обид», нанесенных ему строптивым, несговорчивым полковником-греком, так как служебная карьера Ламбро Кацони в Российском флоте, несмотря на все его старания, не складывалась, как-то затормозилась. Он больше не рос по службе, хотя никто не отрицал его выдающихся боевых заслуг, военноморских знаний и боевого опыта, храбрости в борьбе с турками, организаторских и управленческих способностей, популярности и авторитета, особенно среди моряков<sup>1</sup>.

Уход в 1798 году в Средиземное море эскадры под командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова вызвал у Ламбро Кацони горячее стремление принять непосредственное участие в начавшихся в сентябре боевых действиях Российского флота против французов, на хорошо известном ему морском театре, быть опять нужным и полезным России, ее флоту. Это побуждает его предложить свои услуги, напомнить о себе, о своем боевом опыте. Он обращается непосредственно к Павлу I с просьбой разрешить ему на свои средства вооружить судно «...для разъезда противу французов» в Средиземном море. Император с интересом и весьма благосклонно воспринял смелое предложение Ламбро Кацони, оценил его патриотический порыв. 24 октября 1798 года последовало Высочайшее повеление «...вооружение сие ему дозволить»<sup>2</sup>.

Указанное повеление немедленно рассматривается на заседании Адмиралтейств-коллегии. Уже 26 октября в ее протоколе записывается решение: «...Приказали: во исполнение Ея Императорского

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 511, л. 195–199.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 67, л. 231, 235.

Величества повеления полковнику Ламбро Качони по предъявленному желанию вооружить своим коштом для разъезда противу французов судно дозволить. О чем ему Качони дать от Конторы Главного командира Черноморских флотов и вице-адмиралу Ушакову послать указы. Подписали ноября 1 дня 1798 года»<sup>1</sup>.

В архивных документах зафиксировано: «... По сему определению указы посланы ноября 15 в Контору Главного командира Черноморских флотов... и вице-адмиралу Ушакову»<sup>2</sup>.

Получив желанное разрешение, Ламбро Качони весьма энергично принялся за осуществление подготовки своей экспедиции и вскоре покидает Санкт-Петербург, что подтверждается следующей перепиской. На официальный запрос из Государственной коллегии иностранных дел в адрес Адмиралтейств-коллегии по вопросу «выплаты долгов» архипелагским грекам и попыткой выяснить, «где ныне находится полковник Ламбро Качони», следует весьма уклончивый ответ, записанный в протоколе заседания Адмиралтейств-коллегии от 1 ноября 1798 года: «...Приказали: в Коллегию иностранных дел сообщить, что полковник Качони и майор Пангалло в ведомстве Адмиралтейской коллегии не состоит. Подписали ноября 10 дня 1798 года»<sup>3</sup>. Видимо, он уже считался в секретной служебной поездке, выполнял ответственную миссию, что не подлежало широкому оглашению.

Однако успешные действия эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова совместно с союзными морскими силами, ее блистательные победы над французами резко изменили военно-политическую обстановку в Средиземноморье, при которой организация каперских действий потеряла свою актуальность и необходимость особенно после взятия о. Корфу 20 февраля 1799 года, когда, бесспорно, было обеспечено морское господство союзников на морском театре военных действий, в целом подавлены морские перевозки противника, военно-морские силы французов. Предполагаемая экспедиция Ламбро Качони теперь не имела никакого практического смысла. Это понимали все. Последовали соответствующие доклады на Высочайшее имя, и проект, официально не отмененный, все-таки постепенно угас под влиянием сложившихся обстоятельств<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд. д. 695, л. 341.

<sup>2</sup> Там же. Л. 342.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 212, оп. Канц. 2 отд., д. 854, л. 189.

<sup>4</sup> РГИА, ф. 1412, оп. 252, д. 670, № 8173; д. 671 № 2594.

Ламбро Качони был серьезно разочарован и подавлен. В начале 1799 года он прибывает в Крым и на подаренных еще Екатериной II землях размещается со своей семьей, начинает активно заниматься решением накопившихся личных проблем, много сил отдает сельскому хозяйству, виноградарству, начинает выпускать виноградную водку, занимается морской торговлей, хотя по-прежнему числится на военной службе. Это подтверждается его прошениями на имя Александра I и соответствующими докладами императору: от 20 ноября 1802 года, на котором рассматривается просьба Ламбро Качони «о награждении чином» и от 1 июля 1804 года, где излагалась просьба Ламбро Качони, что он «...состоя в нынешнем чине 14 лет, просит уволить его вовсе от службы со все милостивейшим награждением следующего чина», приговаривая при этом, что «...если когда либо угодно будет его паки упо-требить, то он готов жертвовать всею своею жизнью»<sup>1</sup>.

О дате прибытия Ламбро Качони в Крым на постоянное жительство можно судить, опираясь на письмо адмирала Н. С. Мордвинова, направленного 4 февраля 1799 года из Николаева в адрес Ламбро Качони, в котором адмирал пишет: «...По утверждению Ваших писем, я ожидал Вас сюда, но, к сожалению моему, уведомился, что Вы проехали прямо в Крым»<sup>2</sup>, а также ответного письма Ламбро Качони от 22 февраля 1799 года из Акмечети (Крым), окончательно испортившего их отношения, приведшего к полному разрыву их деловых связей. В данном письме Ламбро Качони четко излагает свою позицию: «... Между прочим и никогда не забыл я Вам остаюсь должным за ту сумму, которую Ваше высокопревосходительство ссудили меня во время отправления моего в Архипелаг, и ожидаю нетерпеливо получить от Вас на ту самую сумму процентный щет»<sup>3</sup>. Это вызвало новую волну возмущения у адмирала Н. С. Мордвинова, его обращение к императору, в котором он отстаивает свою позицию и утверждает, что в отношении Ламбро Качони «... не остается других способов как суд и законы», подчеркивает: «...хотя он храбро поступал и храбростию его были получены призы, но оные не менее принадлежат по всем законам тем, кто отправляет и вооружает корсара».

Так, с новой волны серьезных неприятностей, борьбы за свою честь, за сохранение праведливо полученных от Российского государства за свою боевую деятельность денежных средств начинается

---

<sup>1</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 26, л. 51.

<sup>2</sup> Там же. Л. 55.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 25, л. 78.

заключительный этап жизни и деятельности Ламбро Кацони в Крыму. Этап мало исследованный, но вместе с тем интересный, позволяющий глубже раскрыть многогранность личности полковника и кавалера Ламбро Кацони, заслуженно вошедшего в историю России и Греции, интерес к которому по-прежнему не угасает как у греков, так и россиян, который значительно усилился сейчас, после знаменательного юбилея — 250-летия со дня рождения замечательного греческого героя-моряка, полковника Российского флота, кавалера ордена Святого Георгия, основателя мощной ветви фамилии Кацони в России.

## **УРОЖЕНЕЦ ОСТРОВА НАКСОС АНТОНИС КОРОНЕЛЛИ – РОССИЙСКИЙ ВОИН И ДИПЛОМАТ**

Яркой, незабываемой страницей в истории национально-освободительной борьбы греков против османского ига является боевое содружество единоверцев, греков и россиян, завершившееся обретением Грецией национальной независимости.

На фоне длительной и упорной борьбы удивительны судьбы представителей многих греческих фамилий, вынужденных переселиться в Россию и добившихся здесь на государственной, военной службе подлинной славы и известности, материального благополучия, своими заслугами вошедших в историю Российского государства. Среди них можно назвать сына наместника на о. Наксос Антониса Коронелли, ставшего в России известным дипломатом, действительным статским советником, кавалером ряда российских орденов, родоначальником мощной ветви фамилии Коронелли в России, чьи потомки ныне проживают во многих странах мира.

Действительно, жизнь и судьба Антониса Коронелли, поступившего волонтером в эскадру адмирала Г. А. Спиридова, принимавшего участие во многих морских сражениях и походах, за старание, храбрость и мужество, боевые отличия получившего в мае 1773 года первый офицерский чин констапеля (младшего офицера морской артиллерии в русском парусном флоте)<sup>1</sup>, весьма интересна и поучительна, во многом характерна для судеб молодых греков, посвятивших свои жизни борьбе с угнетателями, службе Греции и России.

Выходец «из архипелагских приматов острова Накса», так записано в послужном списке действительного статского советника Антониса Коронелли, родился в 1752 году в семье одного из известнейших и богатейших греков острова Наксос Якова Коронелло<sup>2</sup>, который с приходом эскадры Г. А. Спиридова перешел на сторону россиян и принял самое активное участие в борьбе против

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7028, л. 3.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7028, л. 3-4.

Оттоманской Порты, оказывал действенную помощь российским морякам в обеспечении кораблей, их ремонте, подготовке к боевым действиям. Об этом свидетельствуют сохранившиеся архивные документы<sup>1</sup>.

Сам же Антонис Коронелли в одном из официальных писем, направленных министру иностранных дел России, о своем отце пишет следующее: «...Все господа генералы и командовавшие войсками российскими в Архипелаге могут в том дать свидетельство, что родитель мой имел знатное имение и был первенствующим из тамошних вельмож, что он в том же звании был утверждён и начальниками Российского флота, что он много содействовал в наборе корпусов греко-российских, что он облегчал построение батарей и госпиталей, равно как и снабжение флота съестными припасами, подавал всегда весьма важные известия, обратившиеся в великую пользу Российского флота, и что он на подобные услуги истратил великие суммы. При отъезде Российского флота отец мой был совершенно подвержен мщению турецкого правительства. Угрожаем будучи несколько раз лишением жизни, сохранил он её только великими дарами. Однако ж и за сим был он повлечен в Константинополь и обвинён в шпионстве для россиян. Уже по приказанию Великого визиря обрили ему голову для отсечения оной, но и тут избавился он только пожертвованием почти всего своего имения. Спустя малое время потом пал мой отец под бременем злосчастия, увидев наперед старшего сына своего умерщвленным и всё своё семейство в разорении...»

Приведенные свидетельства и оценки полностью подтверждены в Аттестате № 312 от 2 апреля 1783 года, выданном морской артиллерии лейтенанту Антонису Коронелли одним из руководителей российских войск в Архипелаге генерал-поручиком И. А. Ганнибалом, дедом великого русского поэта А. С. Пушкина: «...Предки означенного господина Коронелли занимали места главных правителей над всеми архипелажскими островами, бывшими под владением герцога Наци, от которого в награждение их заслуг жалованы им в вечное потомственное владение знатные на острове Наксии феодальные земли, на кои данные им Грамоты по ныне ещё существуют»<sup>2</sup>.

«В последующие же времена та же фамилия Коронелли занимала непрерывно достоинство генерал-консульское в Архипелаге, вверенное разными Европейскими державами, что явствует из Дипломов

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 39, л. 57–61; РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7028, л. 3.

<sup>2</sup> ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 254–256.

хранящихся у нея, которые как и вышеупомянутые о происхождении ея, я в подлинниках видел.

Что касается до отца его Якова Коронелли, оной в прошлом 1769 году при прибытии в Архипелаг Российского императорского флота занимал первое по тамошнему начальственному управлению место, был утверждён на оное Российского флота начальниками и во время бытности того флота в Архипелаге, оный Яков Коронелли, приведен будучи совершенно к Российской державе, не пощадил ничего дабы оказать оной многие немаловажные услуги и яко Примат того места споспешествовал скорейшему набиранию легкого военного корпуса, составленного из тамошних греков, употреблен был при строительстве госпиталей в Наксии, в порту Аузе, равно же батарей в том порту сделанных, и открывал способы во всякое время, наипаче при тайных нуждах, к снабжению Российского флота разными съестными припасами, с соблюдением тут казённого интереса. Сверх того доставлял часто флота начальникам важные сведения, послужившие к немалой пользе для предпологаемых военных предприятий.

При заключении мира с Оттоманскою Портою и по отбытии Российского флота из Архипелага он же Яков Коронелли, как я неоднократно уведомлен был, подвергался гонению Порты, угрожаем будучи даже лишением и самой жизни, а по совершенном разорении всей его фамилии и убиении старшего сына ея, умер в Наксии в крайней бедности. Во уверение сего и дал я ему, господину морской артиллерии лейтенанту Антонию Коронелли, сей Аттестат за подписями и печатями моими...»<sup>1</sup>

Хранящийся в архивах послужной список Антониса Коронелли, представления и аттестации непосредственных начальников, сослуживцев, автобиографическое описание своей службы и жизни в России и некоторые другие документы позволяют достаточно широко и всесторонне, вполне достоверно оценить его полную опасностей и неожиданностей службу России, постоянную готовность помогать своим землякам, своему народу.

«С 1774 года, при заключении мира, — пишет А. Коронелли, — генерал Ганнибал, получив повеление остаться в Италии по секретной комиссии Российского двора удержал меня при себе и употреблял всегда в секретных делах и для разбирательства претензий, чинимых англичанами, французами и голландцами на призы, которые были сделаными военными нашими кораблями»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 255.

<sup>2</sup> РГИА. ф. 1343, оп. 23, д. 7028, л. 3–4.



Завершив свою миссию, генерал Ганнибал вернулся в Санкт-Петербург, а затем по Высочайшему повелению был направлен в Херсон, где возглавил строительство города-порта. Вместе с ним следовал и Антонис Коронелли, которому генерал поручил «...надзирание над работами, там производимыми»<sup>1</sup>. В 1779 году Антонис направляется в Константинополь, «сие путешествие было весьма опасно», ибо «...предмет оного было присоединение Крыма к России». Выполнив успешно сложное дипломатическое поручение, А. Коронелли направляется для переговоров с пашою Очаковским для разрешения споров и конфликтов возникших вокруг добываемой кинбурнской соли, где «...имел счастье привести дело сие к окончанию в пользу России»<sup>2</sup>, получив неплохой дипломатический опыт.

Характеризуя данный период деятельности своего подчиненного генерал Ганнибал отмечает его «...отличное усердие и расторопность», а также «честность и бескорыстие». К этому времени все явственнее проявлялись особые способности, предрасположенность Антониса Коронелли к дипломатической деятельности, чему в немалой степени способствовало хорошее знание нескольких европейских языков, богатый опыт предыдущей службы и боевой деятельности под руководством опытных военачальников-дипломатов, а также личные качества молодого офицера.

В 1784 году А. Коронелли переводится в Ведомство иностранных дел и назначается российским консулом на острове Хио, официально зачисляется в государственную Коллегию иностранных дел<sup>3</sup>. В бытность на своём первом дипломатическом посту он настойчиво защищал интересы России, преодолевая сопротивление турецких властей, сумел внедрить ряд важных практических мер, способствующих расширению торговой деятельности российских купцов, не поступался экономическими и политическими интересами России в указанном регионе, всемерно налаживал доброжелательные отношения с греческим населением, помогал ему.

С началом новой Русско-турецкой войны в 1787 году, разыскиваемый турецкими властями А. Коронелли сумел избежать неминуемого ареста чудом, лишь «...посредством денег спас только жизнь».

С немалыми приключениями, трудностями и риском А. Коронелли вместе с консулом с острова Санторини капитаном Николаем

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 20, л. 1–5; д. 9/11, л. 464, 523, 543–545.

<sup>2</sup> ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 256, 257.

<sup>3</sup> *Александренко В.* Русские консулы в XVIII веке // Журнал юридического общества в СПб. 1894. Март. С. 117, 120.

Д'Анастасио, пересаживаясь с одного судна на другое, удалось сравнительно благополучно добраться до Ливорно, отчитаться перед руководством о своей деятельности с началом войны, получить одобрение своим поступкам и действиям. Обо всём этом можно прочитать в достаточно подробном донесении майора Д'Отее — генерального консула Ея Величества Императрицы Всероссийской в Сицилийском королевстве, направленном в российскую Коллегию иностранных дел 30 ноября 1787 года.

Далее в жизни Антониса Коронелли происходит резкий и неожиданный поворот, так как он решает принять непосредственное участие в начавшейся войне со Швецией на Балтике в составе Российской гребной флотилии и направляет соответствующее прошение на Высочайшее имя.

Как явствуют архивные документы, Екатерина II благосклонно восприняла просьбу, поддержанную флотским командованием: «...находящихся в Левонте консулей и других уроженцев греческих и славянских употребить на гребном флоте противу короля Шведского...» и подписала соответствующий указ, в котором «...принять изволила с благоволением желание...»<sup>1</sup>

Таким образом, А. Коронелли вновь оказался в составе Российского военного флота и принимает участие в боевых действиях, морских сражениях на Балтике в составе гребной флотилии. В ходе известного морского сражения гребных флотилий 13 августа 1789 года, по повелению принца Нассау-Зигена и графа Литта, Антонис Коронелли получает в командование правое крыло авангарда, состоящее из 18 канонерских лодок и 7 полушебек.

При общем обращении неприятеля в бегство капитан А. Коронелли, находящийся в ходе боя на галере «Ока», принимает участие в преследовании и взятии шведского фрегата, умело организует артиллерийский обстрел. В ходе ожесточенного боя и пленения вражеского корабля он овладевает его флагом и преподносит свой боевой трофей контр-адмиралу Литта как свидетельство значительного боевого успеха<sup>2</sup>.

Не случайно в донесении о данном морском сражении «командующий аватардиею галерного флота граф де Литта», называя особо отличившихся офицеров, свидетельствует, что «...в деле сём

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, Д. 52, л. 41.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 313, л. 1–6; д. 550, л. 3, 13, 25–28; ф. 578, оп. 1, д. 3/62, л. 87–90.

оказали отменное усердие и храбрость... морской артиллерии капитан Коронелли»<sup>1</sup>.

«...После совершенного разбития неприятеля, — вспоминал впоследствии А. Коронелли, — предписано мне было иметь смотрение над всеми взятыми у шведов судами, я исполнил сию комиссию и успел законопатить даже во время ночи один шебек, наполненный войсками, который уже тонул».

Отличился капитан Коронелли и 21 августа того же года во время атаки и десанта близ деревни Питис, где российские воины под его командованием свыше семи часов выдерживали интенсивный обстрел вражеской артиллерийской батареи, затем в ходе ожесточённого боя овладели ею и начали преследование отступающего врага, не прекращали его даже ночью и нанесли противнику серьёзный урон. Можно привести и другие примеры отважных и умелых действий А. Коронелли в ходе данной войны, заслуженно представленного к боевым наградам. 22 сентября 1789 года указом Екатерины II Антонис Коронелли «..в воздаяние разных подвигов в бытность его на флоте...» производится в капитаны 2-го ранга и награждается орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, памятной медалью «За воинские отличия и труды, понесенные в минувшую войну со Швецией»<sup>2</sup>.

Вскоре, после завершения войны со Швецией капитан 2-го ранга А. Коронелли возвращается на дипломатическое поприще, переходит в подчинение Коллегии иностранных дел и продолжает там свою служебную деятельность.

К нему, как и к другим активным участникам морских сражений Русско-шведской войны 1788–1790 годов, в полной мере относятся благодарственные слова указа императрицы от 26 июля 1791 года, явившиеся особой и почётной наградой: «Об объявлении во флоте всем высшим и низшим чинам особливого Монаршаго Благоволения за мужество и подвиги в баталиях на Балтике»<sup>3</sup>. Наряду с этим в начале 1792 года, по представлению генерал-фельдмаршала светлейшего князя Потемкина-Таврического, на основании Именного Высочайшего

---

<sup>1</sup> Собрание разных полученных от командующих армиями и флотами ко двору донесений с подлинников, присылаемых в Императорскую академию наук для напечатания при ведомостях. СПб., 1789. С. 120.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7028, л. 4; РГА ВМФ, ф. 227. оп. I, д. 57. л. 136–138.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 227. оп. 1. Д. 56, л. 133–134.

повеления капитану 2-го ранга А. Коронелли отводится две тысячи десятин земли в Крыму, около деревни Сарыголь, в пяти верстах от города Феодосии<sup>1</sup>.

Это дало возможность переселиться с острова Наксос в Крым и разместиться здесь его матери и оставшимся в живых, пожелавших переезда членам семьи. Несколько позже, в 1795 году, Высочайшим указом А. Коронелли отводится также в Крыму «...из состоящей впускать земли, Симферопольского уезда при деревне Куш, до 2000 десятин» и в «...Судаке три виноградных сада»<sup>2</sup>.

Несомненно, особые заслуги представителей фамилии Коронелли в Архипелаге и в России были замечены и получили самую высокую оценку. Так, в указе Екатерины II от 15 июля 1792 года повелевается: «Умершаго Наксийского жителя и тамашного Примата Коронелли жене, с многочисленную семью в Тавриду переселяющейся, во уважение ревностной его и детей его службы и претерпенного им от турков разорения, повелеваем производить пенсию по 600 рублѣв на год»<sup>3</sup>, что в целом обеспечило её безбедное, вполне достойное существование.

В 1794 году Антонис Коронелли направляется кавалером при посольстве в Константинополь в составе свиты генерала М. И. Кутузова, быстро овладевает возложенными на него обязанностями, зарекомендовывает себя с самой лучшей стороны, восстанавливает ослабевшие связи с родными местами, много и упорно занимается проблемами Архипелага, умело используя своё положение в Чрезвычайном посольстве и личное предрасположение и доверие генерала М. И. Кутузова, чрезвычайного и полномочного посла России<sup>4</sup>.

Этот непродолжительный по времени, но весьма насыщенный событиями, активной дипломатической деятельностью период дал А. Коронелли богатый служебный опыт и высокую оценку М. И. Кутузова, который в своём Аттестате, данном 15 мая 1794 года в Дубоссарах своему подчинённому, пишет: «Господин Коронелли, капитан флота и кавалер ордена Святого Владимира, в бытность свою

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1305, оп. 1, д. 25, л. 75–78; ф. 1343, оп. 23, д. 7028, л. 5–10; ИТУАК. Симферополь, 1899. № 25. С. 158.

<sup>2</sup> ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23. С. 17.

<sup>3</sup> Алфавитный указатель и приложения к Камер-фурьерскому журналу 1792. СПб., 1892. С. 76

<sup>4</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1795. СПб., 1795. С. 42. 1796. С. 51; РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7028. л. 5.

Кавалером Чрезвычайного и Торжественного посольства вёл себя всё время безупречно. Он был очень полезен тем, что открывал и разоружал козни якобинцев. Я также употреблял его в нескольких комиссиях в Небесной Порте во служение Ея Императорскому Величеству»<sup>1</sup>.

В 1797 году Антонис Коронелли прикомандировывается дипломатическим ведомством к генералу Герману, корпусу которого предписано было пройти через Молдавию. Здесь он оказывает помощь командованию в снабжении войск всем необходимым, обеспечивает соблюдение ими общих принципов и норм международного права, действующих соглашений и международных договоров. Проводит с этими целями ряд официальных встреч с князем Молдавским, решительно объявившим «...о невозможности поставлять русскому корпусу такого количества продовольствия и фуража, обеспечивать полностью другие его потребности». В этих чрезвычайных для российских войск условиях А. Коронелли удалось в результате хорошо подготовленных и искусно проведенных переговоров с тамошним митрополитом договориться с ним о помощи россиянам, заключить приемлемый договор о поставках монастырями необходимого продовольствия, фуража и лекарственных трав, причём по ценам значительно ниже официально определённых соответствующими инструкциями и положениями, регламентирующими материальное обеспечение боевых действий войск, чем заслужил искреннюю признательность генерала Германа и его штаба. И в дальнейшем, при совершении корпусом похода в Италию, благодаря его стараниям, россияне оказались в целом обеспеченными для продолжения марша. Все переговоры с местными властями, населением по закупке всего необходимого, ремонта подвижного экипажа корпуса, ремонта обмундирования, закупке обуви, медикаментов, перевязочных материалов и т. д. вел А. Коронелли, единственный, кто хорошо знал итальянский язык. Он же выступал и в роли переводчика у командования, способствовал разрешению всех возникавших конфликтов и недоразумений в отношениях войск и населения. Опираясь на местных жителей, А. Коронелли организовал действенную разведку, получал информацию о противнике, его перемещениях и планах, постоянно доводил полученные сведения до своего командования, обеспечивал постоянное общение с властями, местным духовенством. Трудно переоценить его заслуги в ходе данного похода. Так, новый командир корпуса генерал Розенберг неоднократно публично подчёркивал, что он многим обязан А. Коронелли и прежде всего «...сохранением корпуса,

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 259, 260.

находившегося под его начальством»<sup>1</sup>, столь же высокая оценка деятельности А. Коронелли была высказана генералу М. И. Кутузову и его штабу в городе Вильно руководящими офицерами корпуса.

При выходе русской армии из Швейцарии А. Коронелли получил письменное распоряжение главнокомандующего союзными войсками А. В. Суворова присоединиться к нему в Аугсбурге. Выполняя различные поручения главнокомандующего, Антонис Коронелли проявлял свойственные ему высокую ответственность и аккуратность, подлинный профессионализм, чем вскоре заслужил у А. В. Суворова «...благосклонность и благоволение», был представлен им «...к награждению Ея Императорскому Величеству». 9 марта 1800 года А. Коронелли был Высочайше пожалован в статские советники<sup>2</sup>.

Вернувшись с войны к делам и обязанностям в Коллегии иностранных дел, А. Коронелли загружается текущей работой, как всегда проявляет трудолюбие и ответственность. В марте 1805 года его прикомандировывают к Сардинской миссии для выполнения особого правительственного задания в Италии. Ему поручалось убыть в Геную и осуществить без шума и скандала переселение в Одессу всех пожелавших этого генуэзских моряков и их семей<sup>3</sup>. Из имеющихся документов видна особая заинтересованность самых высоких инстанций в благополучном исходе задуманного предприятия, недопущение огласки, любой компрометации задуманного российскими властями.

И это хорошо видно из письма английского посланника при русском дворе лорда Боуэра к адмиралу Г. Нельсону, командующему английской эскадрой в Средиземном море, выдержки из которого приводятся здесь: «Милорд! Император Всероссийский, даровав некоторым генуэзцам разрешение колонизировать некоторые из южных провинций, поручил господину Коронелли отправиться в Геную и сделать необходимые распоряжения для отправки их в Одессу». Готовилось десять транспортных судов для перевозки новых колонистов. В связи с этим Боуэр обращается к адмиралу Нельсону с просьбой: «...надеюсь, что Вы не будете иметь ничего против того, чтобы приказать командирам судов флота Его Величества, крейсерствующего в Средиземном море, позволить судам, имеющим на борту вышеупомянутых колонистов

<sup>1</sup> Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Київ: 1997. Вип. 6. С. 17–31; ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 260–263.

<sup>2</sup> РГИА, ф.1343, оп. 23, д.7028, л. 4, 5

<sup>3</sup> ИТУАК. Симферополь, 1918. 55. С.64.

и снабжённых паспортами, совершить беспрепятственное плавание до Черного моря»<sup>1</sup>.

Таким образом, Антонису Коронелли пришлось выполнять ответственные и секретные поручения российского правительства, он был лично известен императору Александру I.

Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов А. Коронелли по Высочайшему повелению направляется в январе 1809 года в действующую армию. Ему, в ранге представителя Министерства иностранных дел, предписывается находиться при генерал-фельдмаршале А. А. Прозоровском и оказывать ему и его штабу всестороннюю помощь в налаживании мирной жизни, взаимопонимания, добрых отношений с населением и властями в районах, занятых русскими войсками, в местах дислокации армии, в регионе проживания христиан<sup>2</sup>. Вскоре он приказом главнокомандующего назначается для гражданского управления территориями на правой стороне Дуная, освобожденной от турок российскими войсками. В приказе, в частности, говорилось: «...Я возложил управления всей земли, войсками Его Императорского Величества на правой стороне Дуная занятой и впредь занятия имеющей, на господина статского советника А. Коронелли для чего и даётся об оном знать во всю армию с тем, дабы все господа корпусные, отрядные, полковые и другие воинские начальники все его по сей части требования исполняли»<sup>3</sup>.

За заслуги в русско-турецкой войне, усердие и храбрость, порядительность Антонис Коронелли 20 мая 1810 года награждается орденом Святой Анны 2-й степени, а 1 января производится в действительные статские советники<sup>4</sup>, то есть получает гражданский чин, в соответствии с Табелем о рангах равный генерал-майору армии, контр-адмиралу флота.

В ноябре 1812 года, как опытный дипломат и военный, А. Коронелли был причислен к штабу генерал-фельдмаршала князя М. И. Кутузова, в составе которого принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года, в ходе которой выполнил возлагавшиеся на него обязанности, подтвердил свои высокие деловые качества как военный дипломат и советник командования, заслужил монаршую благосклонность.

<sup>1</sup> ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 64.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7028, л. 6.

<sup>3</sup> ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55. С. 265.

<sup>4</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7028. л. 5, 6.

1 января 1818 года Антон Яковлевич Коронелли назначается генеральным консулом в Рагузу и Далмацию, где успешно исполняет свои функции, инструкции министерства иностранных дел, 3 января 1825 года он в том же дипломатическом звании перемещен в Королевство Иллирийское. Здесь на должности генерального консула А. Коронелли представляет интересы России около 10 лет до своей кончины<sup>1</sup>.

Скончался действительный статский советник Антон Яковлевич Коронелли в Триесте, в уважении и почёте, окружённый близкими ему людьми 16(28) октября 1834 года<sup>2</sup>, оставив после себя на новой Родине славное имя, добрую память, обширную семью, многочисленных боевых товарищей и друзей, процветающую семейную усадьбу под Феодосией, сады и виноградники в Крыму.

Антонис Коронелли не дожил до рождения своих четырех внуков и внучки Марии от единственного сына Александра Антоновича, имевших многочисленное потомство, утвердивших свою фамилию в России славными делами и расселившихся ныне во многих странах мира: в России, на Украине, в Греции, Италии, Франции и других странах. Среди них можно назвать граждан России, Коронелли, ныне проживающих со своими семьями в Москве и Санкт-Петербурге, чьи адреса известны. которые не забыли, что их предки родом из Архипелага, выходцы с острова Наксос. Они гордятся этим, чтят свои родовые корни, фамильные захоронения.

Такова краткая история жизни и службы в России Антониса Коронелли (Антон Яковлевича Коронелли), во многом характерная для многих борцов за независимость Греции, волею обстоятельств и судеб ставших российско-подданными.

---

<sup>1</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб. Ч. 1. С. 361; 1834. СПб. Ч. 1. С. 386.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23. д. 7028, л. 12–14.



## ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЙ МЕЛИССИНО — ШЕФ МАРИУПОЛЬСКОГО И ЛУБЕНСКОГО ГУСАРСКИХ ПОЛКОВ

У русского царя в чертогах есть палата:  
Она не золотом, не бархатом богата;

.....  
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,  
Да лица, полные воинственной отваги.  
Толпою тесною художник поместил  
Сюда начальников народных наших сил,  
Покрытых славою чудесного похода  
И вечной памятью двенадцатого года...<sup>1</sup>

Среди прекрасных портретов Военной галереи 1812 года выделяется изображение красивого и мужественного лица — портрет отважного гусара Алексея Петровича Мелиссино, одного из лучших российских кавалерийских генералов того времени, грека по происхождению, представителя одного из древнейших и знатнейших греческих родов<sup>2</sup>, шефа Мариупольского, а затем Лубенского гусарских полков, героически отдавшего свою жизнь в тяжелом бою с французской гвардией в августе 1813 года и вошедшего навечно в военную историю России, ее культуру, изобразительное искусство.

Любознательные и вдумчивые посетители современного Эрмитажа всегда могут познакомиться в Военной галерее с замечательным портретом работы Д. Доу, донесшим нам через века облик одного из героев 1812 года, боевого российского генерала-грека Алексея Мелиссино, могут задуматься о глубоких исторических связях народов России и Греции.

Генерал-майор Алексей Петрович Мелиссино (1756–1813) — единственный сын известнейшего военного деятеля царствования Екатерины II, генерала от артиллерии, кавалера ордена Св. Андрея Первозванного Петра Ивановича Мелиссино (1724–1797). Предки

<sup>1</sup> Пушкин А. С. Соч. в 3-х томах. М., 1985. Т. 1. С. 564.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 3129, л. 1.

российской ветви древнегреческого рода Мелиссино, находились в тесных родственных узлах с византийскими императорами Константином V Копроном и Алексием Комниным, именно их прямой потомок — греческий дворянин Иван Афанасьевич Мелиссино, известный медик из Венеции прибыл по приглашению Петра Великого в Россию в начале XVIII столетия<sup>1</sup> и положил начало российской ветви своей фамилии, давшей новой родине ряд неординарных личностей. Среди них можно выделить и генерала Алексея Мелиссино, который получил в Санкт-Петербурге прекрасное по тем временам домашнее образование, знал пять языков: русский, греческий, французский, немецкий и молдавский; с детства готовился к военной службе, записанный в 1771 году сержантом в гвардию, произведен в 1783 году в капитаны артиллерии<sup>2</sup>. Став опытным артиллеристом и проходя службу при Артиллерийском управлении в Санкт-Петербурге, он в 1788 году, при разрыве отношений со Швецией, накануне войны 1788–1789 годов, получил важное задание подготовить несколько сотен новобранцев к артиллерийской службе, «артиллерийскому упражнению» и выполнил поручение, по словам Высочайшего указа, «с отличными трудами и прилежностью», за что в октябре 1788 года производится в майоры артиллерии, ему объявлена Высочайшая благодарность<sup>3</sup>.

Этот год был знаменателен для Алексея Мелиссино и тем, что он женился по любви на красавице — княжне Роксандре (Александр) Кантакузиной, дочери бывшего великого бана княжества Валахии Михаила Кантакузина, славящейся своей красотой и умом, великолепной образованностью при дворе императрицы Екатерины II, которую сумел-таки покорить известный в столице кавалер и сердцеед, лихой наездник и артиллерист, блестящий Мелиссино. Действительно, молодой отпрыск древнего греческого рода, одаренный «умом острым и характером пылким», как утверждают современники, был красив, высокого роста, ловок, «...отлично сложен и славился замечательным ездом», прекрасно держался на лошади.

Желая принять непосредственное участие в борьбе с турками, работодателями своего народа, майор Мелиссино рвется в действующую

<sup>1</sup> Бобринский А. Дворянские роды внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб., 1890, С. 204; Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 141.

<sup>2</sup> Чтения в Московском обществе истории и древностей России. СПб. 1867. № 3; 1871. № 3; Военная энциклопедия. СПб. 1914. Т. XV. С. 252

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 3129, л. 1, 2; Военная галерея 1812. СПб. 1912. С. 151.

армию. В 1789 году его желание осуществляется, он назначается в Сумский легкоконный полк армии князя Г. А. Потемкина, получает чин подполковника, боевое крещение в сражениях Русско-турецкой войны 1787–1791 годов. В составе Сумского полка подполковник Алексей Мелиссино проявляет храбрость и распорядительность при взятии Аккермана и Бендер, но особо отличается при взятии приступом Измаила в декабре 1790 года. Его действия получили высокую оценку и похвалу командующего А. В. Суворова, руководившего штурмом крепости, который и представил его к награждению орденом Св. Георгия 4-го класса<sup>1</sup>.

В 1793 году Алексей Петрович Мелиссино получает чин полковника, переводится в Малороссийский кирасирский полк. Теперь он опытный кавалерист, имеющий серьезный боевой опыт, отличившийся во многих сражениях<sup>2</sup>.

В начале царствования Павла I полковник А. П. Мелиссино попадает в немилость к императору и с 1 января 1797 года «исключен со службы», но в декабре 1800 года восстановлен в армии и определен в Елисаветградский гусарский полк продолжать службу; вскоре, 1 января 1801 года, он Высочайшим указом Павла I «производится в генерал-майоры с назначением шефом Мариупольского гусарского полка», к тому времени достаточно известной в российской армии кавалерийской части, уже заслужившей высокий авторитет в ряде войн, во многих сражениях в Крыму и на полях Европы. Так, в 1787 году в ходе войны с турками мариупольцы отважно действовали в составе Екатеринославской армии и особо отличились на Кинбурнской косе, отбив у турок артиллерийскую батарею, и подобных примеров храбрости было немало<sup>3</sup>.

Как шеф полка генерал А. П. Мелиссино конечно, оставил свой достаточно заметный след в его славной истории, несмотря на то, что был шефом мариупольских гусар немногим более года, а затем ушел в отставку со службы с правом ношения мундира. По отзывам современников-сослуживцев, он был исключительно требовательным и волевым, вместе с тем справедливым и заботливым начальником,

<sup>1</sup> Военная галерея 1812 г. СПб., 1912. С. 151; *Бурский И. Д.* История 8-го гусарского Лубенского полка. Одесса, 1912. С. 10.

<sup>2</sup> *Михайловский-Данилевский.* Император Александр I и его сподвижники. — СПб. Т. 4. № 36. С. 2; Русская старина. 1873. № 12. С. 23.

<sup>3</sup> *Бурский И.* Славное прошлое Лубенского полка. Кишинев, 1894. С. 3; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 195.

полностью отдающим себя службе, ее интересам. О строгости генерал-майора А. П. Мелиссино ходило немало преданий и легенд, однако большинство подчиненных относились к нему с любовью и уважением, «...обожали замечательно храброго человека», кавалериста до мозга костей, которого гусары в своей среде уважительно звали орлом<sup>1</sup>.

Он первый основал конские заводы в Новороссийском крае и издержал немало денег на улучшение конских пород, выписывая чистокровных скакунов из Англии, Турции, Аравии. В итоге в данном регионе стало интенсивно развиваться чистопородное коневодство, что серьезно улучшало конский состав местных кавалерийских частей, усиливало боевые возможности и подчиненных ему гусар<sup>2</sup>. Вскоре конский завод его стал славиться во всей России.

Своей деятельностью шеф полка стремился продолжать славные боевые традиции мариупольских гусар, упорно готовил их к будущим боям, утвердился как умелый организатор боевой подготовки кавалеристов. И его командирские труды не пропали даром, боевые традиции мариупольцы приумножили в боях с французами: при Аустерлице в 1805 году, в сражениях Отечественной войны 1812 года, в походах и боях 1813 года. «За мужество и храбрость, оказанную в Отечественную войну» Мариупольскому гусарскому полку было пожаловано 27 серебряных труб с надписью: «Мариупольскому полку за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.» За героические дела в кампании 1813 года мариупольские гусары были награждены знаками на кивера гусар с надписью: «За отличие 14 августа 1813 года»<sup>3</sup>.

Интересен и славен боевой путь Мариупольского гусарского полка, в составе которого всегда служили и прославляли себя в многочисленных походах и сражениях наряду с русскими, украинцами, представителями других народов и местные греки, чей вклад в славную историю полка после 1874 года слабо изучен, по сути, забыт. Героическая история Мариупольского гусарского полка, несомненно, требует глубокого и всестороннего исследования, специального разговора. Хочется надеяться, что краеведы, историки не оставят без внимания данную, весьма благодатную и важную тему,

---

<sup>1</sup> *Чарторыжский Г. А.* Лубенские гусары. Елисаветград, 1872. Ч. 1. С. 7–9.

<sup>2</sup> Там же. С. 8.

<sup>3</sup> Энциклопедия военных и морских наук. СПб. 1891. Т. V. С. 62, 63; 1888. Т. III. С. 156; Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1913. № 1. С. 27–29.

прославляющую не одно поколение мариупольцев, традиции местной кавалерийской части — около 150 лет носящей название города Мариуполя, широко известной и уважаемой в Российской армии за верную и безупречную службу Отечеству, многочисленные подвиги на полях сражений.

Нахождение вне рядов армии, любимой кавалерии, спокойная и размеренная жизнь вскоре стали тяготить отставного гусара, и Алексей Мелиссино обращается с просьбой к Александру I восстановить его на военной службе. Император, лично зная генерала, уважил его просьбу и указом от 14 марта 1807 года вернул его на службу и повелел сформировать для русской армии новый гусарский полк под наименованием Лубенский, назначив его шефом данного полка. В Высочайшем указе говорилось: «Я совершенно надеюсь, что по известному усердию к службе генерал-майора Мелессино не пощадит он ни трудов своих, ни старания к успешнейшему исполнению сей порученности»<sup>1</sup>. Император не ошибся.

Действительно, полк был сформирован в самые кратчайшие сроки, несмотря на серьезные трудности и немалые издержки в поспешном комплектовании. Благодаря исключительной настойчивости и целеустремленности, неукротимой энергии своего Шефа генерал-майора Алексея Петровича Мелиссино, он вскоре стал одним из лучших гусарских полков Российской армии, что и было подтверждено в годы суровых испытаний 1812 года, в ходе Заграничных походов русской армии в 1813–1814 годах, а также и во все последующие периоды существования и боевой деятельности данного полка<sup>2</sup>.

Несомненна роль шефа не только в формировании, но и боевом становлении лубенских гусар, которых в 1808 году перевели на постоянные квартиры в г. Поневеж Полтавской губернии. Именно тогда в полной мере раскрылись неординарные деловые и человеческие качества Алексея Петровича Мелиссино, который полностью использовал свой личный опыт командования мариупольскими гусарами, привлек все ценное и полезное, имевшее место в России при подготовке гусар, в боевом сколачивании кавалерийских подразделений и частей.

Начальник он, как и прежде, был исключительно строгий и требовательный, не делал и себе послаблений, во всем стремился подать личный пример, «...сам службу нес усердно и от подчиненных того же

<sup>1</sup> Полн. собр. законов Российской империи. Т. XXIV. № 22491.

<sup>2</sup> Бурский И. Славное прошлое Лубенского полка. Кишинев, 1894. С. 1–40; История 8-го гусарского полка. Одесса, 1912. С. 1–95.

требовал». Не случайно, что в новом полку «...сразу же установился образцовый порядок»<sup>1</sup>.

Генерал Мелиссино самое пристальное внимание уделял подготовке унтер-офицеров. Тщательно отобранные кандидаты на эти должности получали необходимую ветеринарную подготовку, обучались вольтижировке, фехтованию на эспадронах, получали необходимые навыки обучения и руководства подчиненными, и только тогда «...допускалось производство их в унтер-офицеры».

Во время полковых учений, когда полк стоял бивуаком в поле, Мелиссино практиковал проверку боевой подготовленности своих гусар, их выездку. Так, например, у своей палатки он всегда производил «...одиночную езду, и отличившийся приглашался к нему на обед»<sup>2</sup>.

Как отмечают современники, Мелиссино внешне суров, но добр и великодушен, до расточительности щедр. Имея конские заводы, Мелиссино нередко раздавал собственных коней офицерам, которым тогда полагались казенные. (Лошади стоили от 500 рублей до 10000 рублей. — Ю. П.). Более того, в Лубенском полку постоянно содержалось в резерве «...24 хороших лошади для офицеров», и при необходимости они выдавались потерявшим, не имевшим коней.

В 1810 году Лубенский гусарский полк, находящийся летом в Крыму на учениях, в числе других войск был направлен для охраны южного побережья Крыма в связи с появившейся опасностью высадки турецких войск. Генералу А. П. Мелиссино было поручено возглавить имевшиеся силы, штаб которых располагался в Симферополе. Действенная оборона была организована, но противник вскоре оценив обстановку, отказался от высадки.

Став бригадным командиром в 1811 году, Мелиссино с созданным им полком принял активнейшее участие в Отечественной войне 1812 года, в сражениях 1813 года, в ходе которых покрыл себя неуязвимой славой, заслуженно стал одним из лучших кавалерийских генералов России.

В 1812 году Лубенцы входили в состав 3-й резервной армии и находились в отдельном отряде генерал-майора Мелиссино, действовавшего с 1 июля по 21 сентября 1812 года против саксонского генерала Ренье. Отбитое в одном из сражений вражеское орудие явилось

<sup>1</sup> Бурский И. Славное прошлое Лубенского полка. Кишинев, 1894. С. 4.

<sup>2</sup> Военная галерея 1812 г. СПб., 1812. С. 151; Чарторыжский Г. А. Лубенские гусары. Елисаветград, 1872. Ч. 1. С. 8.

первым трофеем российских войск в войне 1812 года. За разгром саксонских войск генерала Ренье у местечка Янова руководитель сражения Алексей Мелиссино награждается орденом Святой Анны I класса. Вскоре Лубенцы в составе с другими русскими силами взяли в плен в Кобрине целый австрийский отряд в количестве более двух тысяч человек, при восьми орудиях и четырех знаменах<sup>1</sup>. Командуя позже авангардом корпуса генерал-лейтенанта Сакена, Мелиссино отличился в сражениях у Горностаевичей и Волковыска, постоянно проявляя отчаянную храбрость, твердость и расчетливость в управлении войсками.

В пылу сражений Мелиссино «...не знал преград своему мужеству, и горе бывало тому из его подчиненных, кто не вполне следовал доблестному его примеру». Руководимые им лубенские гусары получили громкую известность в действующей армии и своими результативными атаками стали грозой для неприятеля, а шеф полка был Высочайше награжден золотой саблей с надписью «За храбрость»<sup>2</sup>. Так, в ратных делах и славе закончилась для него Отечественная война 1812 года.

В 1813 году генерал-майор Мелиссино участвовал в целом ряде сражений с французами. Так, командуя аванпостами, он обеспечивал отступление авангардного корпуса генерала Милорадовича, прикрывавшего отход русской армии от Люцена к Дрездену. В сражении при Бауцене проявил исключительную выдержку и мастерство в управлении боем, дважды эффективно атаковал французских кирасир.

В сражении под Дрезденом 15 августа 1813 года русские войска сдерживали многочисленную французскую гвардию, руководимую Наполеоном. В этот день и пал смертью героя генерал Мелиссино, который возглавил атаку приданных ему Севского и Калужского полков на французов, образовавших каре и открывших убийственный оружейный огонь. Врубившийся в середину каре во главе атакующих генерал Мелиссино получил три смертельных пулевых ранения. Раненого вынесли из боя в ближайшую корчму, ухаживали за ним, как могли, но к вечеру он скончался. В суматохе продолжающегося боя, общего наступления французов, «тело Мелиссино не успели взять с собой, а после не могли уже найти между обнаруженными, окровавленными, запачканными грязью и обезглавленными

---

<sup>1</sup> Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 1. С. 27; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 45, 252.

<sup>2</sup> Михайловский-Данилевский. Император Александр I и его сподвижники... СПб., 1847. Т. 4. № 36. С. 5; Чарторыжский Г. А. Лубенские гусары. Елисаветград, 1872. Ч. 1. С. 15.

телями»<sup>1</sup>. Александр I, узнав о гибели своего храброго сподвижника, очень сожалел о нем и разрешил впоследствии супруге организовать тщательный поиск тела, который ничего не дал. Супруге удалось разыскать лишь окровавленный мундир героя, его снаряжение. Сообразуясь с ходом и обстоятельствами сражения 15 августа, отступлением союзников, общей неразберихой, можно предположить, что неопознанное противником тело генерала было похоронено на месте битвы у Дрездена в общей могиле<sup>2</sup>.

Правда, по семейным преданиям, тело Алексея Мелиссино погребено в Теплице, но могила павшего генерала там найдена не была, несмотря на энергичные и тщательные поиски, которые организовала и лично в них участвовала его супруга — Александра Михайловна, получившая Высочайшее соизволение на перезахоронение останков героя на Родине.

Весьма удрученная и подавленная вдова решила поставить памятник своему супругу на месте ожесточенного сражения и разгрома французского генерала Л. Вандама в Кульме (ныне Хлумец, населенный пункт в Чехии. — Ю. П.) и, получив соответствующее разрешение, осуществила задуманное.

Известно, что великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I, посетивший Кульм в 1816 году, пожелал осмотреть место сражения, памятник генералу Мелиссино и, как утверждают современники, долго и молча стоял у него, внимательно рассматривал, погрузился затем в свои думы...<sup>3</sup>

Безутешная вдова, так и не сумев найти место захоронения своего супруга, его тело, по возвращении на Родину соорудила в своем имении Пугляе, под Могилевом, в Пугляевской церкви памятник мужу в виде надгробия, обнесенного чугунной решеткой художественного литья. Рядом на стене храма установила мраморную доску в золоченой раме с трогательной и скорбной эпитафией.

Под памятником в специальном ящике были захоронены мундир генерала Мелиссино «...тот самый в коем он сражался, который окровавлен от полученных им смертельных ран и в коем испустил последние

<sup>1</sup> Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 1. С. 27–28; *Бурский И. Д.* История 8-го гусарского Лубенского полка. Одесса, 1912. С. 84.

<sup>2</sup> Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 1. С. 28.

<sup>3</sup> *Бурский И. Д.* История 8-го гусарского Лубенского полка. Одесса, 1912. С. 86.



вздохи...», а также рейтузы Мелиссино, его седло и уздечка. В церкви хранились ордена генерала, вделанные в дарохранильницу<sup>1</sup>.

Александра Михайловна Мелиссино пережила своего мужа на 15 лет. Она не снимала траура до дня своей кончины, неизменно грустила и больше не выходила замуж, оставаясь верной своей первой и единственной любви. Вдова постоянно обращалась к великолепно выполненной гравюре, изображающей последние минуты мужа в бою, когда он, раненый, поддерживаемый гусарами, на своей лошади выводится из разгромленного французского каре.

После смерти Александры Михайловны картина тщательно сохранилась в гусарском Лубенском полку, как важнейшая полковая реликвия. Стихи, имевшиеся на данной гравюре, слева внизу, напоминали не одному поколению гусар, каким был первый шеф, создатель их полка:

Се истинный герой! Среди войны кровавой  
Со славою служа, ниспал во гроб со славой!  
Источник горьких слез о нем не должно лить.  
Он дал собой пример Отечество любить.<sup>2</sup>

«Не стало храброго Мелиссино, — говорилось в материалах по истории гусарского Лубенского полка. — Но дух его не умер вместе с ним, а остался в полку и надолго сохранился в Лубенцах на страх врагам Государя, Веры и Отечества». И это действительно было так! Лубенские гусары на протяжении всего своего дальнейшего существования, более 100 лет, оставались одним из лучших кавалерийских полков Российской армии, покрывших себя неувядаемой славой в многочисленных боях и сражениях, защищая свое Отечество, отстаивая его государственные интересы в различных войнах XIX — начала XX столетия, умножая славные боевые традиции полка, заложенные первым шефом — генералом Алексеем Петровичем Мелиссино<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 1. С. 28; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 252.

<sup>2</sup> *Чарторыжский Г. А.* Лубенские гусары. Елисаветград, 1872. Ч. 1. С. 24.

<sup>3</sup> *Бурский И. Д.* Славное прошлое Лубенского полка. Кишинев, 1894. С. 16; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 45.

## ПОРТРЕТ В ВОЕННОЙ ГАЛЕРЕЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА. ДМИТРИЙ КУРУТА

Несомненно яркой и многогранной личностью в истории России XIX века навечно остался Дмитрий Дмитриевич Курута (1770–1838), грек по национальности, выпускник 1787 года Гимназии чужестранных единоверцев. Офицер-морьяк, сумевший добиться на российской военной службе графского достоинства, чина генерала от инфантерии (пехоты), ставший кавалером многих российских и иностранных орденов, в том числе ордена Святого Андрея Первозванного. Его портрет работы Д. Доу находится в Военной галерее 1812 года Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

Жизненный путь Д. Д. Куруты является ярким примером беззаветного служения России. Его имя не должны забывать потомки, современные поколения россиян.

Греческий дворянин из архонтских детей, Дмитрий Курута родился в 1770 году в Константинополе и в возрасте около 13 лет был определен в 1783 году в греческую гимназию (Гимназию чужестранных единоверцев) в Санкт-Петербурге. Здесь своими способностями, старанием в учебе, примерным поведением и покладистым характером обратил на себя внимание и был рекомендован Екатерине II для участия в обучении ее внука великого князя Константина Павловича «эллино-греческому языку», для повседневного общения и организации детских игр<sup>1</sup>.

Таким образом, в августе 1786 года Дмитрий Курута был определен в услужение к 7-летнему Константину Павловичу. Сделано было это в рамках воспитательной реализации «Греческого проекта», мечты Екатерины II о восстановлении Византийской империи и подготовке ее внука Константина к занятию греческого престола, именно поэтому уже при крещении он был наречен именем основателя Константинополя и последнего императора Византии, а в его обучении и воспитании большое участие принимали греки<sup>2</sup>.

Действительно, «грудною кормилицею» Константина была гречанка Елена Йорданова, он постоянно был окружен сверстниками-

---

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 2, 16.

<sup>2</sup> Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1889. Т. IV. С. 348.

греками, товарищами его детских игр, а к малолетнему цесаревичу «дядькой» был определен 16-летний Дмитрий Курута. Будущая элита планируемой империи исподволь готовилась в Гимназии чужестранных единоверцев (с 1792 года Корпус чужестранных единоверцев. — Ю. П.), внешнеполитическая деятельность целеустремлялась на решение данной перспективной задачи<sup>1</sup>.

Завершив свое обучение в греческой гимназии, Дмитрий Курута в октябре 1787 года был выпущен подпоручиком в Санкт-Петербургский гренадерский полк<sup>2</sup>, с определением к великому князю Константину Павловичу для продолжения обучения его греческому языку. Следует заметить, что Константин Павлович неоднократно показывал неплохое понимание, знание данного языка, обычаев и традиций греков.

Так, после аудиенции у Екатерины II в апреле 1790 года греческая делегация в составе Христоса Лаккиотиса, Паноса Дзираса, майора Сатири, а также капитана Николаоса Пангалоса с легкой российской флотилии, посланного Ламбро Кацонисом, была представлена цесаревичу Константину, который выслушал делегатов на греческом языке, хорошо понял цели и задачи их миссии, просьбы, а затем пожелал посланцам успехов в борьбе, в осуществлении их планов, поговорил с ними на том же языке, чем очень обрадовал депутатов-греков<sup>3</sup>.

Вместе с тем современники отмечали, что Константин Павлович охотно говорил по новогречески только с Дмитрием Курутой, при необходимости общался в греками также на их родном языке, в повседневном общении пользовался им нечасто, хотя продолжал совершенствоваться в знании данного языка и в отсутствие Д. Д. Куруты. Так, например, в 1793 году Екатерина II установила выдавать жалованье из сумм Кабинета Ея Величества «за обучение греческому языку» премьер-майору Ивану Христовскому, «...находившемуся при их Высочествах Великих князьях»<sup>4</sup>.

В 1788 году подпоручик Дмитрий Курута по его настоятельным просьбам был, наконец, «...определен на флот за мичмана» на корабль «Европа», затем на фрегат «Бричеслав», где стал изучать военно-

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 3, 16; ИТУАК. 1893. № 19. С. 21.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 13; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIV. С. 424.

<sup>3</sup> Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 86–87.

<sup>4</sup> Приложение к камер-фурьерскому церемониальному журналу 1793 года. СПб., 1892. С. 25.

морское дело в ходе практических плаваний в Финском заливе, боевой подготовки экипажей кораблей.

Через год, получив достаточную флотскую закалку, морские знания и практический корабельный опыт, Дмитрий Курута в апреле 1789 года производится в чин мичмана, становится офицером флота и на кораблях «Князь Владимир», «Всеславль» участвует в крейсерстве на Балтийском море и своем первом морском бою, в Эландском сражении со шведским флотом, в котором отличился, «проявив отличную распорядительность». В 1790 году он переводится в Выборг на гребной флот и получает в свое командование галеру «Кронверк», на которой совершает плавания к берегам Швеции, а затем принимает участие в Роченсальском морском бою. «За оказанную в сражении храбрость» и «отличие в оном» мичман Д. Д. Курута производится в лейтенанты флота.

В 1791 году Курута получает назначение в рижскую флотилию, в которой около года командует плавучей батареей «Двина», накапливая ценный опыт плавания, командования парусным судном<sup>1</sup>. В 1792 году он отзывается в Санкт-Петербург и состоит при государе наследнике цесаревиче Павле Петровиче.

В 1793 году, как опытный, хорошо подготовленный, надежный офицер, отлично знающий греческий и турецкий, неплохо французский и итальянский языки, лейтенант Курута прикомандировывается к чрезвычайному и полномочному посольству и сопровождает посла генерала М. И. Голенищева-Кутузова в качестве инженерного офицера «для снятия планов и сочинения атласов от Криулена до самого Константинополя»<sup>2</sup>.

В ходе почти двухлетней командировки он зарекомендовал себя как неплохой дипломат-разведчик, подготовленный к осуществлению топографических и картографических работ. Ему удалось осуществлять снятие планов местности, проводить измерение дорог, составлять карты и планы многих географических районов, что по достоинству было оценено. «За особое искусство и радение в исполнении возложенных на него поручений» после возвращения из Оттоманской Порты, в июле 1795 года лейтенант Курута производится в чин капитан-лейтенанта и оставлен «по-прежнему при Его Императорском Высочестве»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 196; РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 1096, л. 3.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 342; Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 196.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 342; РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 5.

Однако уже в следующем году Дмитрий Курута назначается командиром фрегата «Автроил», крейсирует около шведских берегов, «содержал за Роченсальмским портом брандвахтенный пост». В 1797–1798 годах на своем фрегате осуществляет боевую подготовку, плавания в Финском заливе. Затем отзывается в Санкт-Петербург и с 1799 по 1803 год командует сперва отрядом в 10 иол, а потом и всей эскадрой в составе 30 иол (Иол — малое гребно-парусное военное судно, вооруженное одной пушкой и стрелковым оружием десанта, привлекаемое для охраны побережья, высадки десанта и др. целей. — Ю. П.), которая несла патрульную службу, охрану императорских резиденций с моря, разведку в районе своих берегов. Эскадра иол ежегодно крейсировала у Петергофа, совершала сложные эволюции и боевые упражнения; в 1799–1800 годах, непосредственно под наблюдением Павла I, участвовала в учениях и маневрах по плану императора. За успехи в руководстве эскадрой иол Дмитрий Курута награждается Павлом I: в 1799 году орденом Святой Анны 3 степени, в 1800 году орденом Святого Иоанна Иерусалимского. В этом же году ему пришлось выполнить «секретное поручение императора», провести значительные топографические и геодезические исследования и работы. Как указывают документы того периода, капитан-лейтенант Д. Д. Курута «учредил между Красною Горкою и Нарвою по берегу маяки и сигналопроизводство шарам и распределил места для телеграфов», что имело огромное значение для обеспечения безопасности Санкт-Петербурга с моря, заложило основы для создания единой государственной системы обеспечения судождения, наблюдения и связи.

С 1801 по 1803 год он постоянно состоит при цесаревиче и великом князе Константине Павловиче «для командования гребными судами»<sup>1</sup>, занимается флотскими проблемами, растет как флотский специалист.

Однако в марте 1803 года Дмитрий Курута производится в подполковники армии и Высочайшим указом назначается в свиту великого князя Константина Павловича по квартирмейстерской части<sup>2</sup>.

Так, достаточно неожиданно, в возрасте 33 лет завершается морская часть многогранной служебной карьеры Дмитрия Дмитриевича Куруты, отдавшего флоту России около 15 лет своей жизни. Во время службы на флоте он зарекомендовал себя умелым и отважным моряком, искусным командиром парусного и гребного флота, отличался храбростью в морских сражениях, выносливостью в морских походах.

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 3, 6; Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 197.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 6.

Его усилиями была создана система маяков, берегового наблюдения, связи и оповещения о всех событиях в море, вблизи наших берегов, положено начало созданию телеграфной связи столицы.

В 1805 году подполковник Курута находится вместе с Константином Павловичем в гвардейском корпусе российской армии, действовавшей в Австрии, участвует в сражении с французами при Аустерлице, где впервые отличается в сухопутном сражении и ему «за отличную храбрость и мужество» пожалован орден Святого Владимира 4 степени с бантом.

В 1806–1807 годах он участвует во всех походах и сражениях русской армии, гвардейского корпуса в Пруссии. За отличие в бою с французами под Гейльсбергом Д. Д. Курута в январе 1808 года произведен в полковники. В ноябре 1809 года полковник Курута «за выслугу 25 лет в офицерских чинах» получает орден Святого Георгия 4 класса, вскоре назначается адъютантом к цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, а несколько позже командиром Дворянского полка (по строевой части), оставаясь при этом на должности адъютанта Константина Павловича, живет в Санкт-Петербурге<sup>1</sup>.

Созданный по Высочайшему рескрипту в марте 1807 года при 2-м кадетском корпусе Волонтерский корпус для ускоренной подготовки офицеров, из числа малоимущих дворян (в возрасте от 16 лет и старше), со сроком обучения два года, в 1808 году был переименован в Дворянский полк. Данное учебное заведение подчинялось директору 2-го кадетского корпуса и имело общие администрацию, лазарет, столовую, учебно-материальную базу и единый преподавательский состав. Такое подчиненное положение Дворянского полка командованию 2-го кадетского корпуса сохранилось до 1832 года, когда Дворянский полк был полностью отделен от 2-го кадетского корпуса и стал самостоятельным военно-учебным заведением, преобразованным в 1855 году в Константиновский кадетский корпус<sup>2</sup>.

Таким образом, являясь командиром Дворянского полка (своеобразного факультета — 2-го кадетского корпуса), Дмитрий Курута вынужден был окунуться в организацию учебно-воспитательного процесса, серьезно заняться проблемами ускоренной подготовки офицерских кадров для армии, и все это накануне грозных событий 1812 года.

В новых, необычных для себя условиях полковник Курута сумел достаточно быстро разобратся в обстановке и отличил себя как

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 6; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIV. С. 424.

<sup>2</sup> Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 33.

полковой командир — начальник специфического военно-учебного заведения, как организатор учебно-воспитательного процесса. Так, участвуя в 1810 году с кадетами в практических походах, полевых занятиях под Петергофом, на которых присутствовал Александр I, он продемонстрировал отличную подготовку кадетов. За успешно проведенные Дворянским полком учения, разводы, парады полковнику Д. Д. Куруте было объявлено «высочайшее благоволение и особенная благодарность». В следующем году Д. Д. Куруте за успешно проведенные полковые учения было объявлено «Высочайшее удовольствие», а за успехи Дворянского полка «...в познании порядка военной службы» его командир награждается орденом Святой Анны 2 класса<sup>1</sup>.

Так пришло признание Дмитрия Куруты как организатора учебно-воспитательного процесса, как начальника военно-учебного заведения, приобщение боевого офицера к проблемам подготовки офицерских кадров в Санкт-Петербурге.

С началом войны 1812 года полковник Курута в действующей армии, исполняет должность обер-квартирмейстера гвардейского корпуса. Принимал активное участие в сражениях под Бородином и Красном, в которых отличил себя храбростью и распорядительностью, за что в декабре 1812 года был награжден орденом Святой Анны с алмазами и медалью за боевую кампанию 1812 года. За особые отличия в бою при Спас-Купле произведен 25 декабря 1812 года в генерал-майоры<sup>2</sup>.

Участвовал генерал Курута Д.Д. и в заграничных походах русской армии в 1813-1814 годах, исполняя должность начальника штаба при великом князе Константине Павловиче. В 1813 году он принял участие в сражениях при Люцене, Бауцене, под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. За особое отличие в управлении войсками в сражении под Кульмом Высочайше пожалован золотой шпагою с алмазами с надписью «За храбрость», за Лейпцигское сражение награжден орденом Святой Анны 1 класса. В 1814 году генерал-майор Курута участвовал в походе во Францию, хорошо проявил себя во всех сражениях, предшествующих взятию Парижа, за что награжден орденом Святой Анны 1 класса с алмазами.

За умелое руководство войсками, отличия в ходе сражений 1813–1814 годов с французами пожалован кавалером целого ряда

---

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 6; Военная галерея 1812 г. СПб., 1912. С. 129.

<sup>2</sup> Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 159; РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 6.

иностранных орденов и медалей. В 1815 году генерал-майор Курута назначается начальником Главного штаба войск, подчиненных Великому князю Константину Павловичу, а в ноябре того же года утверждается директором 2-го кадетского корпуса и шефом Дворянского полка, с оставлением в прежних должностях. Свыше 15 лет до 1831 года он официально является директором крупнейшего в России военно-учебного заведения, размещенного в Санкт-Петербурге, и несет всю полноту ответственности за его функционирование<sup>1</sup>.

Наряду с этим Д. Д. Курута, произведенный в сентябре 1816 года в генерал-лейтенанты, остается начальником Главного штаба Цесаревича Константина Павловича «...по званию главнокомандующего польскими войсками, русским гвардейским отрядом и VI (Литовским) пехотным корпусом»<sup>2</sup> и вынужден находиться в Варшаве, руководить штабом, управлять повседневной и боевой деятельностью подчиненных Константину Павловичу войск, постоянно заниматься их боевой и оперативной подготовкой, координировать их взаимодействие. Указанная организаторская, управленческая деятельность Д. Д. Куруты, отнимающая массу времени и сил, высоко оценивается Великим князем и императором Александром I. Он неоднократно награждается высшими российскими и иностранными орденами. Нет необходимости перечислять все полученные им награды, отметим лишь некоторые из них.

Так, в марте 1818 года «в признательность заслуг, оказанных в пользу польских войск...» генерал-лейтенанту Куруте пожалован польский орден Польского Белого орла; в 1820 году объявлено «Высочайшее благоволение за особое усердие и труды в содержании Варшавских военных российско-польских госпиталей...»; в октябре того же года Куруте Д. Д. «в воздаяние отличной службы...» пожалован орден Святого Александра Невского; в 1825 году «за содействие в доведении войск российской лейб-гвардии и польской армии до отличного устройства» и в «вознаграждение отлично усердной и ревностной службы...» Д. Д. Куруте пожалованы алмазные знаки ордена Святого Александра Невского; в 1826 году «за отличные услуги на пользу Отечества» вручен орден Святого Владимира I степени<sup>3</sup> и т. д.

Заслуженно награждаемый за честную и добросовестную службу России генерал Курута при всех обстоятельствах проявлял

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 17; Военная галерея 1812 г. СПб., 1912. С. 129.

<sup>2</sup> Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIV. С. 424.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 9–10.



исключительную преданность и верность членам императорской семьи, императорской фамилии. И это было особо отмечено в указе Николая I о возведении дворянина, генерал-лейтенанта Д. Д. Куруты в графское достоинство в августе 1826 года. В нем говорилось: «... в воздаяние отличных его заслуг оказанных Отечеству, Нам и любезному брату Нашему Его Императорскому Высочеству, государю Цесаревичу и Великому князю Константину Павловичу, в долговременном его при Его Высочестве служении, Всемилоостивейше пожаловали ему с нисходящим от него потомством графское Российской империи достоинство»<sup>1</sup>. Несомненно, это была высокая, заслуженная оценка многогранной деятельности Дмитрия Дмитриевича Куруты на благо государства, который 40 лет, с незначительными перерывами, практически постоянно находился при великом князе, был его учителем, авторитетным наставником, ближайшим другом, бескорыстным советчиком и помощником в служебных делах<sup>2</sup>.

Когда в ноябре 1830 года в Королевстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, генерал Д. Д. Курута сделал все, чтобы спасти жизнь великого князя, и, выполняя его волю, осуществил организованный отвод российских гвардейских частей в пределы России, с тем чтобы избежать кровопролития, массовых потерь среди гражданского населения.

Однако позже, следуя приказу императора, управлял войсками в сражениях при Вавре, Грохове и Остроленке. Направленный затем с частью российских войск в Литву, генерал Курута, соединившись с отрядами генерала барона Сакена и князя Хилкова, в ожесточеннейшем сражении под Вильно разгромил основные силы мятежных войск Гелгуда и изгнал их остатки в Пруссию, что и способствовало во многом полному подавлению восстания в октябре 1831 года, а затем и отмене Николаем I Конституции Польши, предоставленной ей в 1815 году Александром I.

Заслуженной наградой графу Д. Д. Куроте за умелое руководство войсками по разгрому мятежных сил Гелгуда, за особые «боевые отличия», как отмечалось в Высочайшем указе, был очередной чин генерала от инфантерии.

После внезапной кончины великого князя Константина Павловича в 1831 году генерал от инфантерии Д. Д. Курута подает прошение об отставке его с должности директора 2-го кадетского корпуса и, имея возраст

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 4, 20.

<sup>2</sup> Долгоруков П. Родословная книга. СПб., 1855. Ч. II. С. 302.

свыше 60 лет, постепенно отходит от активной деятельности, хотя в июне 1832 года назначается членом Военного совета и числится на службе<sup>1</sup>.

В 1836 году, в 50-летний юбилей назначения его в ближайшее окружение к членам императорской семьи, многолетнее, беззаветное служение на благо России, граф Д. Д. Курута награждается высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного<sup>2</sup>. И это была закономерная оценка служебной деятельности, славной и бескорыстной жизни грека — российского графа.

Д. Д. Курута так и не создал своей семьи, остался бездетным и всего себя, без остатка, посвятил только воинской деятельности, не имел иных интересов кроме служебных, государственных, постоянно выражая преданность императорской фамилии, своему новому Отечеству.

Около 15 лет генерал Курута официально являлся директором 2-го кадетского корпуса. Учитывая, что он наряду с этим фактически исполнял и другие весьма ответственные должности, что большую часть служебного времени проводил в Варшаве, в Польше, управление, подчиненным ему кадетским корпусом осуществлялось весьма специфично и своеобразно.

С Высочайшего дозволения, в отсутствие Д. Д. Куруты в Санкт-Петербурге корпусом повседневно, много лет руководил артиллерийский полковник А. И. Маркевич, выросший за это время в чинах до генерал-лейтенанта. Это был ученый-артиллерист, преподававший данную военную науку великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам, автор учебника «Курс артиллерийского искусства», служившего длительное время основным руководством по артиллерии в Российской армии, то есть весьма подготовленный, уважаемый и ответственный человек. Имея столь достойного заместителя, Д. Д. Курута мог особо не волноваться за положение дел во 2-м кадетском корпусе, дела в котором к тому же шли неплохо<sup>3</sup>.

Конечно, в силу сложившихся обстоятельств официальный директор явно недостаточно участвовал в повседневном управлении кадетским корпусом, не всегда вникал в тонкости и особенности учебно-воспитательного процесса, в жизнь и деятельность преподавателей и кадетов. Однако нельзя утверждать, что Курута полностью самоустранился от руководства военно-учебным заведением

<sup>1</sup> Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С. 128.

<sup>2</sup> Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIV. С. 425.

<sup>3</sup> Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 137, 140; Военная энциклопедия. СПб., 1910. Т. VII. С. 91.

и не решал важнейшие, принципиальные вопросы организации и совершенствования подготовки офицеров для Российской армии, что с ним не согласовывались главнейшие вопросы жизнедеятельности кадетского корпуса, не учитывались его мнение и позиции. Действительно, при непосредственном участии Д. Д. Куруты был решен вопрос о введении новых штатов кадетскому корпусу в 1816 году, когда число кадетов было увеличено до 700 человек. При его участии и согласии расширилась библиотека, появились новые учебные кабинеты и полигоны, был создан музей кадетского корпуса, построены каменные флигеля для корпусных педагогов, нижних чинов и служителей; увеличивалось число учебных предметов, количество педагогов и воспитателей, осуществлялись и другие изменения, идущие во благо обучаемым.

Конечно, зачастую инициатором подобных дел выступал генерал А. И. Маркевич, но его разумную инициативу Д. Д. Курута неизменно одобрял, поддерживал и помогал реализовывать, опираясь на свои высокие связи. Лишенный мелочных амбиций Д. Д. Курута не мешал работать своему заместителю, всемерно поддерживал его служебный авторитет, рост в чинах, представлял к наградам.

Завершая рассказ о служебной деятельности генерала от инфантерии графа Д. Д. Куруты, о его личном вкладе в историю Санкт-Петербурга, России, следует особо отметить его деловые, воинские и нравственные качества, способствующие успеху его служебной карьеры, блистательному взлету.

Следует подчеркнуть, что Д. Д. Курута 45 лет практически постоянно находился в самом ближайшем окружении великого князя Константина Павловича, заслужил его искреннюю любовь и полное доверие, был посвящен во многие государственные тайны.

По оценке современников, Дмитрий Курута был «ближайшим другом и самым доверенным лицом» Константина Павловича. Именно Д. Д. Курута «постоянно выступал во множестве событий жизни цесаревича», и при этом великий князь ни разу не имел повода усомниться в своем учителе и друге, в его искренности и честности, «умел ценить беззаветную преданность» Дмитрия Куруты, постоянно его возвышал, держал около себя, зная, что он всегда защитит интересы своего патрона<sup>1</sup>, не предаст.

По оценке князя Вяземского, Д. Д. Курута «...человек умный и не злой... он, вероятно, никому вреда умышленно не делал».

---

<sup>1</sup> Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. VIII. С. 613.

По воспоминаниям современников «...цесаревич называл Куруту своим учителем, иногда спрашивал его совета, а иногда ругал...»<sup>1</sup>

В многочисленных сражениях на море и на суше Дмитрий Курута неизменно демонстрировал свою исключительную храбрость и стойкость, воинскую хитрость и распорядительность, отличное знание военного и морского дела, пользовался любовью и доверием своих подчиненных, умел повести их за собой.

Небольшого роста, смуглый, с темными курчавыми волосами и тихим голосом, Курута внешне не производил большого впечатления, хотя за неказистой внешностью скрывались отвага, острый ум, целеустремленность, преданность друзьям, придворная ловкость и хитрость. Несомненно влияние Дмитрия Куруты на Константина Павловича. По мнению современников, оно было «безусловно благотворным». Только он умел лучше других сдерживать вспыльчивость, гнев великого князя, успокаивать его, гасить ярость словами: «Цейчас будет исполнено». Курута мог стойко, не смущаясь, выносить взрывы великокняжеского гнева и ярости, обычно «выражающиеся в потоке ругательств, преимущественно на греческом языке, которыми осыпал его Великий князь». Спокойно выдерживал бурю, успокаивающе влиял этим на Константина Павловича. Зато успокоившись, после подобных вспышек цесаревич был благодарен Д. Д. Куруте за его спокойствие и понимание случившегося, преданность и искренность, правдивость, и обычно прислушивался к его советам, рекомендациям и просьбам<sup>2</sup>.

Славные деяния грека, генерала Д. Д. Куруты на благо России, его воинские и человеческие качества нашли свое отражение и в графском гербе Куруты, Высочайше утвержденном Николаем I в сентябре 1827 года: «На щите, разделенном на три части, в левой верхней трети, в золотом поле, парящий вверх черный одноглавый орел, держащий в лапах крест; по второй трети, в красном поле, из облака выходящая рука облеченная в золотые латы и держащая меч вверх поднятый. В нижней части, в голубом поле, корабль с распущенными парусами и около его играющие в воде дельфины...»<sup>3</sup>

Умер генерал от инфантерии, граф Д. Д. Курута в 1838 году в возрасте 68 лет, не имея рядом родных и близких. Известно, что похоронен он в Стрельне (комплекс дворцово-парковых ансамблей XVIII —

<sup>1</sup> Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. XIV. С. 425.

<sup>2</sup> Карпович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. С. 15–18; Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. VIII. С. 613.

<sup>3</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 10961, л. 12, 13.

первой половины XIX вв., находящейся рядом с Петергофом. — Ю. П.) в Спасо-Преображенской церкви, которая, к сожалению, полностью ныне разрушена, точное место захоронения Д. Д. Куруты неизвестно и найти его невозможно... Хотя могила генерала Д. Д. Куруты утрачена, память о нем жива. Не забыты историками его славные дела на благо России, они золотыми буквами вписаны в историю XIX столетия российского государства. Сегодня любознательные, вдумчивые посетители Военной галереи 1812 года Зимнего дворца могут постоять у портрета генерала Дмитрия Куруты — героя 1812 года, полюбоваться им, задуматься о вкладе этого человека в историю России<sup>1</sup>, о славном героическом прошлом, вспомнить и прочитать известные слова стихотворения А. С. Пушкина «Полководец», которые во многом можно отнести и к личности известного военачальника, генерала от инфантерии, графа Куруты Дмитрия Дмитриевича:

У русского царя в чертогах есть палата:  
Она не золотом, не бархатом богата;  
.....  
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,  
Да лица, полные воинственной отваги.  
Толпою тесною художник поместил  
Сюда начальников народных наших сил,  
Покрытых славою чудесного похода  
И вечной памятью двенадцатого года<sup>2</sup>.

Среди них — грек, российский моряк и воин, отважный генерал Дмитрий Курута!

<sup>1</sup> Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С. 128.

<sup>2</sup> Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. С. 564.

## **ПОЛКОВНИК ЛИКУРГ КАЧИОНИ: НА СЛУЖБЕ РОССИИ, УМНОЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ФАМИЛИИ**

Национальный герой Греции, командующий легкой российской флотилией в Средиземном море (1788–1791 гг.), полковник российского флота и кавалер Ламброс Качонис (Ламбро Качони) имел трех сыновей, двое из которых были рождены в Греции, младший сын в Крыму в г. Карасубазаре в 1804 году.

Старший сын героя погиб в Греции «во время разграбления дома» Ламбро Качони турками. Средний, Ликург Ламбрович, наиболее известен. Получив в Санкт-Петербурге прекрасное образование, он продолжил славные боевые традиции семьи, в возрасте 19 лет, уже после смерти отца, он поступил в Российскую армию и отдал ей свыше 60 лет своей жизни, стал полковником, кавалером семи орденов и шести медалей, в том числе греческого ордена Спасителя<sup>1</sup>. Без сомнения, его, как и других членов фамилии, можно отнести к элите российского общества на юге империи в середине XIX столетия.

Ликург Качонис родился 4 октября 1790 года, по всей видимости на одном из островов Ионического архипелага и в четырехлетнем возрасте вместе с матерью был перевезен в Россию, в г. Херсон, а затем в Санкт-Петербург, где получил вначале неплохое домашнее образование, а потом прошел курс наук в Горном корпусе, который успешно окончил в 1809 году. 30 октября того же года Ликург Качиони поступил в лейб-гвардии Семеновский полк подпрапорщиком. Так началась его многолетняя офицерская служба. Ликург Качиони, несомненно, хотел быть достойным своего знаменитого отца, воина-патриота, как и отец, посвятить свою жизнь военной службе, защите интересов России, помощи своей угнетенной родине — Греции.

Вскоре он переводится в лейб-гвардии конно-артиллерийскую бригаду, а затем, будучи уже прапорщиком, в январе 1812 года в конно-артиллерийскую роту, в составе которой принял участие в Отечественной войне 1812 года и впервые отличился 26 октября 1812 года в бою под местечком Устичуге. Затем Ликург Качиони участвовал

---

<sup>1</sup> Исторический вестник. 1911. Окт. С. 204.

в заграничном походе русской армии 1813–1814 годов, в 1815 году находился во Франции.

За отличия в боях под Варшавой, при занятии крепости Ченстолау он награжден очередным чином подпоручика в апреле 1813 года. Находясь в составе 24-й конно-артиллерийской роты, проявил храбрость и находчивость, воинское мастерство в боях при занятии Кракова, Бунцлау, за что и получил свой первый орден Святой Анны 4 класса. Вскоре Ликург Качиони назначается адъютантом к начальнику артиллерии гренадерского корпуса генерал-майору Никитину, но и в данной должности продолжает активно участвовать в сражениях. К этому времени он уже поручик, награжден за отличия в боях при Мейсене, в генеральном сражении под Лейпцигом вторым орденом Святого Владимира 4-й степени, зарекомендовал себя как храбрый, инициативный артиллерийский офицер.

Являясь адъютантом, Ликург Качиони вновь отличается при переправе войск через Рейн, а также в многочисленных сражениях на территории Пруссии и Франции. Так, за мужество при взятии штурмом вражеских артиллерийских батарей во Франции он награждается Баварской золотой медалью, получает от императора Александра I «Высочайшее благоволение», а вскоре за новые боевые отличия орден «Святой Анны 2 класса» и прусский орден «Пурлямерита». 24 декабря 1814 года поручик Ликург Качиони получает бронзовую медаль «В память 1812 года», для дворянства, на Владимирской ленте. Кроме того, он удостоивается серебряных медалей: «В память 1812 года», «За взятие Парижа».

Суровые боевые будни, лишения походной жизни, многочисленные сражения, нервные перегрузки, видимо, самым отрицательным образом сказались на здоровье молодого офицера, он серьезно заболел. Представленные Ликургу Качиони четырехмесячные отпуска для лечения в 1814, 1815, 1816 годах результатов не дали, и Ликург Ламбрович вынужден был подать прошение об увольнении его из армии.

7 апреля 1818 года указом Александра I поручик Ликург Качиони был «уволен от службы с награждением чином штабс-капитана за болезнью»<sup>1</sup>.

Рассчитавшись в армии, он уезжает в Крым, в отцовскую деревню Александровскую, начинает заниматься сельским хозяйством, становится известным помещиком Симферопольского, а затем и Феодосийского уездов, приобретя 50 десятин земли в деревне Азберды. Интенсивное лечение, спокойная, размеренная сельская жизнь, благодатный климат

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 5.

Крыма самым благоприятным образом воздействовали на молодой организм. Ликург Ламбрович постепенно, с годами выздоравливает и возбуждает ходатайство о своем возвращении в армию, в боевой строй.

Просьба заслуженного боевого офицера была удовлетворена. Через пять лет после своего увольнения из армии он снова в воинском строю. Высочайшим указом он определен в Балаклавский греческий пехотный батальон штабс-капитаном. Энергичный, инициативный, храбрый и распорядительный офицер, отличившийся в боях с французами и их союзниками, пользовался у местных дворян и сослуживцев несомненным авторитетом и уважением. Не случайно, что именно его 1 марта 1827 года избирают предводителем дворянства Симферопольского уезда Таврической губернии, и он успешно справляется с возложенными на него дополнительными обязанностями.

В составе Балаклавского греческого пехотного батальона Ликург Ламбрович принимал активнейшее участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. За боевые заслуги и отличия в службе в 1828 году он получает чин капитана, а за мужество и храбрость, проявленные при осаде и взятии штурмом 29 сентября 1828 года крепости Варны чин майора. В Указе императора Николая I о производстве Ликурга Качони в очередной чин говорилось: «В вознаграждение отличного усердия к службе, примерной неустрашимости и ревностного исполнения возложенных поручений. Всемиловитейше пожалован в майоры»<sup>1</sup>. 25 марта 1830 года Ликург Ламбрович награжден серебряной медалью «За турецкую войну 1828–1829 гг.».

Свои высокие воинские, организаторские способности майор Ликург Качони еще раз с блеском продемонстрировал в конце 1829 года, выполняя трудные и весьма опасные обязанности командира Карантинной военной цепи, созданной во время эпидемии холеры и развернутой вокруг города-крепости Севастополя. За труды и деятельное исполнение возложенной на него обязанности майор Ликург Качони получает Высочайшее благоволение, а к ордену Святой Анны 2 класса присоединяются знаки «императорской короны». А вскоре, Высочайшим приказом Николая I, майор Ликург Ламбрович Качони назначается командиром Балаклавского греческого пехотного батальона, в командование которым он вступил 3 февраля 1831 года. Начался его почти 15-летний период руководства пограничной безопасностью южного и восточного побережья Крыма, от Севастополя до Керчи.<sup>1</sup> «За отличную и ревностную службу» в должности командира греческого

<sup>1</sup> ЗООИИД. Одесса, 1872. Т. 8. С. 219–220; 1844. Т. 1. С. 238.



батальона майор Ликург Качиони 13 декабря 1834 года производится в подполковники.

При посещении в 1837 году Крыма император Николай I особо отмечает «отличный порядок, устройство и знание службы» в Балаклавском греческом пехотном батальоне и жалует его командиру подполковнику Ликургу Ламбровичу Качиони «аренду по чину на 12 лет»<sup>1</sup>.

Еще раз показал Ликург Качиони свои высокие боевые качества, преданность России, готовность отдать за нее свою жизнь в ходе войны на Кавказе, находясь при главнокомандующем отдельным Кавказским корпусом князе М. С. Воронцове, наместнике на Кавказе с неограниченными полномочиями.

Подполковник Ликург Качиони особо отличился в 1845 году при занятии Андийских высот, а также в ходе других операций. 31 января 1846 года «в воздаяние примерного мужества и храбрости» он императорским указом произведен в очередной чин полковника, имея возраст 55 лет. В ходе названной боевой кампании он пролил свою кровь, получив 6 июля 1845 года во время одного из боев легкое ранение в лицо, однако после лечения быстро вошел в строй и продолжал боевую деятельность. Император Николай I по докладам наместника на Кавказе князя М. С. Воронцова высоко оценивал боевую деятельность Ликурга Качиони и «повелеть соизволил во уважение усердной и ревностной службы Качиони и заслуг, оказанных на Кавказе...» не препятствовать «к получению наград и преимуществ».

18 августа 1847 года, приказом Николая I полковник Л. Л. Качиони, несмотря на пенсионный возраст, назначается инспектором Керченского центрального карантина, оставаясь числиться в кавалерии. В 57 лет начинается совершенно новый этап в его службе России, принесший ему огромное уважение, известность среди купцов, моряков и рыбаков, жителей Керчи, населения Крыма и Тамани. В 1851 году за 25-летнюю выслугу в офицерских чинах Высочайшим указом полковник Ликург Ламбрович Качиони награжден орденом «Святого Георгия 4 степени».

В Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 годов, находясь в достаточно почтенном возрасте, Ликург Ламбрович в боях не участвовал, отсутствовал в Керчи и в период ее оккупации англо-французско-турецкими войсками.

---

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 41.

Однако после заключения мира активно включился в работу по очистке Керченского полуострова, Керчь-Еникальского градоначальства от последствий происходивших здесь боевых действий, по восстановлению разрушенного и разграбленного города и порта, помещений карантинной службы. «За отличное усердие и неутомимые труды при распоряжениях и действиях по очистке Керчь-Еникальского градоначальства», а по сути за недопущение эпидемий, полковник Качиони награждается орденом Владимира 3-й степени. Решением местных властей он был введен в состав строительного комитета, назначен членом керченского Комитета «о приведении в известность потерь и об оказании пособий жителям Керчь-Еникальского градоначальства». На последней должности Ликург Ламбрович проявлял исключительную принципиальность и честность, постоянную заботу о людях, понесших огромные потери в ходе войны. Своей порядочностью и вниманием к людям грек-полковник заслужил высокий авторитет, стал весьма известным и почитаемым человеком не только в Керчи, но и в Крыму. Этому, несомненно, способствовали также его деятельность в ранге помощника председателя Керченского статистического комитета, действительного члена Императорского общества сельского хозяйства Южной России<sup>1</sup>.

И на все у него хватало сил и энергии. Его весьма заметная общественная и служебная деятельность, боевые заслуги, забота и внимание к греческим переселенцам, представителям греческого народа в Крыму были замечены и высоко оценены общественностью Греции, и не случайно, что 16 сентября 1858 года полковник Ликург Качиони, своими деяниями прославивший греческую нацию, был награжден королем Греции орденом Спасителя. Так его далекая Родина отметила несомненные заслуги своего славного сына перед Грецией — полковника России.

12 ноября 1858 года по Всеподданейшему докладу императору Александру II «...благоугодно было Всемиловитейше разрешить» полковнику Ликургу Ламбровичу Качони «...принять и носить означенный орден...»

В июне 1862 года «за непрерывную и беспорочную выслугу по карантинному ведомству в 10 лет» Ликург Ламбрович получает свою очередную награду. На этот раз двухгодовой оклад жалованья.

Удивительно, но, посвятив свою долгую жизнь военной службе России, полковник Ликург Качиони лишь 20 марта 1857 года стал

---

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2393, л. 1–21; д. 2411, л. 39–54.

российско-подданным, дав соответственное «клятвенное обещание на подданство», в котором, в частности, заявил: «Я, полковник Ликург Ламбров сын Качони, бывший греческий подданный...» «...хочу верным, добрым, послушным и вечно подданным с моею фамилиею быть...»<sup>1</sup> Являвшийся потомственным дворянином, Ликург Качиони был утвержден в российском дворянском достоинстве указом Правительствующего Сената по департаменту Герольдии 20 августа 1858 года. Ликург Ламбрович скончался и похоронен в г. Керчи в 1863 году, в возрасте 73 лет, в славе и почете, окруженный родными и близкими ему людьми.

Будучи женатым человеком, хорошим семьянином, заботливым отцом, Ликург Ламбрович имел трех сыновей и четырех дочерей, немало внуков и внучек, и тем дал свою мощную ветвь греческой фамилии Качонисов в России. Дети и внуки Ликурга Качиони честно служили своей новой Родине, среди них было немало известных, заслуженных людей. Так, например, наверняка порадовали бы своего деда внуки Ламброса Качониса. Старший сын — Александр Ликургович (1822—1870) — внук героя-моряка — свыше 14 лет отдал армии, дослужился до чина майора, в 1851 году уволился со «службы по домашним обстоятельствам», затем трудился в должности феодосийского земского исправника, был известным и уважаемым в городе человеком, затем переехал в Таганрог, где и скончался в 1870 году в достаточно молодом возрасте. Второй сын Ликурга, Николай Ликургович Качиони, был известным офицером Таврической бригады пограничной стражи, кавалером двух боевых орденов, бронзовой медали в память войны 1853—1856 годов на Андреевской ленте. В августе 1871 года «за отличную усердную службу» ему было «Всемилоостивейше пожаловано единовременно 350 рублей»<sup>2</sup>.

В 1869 году старший сын полковника Ликурга Ламбровича, проживавший в городе Таганроге, преподнес в дар королю Греции Георгу I боевое оружие своего легендарного деда Ламброса Качониса: мушкет, пику, ятаган, кинжал и саблю. Король передал эти драгоценные реликвии борьбы за национальную независимость Греции на вечное хранение в Национальный музей при Афинском университете и специальным посланием через греческих дипломатов поблагодарил внука героя-моряка, майора в отставке Александра Ликурговича Качони за столь щедрый и дорогой для греческого народа дар.

<sup>1</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 2, 37.

<sup>2</sup> РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2411, л. 57.

Один из наиболее известных правнуков Ламбро Качони — Спиридон Александрович Качиони — родился в Крыму в 1858 году, в г. Феодосия. Проживал в основном в Карасубазаре.

В марте 1893 года Спиридон Александрович Качиони, «...жительствующий в городе Карасубазаре Таврической губернии» обратился в соответствующие государственные органы с просьбой. «Прошу, — писал он, — ...утвердить меня в дворянском звании, внося в родословную книгу дворянства Таврической губернии... выдать свидетельство о дворянском происхождении». Данная, вполне обоснованная и законная просьба была удовлетворена указом правительствующего Сената по департаменту герольдии установленным порядком.

Спиридон Качиони окончил Симферопольскую гимназию, юридический факультет Санкт-Петербургского университета, куда поступил в 1878 году. Со временем стал достаточно крупным чиновником судебного ведомства, статским советником (гражданский чин по Табелю о рангах между полковником и генерал-майором. — Ю. П.), в процессе службы был членом различных судов, в том числе Астраханского уездного суда. После революции 1917 года бывший статский советник, юрист Спиридон Александрович Качиони во время гражданской войны служил помощником начальника компасного отделения в Главном гидрографическом управлении Рабоче-Крестьянского Красного флота, затем с конца августа 1919 года юрисконсультом районного управления водного транспорта в г. Рыбинске<sup>1</sup>.

Однако прославился он и вошел в историю не как чиновник, а как известный русский писатель начала XX века, прозаик, сатирик, журналист, автор многих литературных произведений и книг, среди которых, хотелось бы выделить его исторический очерк о собственном прадеде, легендарном Ламбросе Качонисе «Пират-витязь», судебно-бытовые очерки «Силуэты прошлого», а также познавательную книгу в «Дебрях Крыма», которая до сих пор пользуется спросом у читателей. И многие другие художественные произведения начала XX столетия, вошедшие в сокровищницу русской литературы. В Санкт-Петербурге в 1914 году вышел, например, 1 том собраний сочинений С. А. Качиони «Райские ягоды и другие рассказы». Неслучайно поэтому писатель Спиридон Александрович Качиони не забыт. За свои литературные труды и достижения он заслуженно внесен в библиографический словарь «Русские

---

<sup>1</sup> Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в российской империи на 1906 г. СПб., Ч. 2. С. 675; РГА ВМФ, ф. Р-180, оп. 1, д. 12, л. 141.

писатели 1800–1917 годы» Будучи свояком художника, академика живописи И. К. Айвазовского (женаты на родных сестрах), Спиридон Качиони был тесно связан с известным маринистом «узами взаимной приязни и дружбы», опубликовал о нем ряд глубоких биографических статей «Профессор живописи И. К. Айвазовский», «И. К. Айвазовский» и другие. Общался и дружил со многими художниками и литераторами России, например, с академиком живописи, пейзажистом Г. П. Кондратенко и др. Был достаточно известен и популярен в среде российской интеллигенции. Умер в Ленинграде не ранее 1931 года (точная дата пока не установлена).

Старший сын Спиридона Качиони праправнук Ламброса Качониса, Сергей Спиридонович Качиони также писатель, работавший в советское время. Автор охотничьих и рыболовецких очерков и рассказов, ему же принадлежит, иногда приписываемый его отцу Спиридону Качиони, очерк «Из жизни И. К. Айвазовского» и некоторые другие произведения.

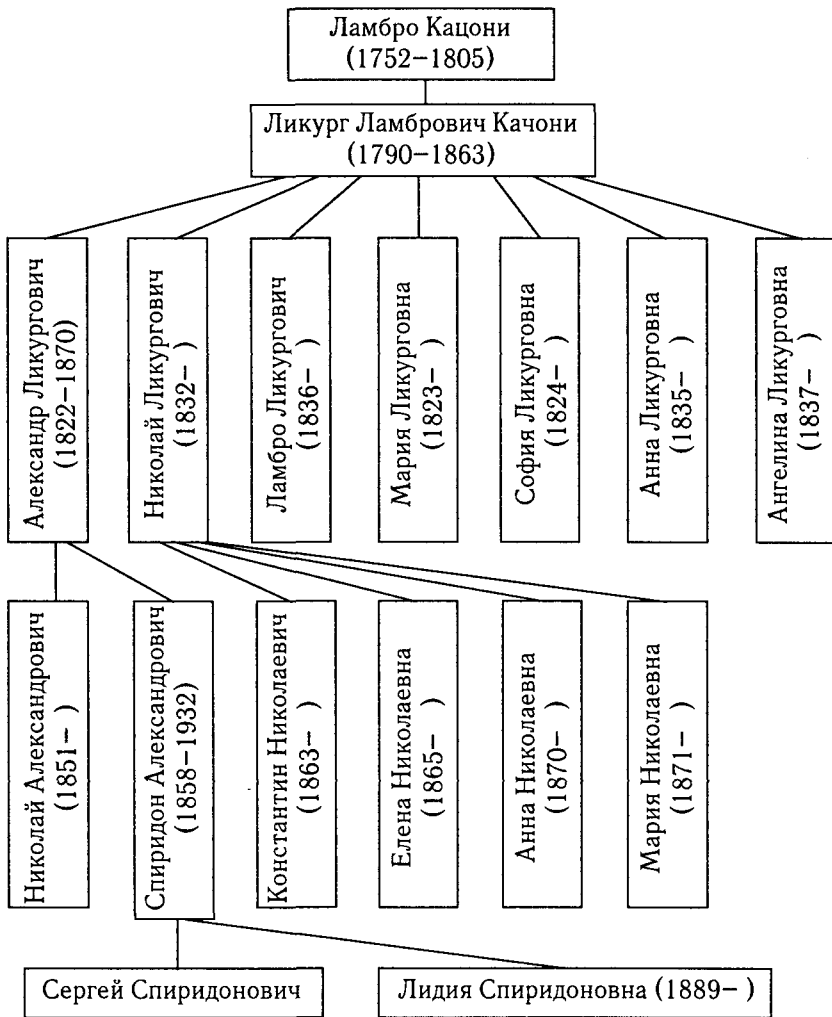
Как показывает исследование, накануне I мировой войны продолжали мужскую линию фамилии Ламброса Качониса в России правнук Спиридон Александрович Качиони и три праправнука греческого национального героя. Дальнейшая судьба представителей данной фамилии неизвестна, требуются дополнительные научные исследования.

Следует особо отметить, что около 100 лет верой и правдой служили России, вошли в историю XVIII и XIX веков греки-полковники, отец и сын Ламбро и Ликург Качиони, российские дворяне, российско-подданные, кавалеры многих российских орденов. К сожалению, их славные дела, их имена практически забыты, могилы утрачены, и лишь архивные документы, немногие литературные источники могут рассказать о них. И все же память о них вечна! Они остались в исторической памяти народов Греции и России<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Приложение — 1 лист

## ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ПОТОМКОВ  
ЛИКУРГА КАЦИНИ В РОССИИ<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Схема составлена Ю. Д. Пряхиным на основе архивных документов: Российский государ. истор. архив (РГИА), фонд 1343, оп. 23, д. 2393, л. 1–34; д. 2411, л. 39–57; д. 2412, л. 1–6; д. 2392, л. 1–3.

# БРАТЬЯ МАНГАНАРИ В ИСТОРИИ ГИДРОГРАФИИ, МОРЕПЛАВАНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА

## ЧАСТЬ 1

Заметный вклад в историю гидрографии и картографии, навигации, Черноморского военного флота, в развитие Юга Российской империи в XIX века, несомненно, внесли братья Егор, Иван и Михаил Манганари. Все трое, став генералами и адмиралами, посвятили свою жизнь России, ее флоту<sup>1</sup>.

Отец братьев, глава многочисленной и дружной семьи Павел Манганари родился в 1759 году на о. Хиос Греческого архипелага, в богатой, известной дворянской семье. Как следует из документов, род Манганари «происходит из древней, благородной, первенствующей греческой фамилии острова Хио...»<sup>2</sup>. Семья владела «знатным недвижимым имуществом». Имел земли, сады и виноградники и Павел Манганари. Он принимал активное участие в национально-освободительной борьбе против османского ига, выделялся в своей среде как особо «отличившийся единоверными своими заслугами к Отечеству»<sup>3</sup>, за что был подвергнут преследованиям со стороны турецких властей. В конце XVIII столетия Павел Манганари вынужден был бежать с семьей в Россию в г. Николаев, где нашел надежное пристанище. Здесь он получил землю, построил большой каменный дом, принял присягу на российское подданство. Чина не имел, на государственной службе не состоял. До конца жизни проживал в Николаеве, где растил и воспитывал трех сыновей и трех дочерей, бережно сохраняя греческий язык, обычаи, национальные традиции, семейный уклад своего древнего рода.

В 1815 году после рассмотрения представленных документов было официально подтверждено получение наследственного российского дворянства «греческой нации Павлу Михайловичу Манганари и его

---

<sup>1</sup> Русские мореплаватели. М.: Воениздат, 1953. С. 527, 528; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 157.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 25, 26.

<sup>3</sup> Там же. Л. 29, 37.

детям...»<sup>1</sup> Своим сыновьям он сумел дать хорошее домашнее образование, но главное, воспитал их трудолюбивыми, ответственными, честными и порядочными людьми, что послужило основой для достижения ими успеха в жизни и незаурядной военно-морской карьеры.

Примером для младших братьев был старший Егор. Он первым избрал для себя в жизни морскую стезю, столь близкую и понятную греческому сердцу, отвечавшую фамильным традициям и взглядам. По его стопам впоследствии пошли младшие братья Иван и Михаил, добившиеся на этом нелегком поприще, как и старший брат, весьма заметных успехов, славы, признания и глубокой благодарности своей новой Родины. Благодаря своим трудам их имена по праву вошли в историю Российского государства XIX столетия.

Егор Павлович Манганари (1796–1859) начал свою военноморскую службу 30 апреля 1809 года будучи зачислен учеником Черноморского штурманского училища в Николаеве. В 1815 году он становится гардемаринном, а в 1816 году, после годичного практического плавания на кораблях Черноморского флота — мичманом флота и остается в плавсоставе.

Во время ежегодных плаваний на кораблях флота с 1816 по 1824 год молодой офицер, став со временем командиром бригантин «Волга», позже — группы канонерских лодок в Днестровском лимане, затем действующей в составе Дунайской флотилии при Измаиле<sup>2</sup>, получил богатейший практический опыт руководства людьми, командования морскими судами, досконально узнал морской театр: восточную часть Черного моря, Днепровского и Днестровского лиманов, Дунайский гирл и другие районы, что во многом предопределило успех его последующей деятельности.

В 1825 году, став уже лейтенантом, командиром брига «Николай», Егор Манганари по указанию флотского командования приступил к подробному описанию Днепровского лимана и р. Буг. Так начал он заниматься гидрографией, ставшей затем главным делом всей его жизни<sup>3</sup>.

С работой в Днепровском лимане и на р. Буг Е. П. Манганари справился быстро, чем сразу же обратил на себя внимание как способный и перспективный моряк-гидрограф. Не случайно последующие 10 лет его службы были посвящены гидрографическим исследованиям, в ходе которых он приобрел необходимые знания и богатый практический опыт и стал одним из самых грамотных специалистов-гидрографов на флоте.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 37, 48.

<sup>2</sup> Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 158.

<sup>3</sup> Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 472–473.



С 1826 по 1836 год Егор Павлович, командуя бригам «Николай», а затем яхтой «Голубка», производил детальные гидрографические исследования Азовского и Черного морей<sup>1</sup>, причем самыми современными для того времени, надежными и точными методами. Располагая лишь одним кораблем и несколькими шлюпками, ограниченным количеством подготовленных офицеров и матросов, руководитель экспедиции сумел так организовать работы, что они проходили с опережением графика, хотя это требовало от всех участников экспедиции напряжения сил. Все материалы исследований тщательно обрабатывались и при необходимости перепроверялись.

Следует подчеркнуть, что высокая точность исследований и исключительная профессиональная, научная добросовестность работы экспедиций, возглавляемых Егором Павловичем, многократно подтверждались при последующих изучениях Азовско-Черноморского бассейна с помощью более точных, современных, в том числе и космических, методов<sup>2</sup>.

Были у Е. П. Манганари и боевые заслуги. Он принимал непосредственное участие в русско-турецких войнах 1811 и 1828–1829 годов. Удалось проявить ему командирские качества, показать уровень боевой подготовки своего корабля и позже, в 1833–1834 годах, участвуя в боевых операциях на Кавказе, за отличия в которых капитан-лейтенант Егор Манганари был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени<sup>3</sup>.

К этому времени он уже являлся кавалером двух орденов, полученных за особые заслуги в области гидрографических исследований на Черном и Азовском морях.

Исключительная важность гидрографических работ для Черноморского флота, выполняемых под руководством Е. П. Манганари, объясняется тем, что российским морякам приходилось в основном пользоваться картами, составленными в свое время иностранцами, причем многие берега и географические объекты Азовского и Черного морей были нанесены на них с ошибками, порой в несколько миль. Это не способствовало должной надежности и безопасности мореплавания, приводило к кораблекрушениям, а иногда и к гибели людей, кораблей, грузов. Требовались надежные морские карты, составленные точными

---

<sup>1</sup> РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2181. Л. 1–11; Общий морской список. СПб., 1893. Т. VII. С. 473.

<sup>2</sup> Записки по гидрографии. Л., 1991. № 225. С. 65, 66.

<sup>3</sup> РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3287. Л. 1–15; Д. 2474. Л. 453; Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 38. С. 526.

методами, в соответствии с последними достижениями гидрографической науки. Вот почему экспедиция Е. П. Манганари была постоянно в поле зрения командования Черноморского флота, Морского министерства, а его труды заслуженно получили высокую государственную оценку, поддержку и понимание и Высочайше одобрялись. В 1827 году Е. П. Манганари был вручен орден Св. Анны 2-й степени, а в 1829 году он награждается орденом Св. Владимира 4-й степени, в 1832 г. «за опись Азовского и Черного морей» поощряется денежной премией в 750 рублей. Позднее, в 1835 г., за опись турецких берегов Черного моря, большую работу по подготовке к изданию частных карт турецкого побережья, султан вручил ему бриллиантовый орден Турции Нишан-Ифтихар. Это было международным признанием выдающихся заслуг Е. П. Манганари в области гидрографических исследований<sup>1</sup>.

В 1837 году Е. П. Манганари, уже в чине подполковника корпуса флотских штурманов, возглавляет все гидрографические работы, проводившиеся в Черном море, Днепровском лимане, на реках Буг и Дунай<sup>2</sup>. Тогда же он приступил к подготовке издания атласа морских карт Черного моря, уже выпустив в 1836 г. новую генеральную карту Азовского и Черного морей, что явилось значительным научным событием в отечественной и мировой картографии и с огромным удовлетворением было встречено моряками-практиками военного и торгового флотов России.

Получив некоторый опыт участия в картографических работах, Егор Манганари решает создать на основе материалов своих многолетних исследований современный атлас морских карт Азовского и Черного морей. Для этого ему пришлось приложить значительные усилия, которые увенчались успехом, а выход в свет главного труда всей своей жизни сделал его всемирно известным гидрографом и картографом. Для ускорения работ по выпуску атласа главный командир Черноморского флота и портов, выдающийся мореплаватель и исследователь адмирал М. П. Лазарев добился разрешения гравировать карты в Гидрографическом департаменте Морского министерства в Санкт-Петербурге, для чего был привлечен и руководитель гидрографических исследований. В 1840 году Егор Манганари, уже став капитаном 1 ранга, направился в столицу в Гидрографический департамент, где три года участвовал в картографических работах. Подготовка атласа к изданию оказалась непростым делом. Так, например, литографии видов Черноморских берегов,

<sup>1</sup> РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3288. Л. 2–13; Общий морской список. СПб., 1813. Т. VII. С. 473; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 157.

<sup>2</sup> РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2218. Л. 23; Д. 3289. Л. 148.

выполненных академиком живописи А. Кухаревским для атласа, пришлось заказывать в Англии, имевшей опыт подобных работ.

Издавались же Атласы в Гидрографическом депо Николаева. Первые его экземпляры были выпущены в 1841–1842 годах, за что Е. П. Манганари был Высочайше награжден бриллиантовым перстнем. Завершилось издание в 1844 году, о чем адмирал М. П. Лазарев официально доложил в Санкт-Петербург. Один экземпляр Атласа Азовского и Черного морей вскоре был направлен в подарок турецкому султану<sup>1</sup>, что тот воспринял с немалым удивлением и благодарностью.

Е. П. Манганари был счастлив и горд: «Атлас Черного моря» состоял из 28 точнейших, прекрасно исполненных частных морских карт Азовского и Черного морей, на которых были показаны береговая линия с прибрежным рельефом местности, населенные пункты, береговые ориентиры и маяки, реки, нанесены глубины, изобаты, указаны донные грунты, морские течения и другие сведения, необходимые судоводителям. Это был весомый вклад в мировую гидрографию и картографию, прекрасный подарок военным и торговым морякам, во многом обеспечивающий навигационную безопасность плавания а Азовско-Черноморском морском бассейне<sup>2</sup>.

Содержал атлас также 17 листов прекрасно исполненных литографий с видами берегов, наиболее характерных ориентиров и мысов. Несомненно, это был серьезный научный успех российской гидрографии и картографии, личный триумф талантливому моряку и гидрографу Егору Павловичу Манганари, поставивший его в один ряд с выдающимися гидрографами мира. Следует особо отметить, что составленные Егором Павловичем Манганари морские карта и планы, естественно, со временем в чем-то устаревали и поэтому подвергались критике, некоторым уточнениям, изменениям, однако в целом они прошли суровую проверку временем и оставались до начала XX века основными надежными навигационными пособиями для судоводителей. Им пользовалось не одно поколение моряков, искренне благодарных их составителю<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Записки по гидрографии. Л., 1991. № 225. С. 65, 66; Гидрография Черноморского флота. (1696–1982). Севастополь: Изд. ГС. ЧФ, 1984. С. 215, 220; Картографическое производство ВМФ: Истор. Очерк. Л., 1977. С. 54, 56, 7; Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 474; РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2217. Л. 23, 24.

<sup>2</sup> Атлас Черного моря. Николаев, 1842. 45 л.

<sup>3</sup> Записки по гидрографии. Л., 1991. № 225. С. 66; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 157; Морской сборник. 1857. Т. 4. С. 106–117.

Вся последующая служба Е. П. Манганари теснейшим образом была связана с мореплаванием, гидрографией и навигацией. В 1846–1848 годах, являясь командиром фрегата «Агатополь», он плавает по Черному морю, продолжает свои научные изыскания, затем командует Дунайской флотилией. В 1849 году, будучи командиром 43-го флотского экипажа, производится в генерал-майоры Корпуса флотских штурманов и назначается директором черноморских маяков. В этой должности Е. П. Манганари трудится до 1856 года, много делает для надежного навигационного обеспечения мореплавания, боевых действий Черноморского флота в ходе Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов.<sup>1</sup> Так, под его непосредственным руководством был разработан научно обоснованный проект «Положения о черноморских и азовских маяках и их штатах»<sup>2</sup>, который после утверждения министром способствовал созданию четкой системы размещения и функционирования маяков, регламентировал порядок круглосуточной деятельности этих важнейших для безопасного судовождения дневных и ночных ориентиров, которые позволяли морякам точно определять свое местоположение и в море, и вблизи берегов.

По рекомендациям и под научным руководством Е. П. Манганари в 50-е годы XIX столетия продолжались дальнейшие гидрографические исследования Черного и Азовского морей, были построены у Очакова створные полумаяки, проведена реконструкция многих технически устаревших маяков и других средств навигационного оборудования. Генерал-майор Е. П. Манганари много и плодотворно сотрудничал с новым изданием по кораблевождению: «Известия о переменах по лоции», которые начали выходить с 1839 года в Санкт-Петербурге. Подобная работа в интересах флота не прекращалась им до последних дней жизни<sup>3</sup>; что, несомненно, способствовало обеспечению надежности мореплавания в Черноморском и Азовском бассейнах.

В июне 1857 года, прослужив на Черноморском флоте без малого 50 лет, Е. П. Манганари увольняется со службы по состоянию здоровья, которое оказалось серьезно подорвано годами суровой корабельной службы, тяготами морской походной жизни, изнурительных гидрографических исследований.

---

<sup>1</sup> Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1849 г. СПб., 1849. Ч. 1. С. 142.

<sup>2</sup> РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5117. Л. 27; Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 240.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 30; РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5470. Л. 486; Д. 5477. Л. 23; Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., 1856. Ч. 1. С. 149.

Умер Е. П. Манганари в славе и почете, окруженный близкими и любимыми им людьми, в 1859 году. Похоронен в Николаеве, рядом со своими родителями<sup>1</sup>. Имя его навечно осталось в истории мировой гидрографии и картографии, Черноморского военного флота, в благодарной памяти современников и потомков, многих поколений моряков.

Менее известно имя Ивана Павловича Манганари (1802–1863) — среднего из братьев. Этот генерал-майор, опытнейший моряк, умелый и активный флотский администратор, который ряд лет управлял одним из крупнейших портов Северного Причерноморья Херсоном, внес заметный вклад в укрепление и развитие Черноморского флота и его портов. Его более чем 40-летняя служба на Черноморском флоте неоднократно положительно отмечалась, в том числе и несколькими высочайшими наградами. Он во многом способствовал решению различных задач, поставленных перед флотом.

Иван Павлович родился в 1802 года. Он был младше Егора на шесть лет и во всем подражал старшему брату, как затем и младший брат Михаил. Влияние Егора Павловича Манганари на младших братьев было заметным и во многом предопределило их жизненные интересы и устремления, дальнейшую судьбу. Как и старший брат, младшие посвятили свою жизнь Черноморскому флоту, честному и добросовестному служению Отечеству.

1 октября 1815 года Иван Павлович был произведен в гардемарины. С 1816 по 1822 год ежегодно участвовал в учебно-боевых плаваниях на кораблях Черноморского флота. В феврале 1818 года его производят в мичманы. С 1822 по 1825 год служит на Дунайской флотилии, где в 1824 году становится лейтенантом и переводится на корабельный флот<sup>2</sup>. Здесь он проходит службу сперва на фрегате «Евстафий», затем на линейном корабле «Чесма», на котором в 1829 году принимает участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в частности во взятии городов Инады и Мидии, а также в перевозке десантных войск из Румынии в Черноморские порты<sup>3</sup>.

С 1830 по 1839 год Иван Манганари — участник многих морских кампаний, крейсерства у восточных берегов Черного моря, сперва на транспорте «Кит», а затем на корабле «Чесма», фрегате «Анна». «За отличия» при решении задач, поставленных данным кораблям, в 1834 году его производят в капитан-лейтенанты. С 1840 по 1848 год Иван

<sup>1</sup> Большая энциклопедия. СПб., 1909. Т. 12. С. 586; Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 474; Гидрография ЧФ. Севастополь, 1984. С. 349.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 3, 4.

<sup>3</sup> Там же. Л. 5, 6; РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2303. Л. 69; Д. 2315. Л. 294; Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 474.

Павлович командует военным парусным транспортом «Березань», показывает себя как исключительно грамотный моряк, надежный и ответственный командир корабля, который под его руководством безаварийно осуществлял в сложных условиях перевозку войск, военных грузов, продовольствия и обмундирования для армии на Кавказе. За умелое командование судном, отличное выполнение задач, поставленных командованием, И. П. Манганари в 1843 г. производят в капитаны 2-го ранга, а в следующем году награждают орденом Св. Станислава 3-й степени. В Высочайшем указе от 27 декабря 1844 года о награждении было сказано: «В воздаяние отлично-усердной службы Вашей, начальством засвидетельствованной»<sup>1</sup>.

Столь же высокой оценки И. П. Манганари удостоился и в Указе Николая I от января 1847 года, в котором говорилось: «В воздаяние крестной службы Вашей, продолженной 25 лет от получении первого обер-офицерского чина безупречно, Всемилостивейше пожаловали Мы Вас в 1-й день января 1847 года Кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени»<sup>2</sup>.

В том же году Ивана Павловича Манганари производят в капитаны 1-го ранга и вскоре назначают управляющим Херсонским портом «с состоянием по адмиралтейству». В этой должности И. П. Манганари весьма продуктивно трудился около восьми лет, много сделал для развития, расширения, реконструкции этого важного порта Северного Причерноморья, крупного центра судостроения и судоремонта. Он приложил немало усилий для увеличения его грузооборота, четкости и быстроты обработки прибывавших судов и грузов, обеспечению их сохранности, улучшению работы судостроительных и судоремонтных предприятий<sup>3</sup>. Все это способствовало развитию региона, инфраструктуры города-порта.

В 1855 году Ивана Манганари назначают командиром 15-го рабочего экипажа Черноморского флота. В ноябре 1857 года ему присваивают звание генерал-майора с увольнением по болезни от службы<sup>4</sup>. Так завершилась более чем 40-летняя служба в Черноморском флоте незаурядного человека Ивана Павловича Манганари.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 12.

<sup>2</sup> Там же. Л. 13; Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 475.

<sup>3</sup> Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1849. СПб., 1849. С. 140; РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 3-10.

<sup>4</sup> Записки по гидрографии. Л., 1991. № 225. С. 67.

## ЧАСТЬ 2

Младший из братьев Манганари адмирал Михаил Павлович Манганари (1804–1887) — одна из весьма ярких личностей в славной истории России XIX века, Черноморского флота, которому он отдал около 70 лет своей жизни. Трудно переоценить заслуги этого талантливого человека, всемирно известного гидрографа и картографа, опытного моряка, видного военно-морского деятеля государственного масштаба<sup>1</sup>. Личный вклад Михаила Павловича Манганари во всемирную гидрографию и картографию, в развитие Черноморского флота, в морскую историю XIX века исключителен, об этом единодушно говорили его современники. Время не смогло изменить этой оценки. Военно-морская служба для Михаила Павловича Манганари, решившего пойти по стопам своего старшего брата Егора, началась 8 сентября 1815 года, когда он поступил гардемаринном на службу в Черноморский флот<sup>2</sup>. Становление молодого моряка проходило на кораблях Черноморского флота в ходе ежегодных учебно-боевых плаваний с 1815 по 1827 год.

В 1821 году Михаила Павловича Манганари, получившего глубокие морские знания и накопившего основательный практический опыт корабельной службы, после успешной сдачи установленных экзаменов производят в офицеры с присвоением чина мичмана<sup>3</sup>. После этого он продолжил службу в плавсоставе, и в 1828 года его повышают в чине — он становится лейтенантом. На фрегате «Рафаил», затем на корабле «Пимен» Михаила Павлович принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в ходе которой он отличился, проявив воинское мастерство. Так, находясь на фрегате «Рафаил» в отряде контр-адмирала Мессера, Михаил Павлович Манганари в июле 1828 года принял участие в уничтожении вражеских кораблей под Варной. В ходе сражения действовал отважно, был ранен в грудь. За боевые отличия его наградили орденом Св. Георгия 4-го класса<sup>4</sup>.

После выздоровления он участвовал в осаде Варны, в крейсерстве у Анатолийских берегов. Вновь отличился во время морского сражения под Пендераклией при сожжении турецких линейного корабля и корвета. За боевые заслуги в 1829 году награжден вторым орденом — Св. Владимира 4-й степени с бантом<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 531. Ч. 2. Л. 429; Общий морской список. — СПб., 1893. Ч. VII. С. 475–477.

<sup>2</sup> Там же; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 157.

<sup>3</sup> Там же; РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 34.

<sup>4</sup> Там же; Ф. 406. Оп. 3. Д. 531. Л. 429; Ф. 243. Оп. 1. Д. 2250. Л. 248.

<sup>5</sup> Там же. Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 475.

В 1829 году по окончании войны Михаил Павлович вместе со своим старшим братом капитан-лейтенантом Егором Павловичем на яхте «Голубка» предпринял «опись Румелийского берега»<sup>1</sup>. С 1830 по 1835 год Михаил Манганари по-прежнему на яхте «Голубка» участвует в гидрографических работах, сперва при «описи берегов от Очакова до крепости Кюстенжи», затем Азовского моря. За исключительную добросовестность и старание при проведении указанных исследований в 1832 году его награждают полугодовым окладом.

В 1836 году, став опытным моряком-гидрографом, Михаил Павлович сменяет своего старшего брата на посту руководителя гидрографической экспедиции, командира яхты «Голубка» и теперь уже самостоятельно продолжает гидрографические работы. За этот труд в 1837 году он был произведен в капитан-лейтенанты. Затем вплоть до 1843 года, став командиром парохода «Колхида», шхуны «Забияка», он продолжает интенсивные гидрографические исследования берегов Азовского моря, выполняет опись берегов Абхазии. Полученные данные Егор Манганари использовал при издании частных карт «Атласа Черного моря».

За отличия в гидрографических исследованиях Михаила Манганари в 1842 году награждают орденом Св. Станислава 2-й степени<sup>2</sup>. Главный командир Черноморского флота и портов, известный флотоводец, мореплаватель и ученый адмирал М. П. Лазарев, уделявший самое пристальное внимание гидрографическим работам, картографированию и изданию лоции Черного моря, высоко ценил молодого гидрографа, всемерно поддерживал его. Когда же по предложению адмирала М. П. Лазарева было заключено межправительственное соглашение между Россией и Турцией о всестороннем гидрографическом исследовании Мраморного моря и проливной зоны, с использованием современных методов и способов исследований, выбор адмирала пал на М. П. Манганари. Ему и было поручено возглавить специально созданную экспедицию для проведения указанных работ. Столь высокое доверие было оказано молодому офицеру, поскольку тот показал высокие профессиональные знания и проявил умение в проведении подобных исследований, а также необходимые для столь ответственного

<sup>1</sup> Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2415. Л. 13; Русские мореплаватели. М.: Воениздат, 1853. С. 528.

<sup>2</sup> Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1840. СПб., 1840. Ч. 1. С. 142; РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 34; Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 476; Морской сборник. 1857. Т. II. С. 17–18.



мероприятия дипломатические способности<sup>1</sup>. Как показало время, адмирал М. П. Лазарев не ошибся в своем выборе: М. П. Манганари полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды, выполнив в 1845–1848 годах с высочайшим качеством при помощи ряда турецких специалистов-гидрографов запланированные исследования. В работах экспедиции участвовали корвет «Гюль-сефит» и шхуна «Мистика», а также другие суда. Под руководством Михаила Манганари, ставшего в 1846 году капитаном 2-го ранга, постоянно трудились 14 офицеров, в том числе 11 российских и 3 турецких. Напряженнейшие работы прекращались только зимой. Исследовательские суда возвращались в Константинополь на ремонт, для пополнения запасов и отдыха экипажей, а деятельность экспедиций продолжалась: велись обработка и анализ полученных материалов исследований<sup>2</sup>.

Как подтвердилось впоследствии, все измерения были выполнены с высокой точностью и достоверностью, на хорошем для своего времени научном уровне. В сравнительно короткий срок были осуществлены значительные по своему объему исследования: произведены съемка и опись всего побережья и островов Мраморного моря, проливной зоны, в 12 точках измерены большие глубины, определена высота крупных гор, собраны все необходимые данные для составления лоции бассейна, осуществлены зарисовки маяков, берегов, наиболее характерных ориентиров, мысов, различных береговых объектов. Это позволило Михаилу Павловичу уже через два года после завершения экспедиции в 1850 году издать в Николаеве подробную лоцию Мраморного моря<sup>3</sup>. За столь успешное проведение гидрографических исследований М. П. Манганари производят в 1849 году в капитаны 1-го ранга, награждают орденом Св. Анны 2-й степени и вскоре командируют в Санкт-Петербург, в Гидрографический департамент Морского министерства «для наблюдения за изданием морских карт Мраморного моря» и Черноморских проливов. Здесь он успешно трудится свыше четырех лет совместно с опытнейшими специалистами-картографами и в 1853 году, накануне Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов, завершает

<sup>1</sup> Записки по гидрографии. Л., 1991. № 225. С. 67; Морской сборник. СПб., 1857. № 7–8. С. 13–19.

<sup>2</sup> РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 531. Ч. 2. Л. 432–439; Записки по гидрографии. Л., 1991. № 225. С. 67.

<sup>3</sup> Там же; *Манганари. М.* Лоция Мраморного моря. Николаев, 1850; РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1310. Л. 34, 35.

издание полного комплекта морских карт этого стратегически важно-го морского региона<sup>1</sup>.

Вскоре Михаил Манганари возвращается в Николаев и возглавляет Черноморскую штурманскую роту (так называлось тогда Штурманское училище. — Ю. П.), руководит всеми гидрографическими работами на Черном море как полковник Корпуса флотских штурманов<sup>2</sup>.

В 1856 году М. П. Манганари производят в генерал-майоры. Он по-прежнему возглавляет Черноморскую штурманскую роту и становится управляющим корпуса флотских штурманов, где проявляет новые грани своего организаторского таланта. Исключительное трудолюбие, умение руководить людьми, решать масштабные служебные задачи — все это позволяет ему успешно продвигаться по службе, занимать все более высокие и ответственные посты на Черноморском флоте. В 1859 году М. П. Манганари присваивают чин контр-адмирала, в 1862 году награждают орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами.

С 1863 по 1873 год он успешно исполняет сперва должность командира Севастопольского порта, а затем главного командира Николаевского порта. В этот период М. П. Манганари много делает для восстановления разрушенного войной Севастопольского порта, а затем расширения Николаевского порта, возрождения флота, строительства новой базы Черноморского флота на восточном берегу Черного моря<sup>3</sup>. Его старания, инициатива не остались незамеченными: в 1864 году его производят в вице-адмиралы, еще через два года награждают орденом Св. Станислава 1-й степени и Крестом за службу на Кавказе, в 1871 году удостоивают ордена Св. Анны 1-й степени. Авторитет этого военно-морского деятеля становится общепризнанным.

Начинается новый, важный этап его жизни и военно-морской службы: в 1873–1875 годах он успешно исполняет должность Главного командира Черноморского флота и портов; в 1876 году становится адмиралом<sup>4</sup>. В эти и все последующие годы адмирал М. П. Манганари занимается строительством современного флота, его перевооружением,

<sup>1</sup> Русские мореплаватели. М.: Воениздат, 1953. С. 528; РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 531. Л. 429–439.

<sup>2</sup> Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 476, 477.

<sup>3</sup> Там же. Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1856 г. СПб., Ч. VII. С. 149, 152; РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 531. Л. 429, 436.

<sup>4</sup> Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1881 г. СПб., Ч. 1. С. 324, 326; Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 477.

реконструкцией и строительством военных портов, повышением боевой готовности Черноморского флота<sup>1</sup>.

В 1879 году его труд был отмечен орденом Св. Владимира 2-й степени, а в 1881 году вновь назначают его уже Главным командиром Черноморского флота и портов. В 1882 году следует новое высокое назначение — высочайшим указом адмирал М. П. Манганари утверждается членом Адмиралтейств-совета, награждается орденом Белого Орла<sup>2</sup>.

По мере сил он принимает участие в реорганизации, строительстве Российского военно-морского флота, укреплении морской мощи державы, в формировании и реализации новой кораблестроительной программы, нацеленной на создание парового флота, отвечающего последним достижениям науки и техники. И в том, что Россия к началу XX столетия имела могучий современный флот, была и заслуга военного моряка, опытного военного деятеля адмирала Михаила Павловича Манганари. Так, адмирал М. П. Манганари в указанный период являлся неперенным участником Особого совещания, обсуждавшего «проект укрепления военного флота России», «экстраординарных расходов ... для завершения оборонительных мер на Черном море»; доклад Управляющего Морским министерством адмирала И. А. Шестакова «О мерах по усилению флота России», докладной записки контрадмирала П. М. Чихачева Александру III «О состоянии русского флота и необходимости увеличения ассигнований на его строительство»<sup>3</sup>. Плодотворная деятельность М. П. Манганари в интересах отечественного флота вновь получает высокую оценку: его награждают орденом Св. Александра Невского, производят в генерал-адъютанты, принимает император, он становится близок ко двору.

Михаил Павлович Манганари отдал флоту России около 70 лет. Он провел в море на кораблях 203 месяца и 25 дней участвовал в 33 морских компаниях, награжден за выдающиеся заслуги перед государством и флотом 11 орденами и многими другими наградами. Результаты его исследований, использованные при составлении точнейших морских карт, лоций и других навигационных пособий, надежно служили многим поколениям российских и зарубежных моряков, стали значительным явлением в науке XIX столетия. Однако столь неординарная

<sup>1</sup> РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 7743. Л. 1, 47; Д. 7402. Л. 70, 84.

<sup>2</sup> Большая Энциклопедия. СПб., 1909. Т. 12. С. 586; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 157.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 264. Л. 1–12; Ф. 1263. Оп. 4. Д. 22. Л. 2–14; Ф. 565.

карьера обрывается 7 февраля 1887 г. На 83-м году жизни адмирала М. П. Манганари не стало. С воинскими почестями при значительном стечении народа его торжественно похоронили в родном Николаеве<sup>1</sup>.

Говоря о роли грека адмирала М. П. Манганари в истории Российского флота, нельзя не сказать о его научных трудах, которые с интересом воспринимались моряками многих поколений, специалистами-штурманами, гидрографами. Среди этих работ следует отметить статью в сборнике «Собрание записок адмиралов Манганари, Чихачева, Попова, Перелешина, Шестакова, Бутакова I, Андреева по вопросам кораблестроения» (СПб., 1888); Лоцию Мраморного моря (Николаев, 1850); «Съемка Мраморного моря. 1845–1848 годы» (СПб., 1853); «Усовершенствованный протрактор» (Николаев, 1851); статьи в «Записках Гидрографического департамента», в «Морском сборнике» и др. Следует подчеркнуть высокие нравственные и деловые качества адмирала М. П. Манганари, которые отмечали его сослуживцы.

По свидетельствам современников, это был редкой души, обаятельный, исключительно добрый и отзывчивый человек, постоянно помогавший благотворительным обществам. Бедные и обездоленные люди, обращавшиеся к нему, всегда находили помощь и поддержку. Умирая, он все свое состояние оставил благотворительным организациям и учреждениям Николаева, завещав употребить его на помощь «своим бедным, большим и немощным землякам, инвалидам прошлых войн».

В память об этом замечательном человеке, пользовавшемся искренним уважением и любовью сослуживцев, земляков, жителей Севастополя, Херсона и особенно Николаева, об одном из лучших российских гидрографов, известном адмирале Михаиле Павловиче Манганари один из центральных парков Николаева был официально назван Манганариевским сквером<sup>2</sup>. Фамилия замечательных гидрографов братьев Манганари есть и на современных морских картах Черного моря. Так, один из мысов в Крыму, в районе Севастополя, между бухтами Казачья и Камышовая, носит наименование «мыс Манганари»<sup>3</sup>. Несомненно, греки братья Манганари были яркими, неординарными личностями, неоценим вклад данных моряков и гидрографов в развитие

<sup>1</sup> Общий морской список. СПб., 1893. Ч. VII. С. 477; Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 25. С. 585.

<sup>2</sup> Некролог адмирала М. П. Манганари / Кронштадтский вестник. 1887. № 17; Военная энциклопедия. СПб., 1914, Т. XV. С. 157; Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 25. С. 585.

<sup>3</sup> Записки по гидрографии. Л., 1991. № 225. С. 65.

Черноморского военного флота XIX столетия, и их имена должны находиться в общем ряду известных и почитаемых людей России. Цель этих заметок вернуть их имена из забвения, ибо именно благодаря таким людям, как братья Манганари, развивалась наука, множилась боевая слава флота Российского. Такими сынами Отечества, отдавшими всю свою жизнь флоту, по праву должны гордиться потомки, Греция и Россия.

В заключение следует сказать, что на Черноморском флоте в XIX в. служило и следующее поколение фамилии Манганари: это сыновья Егора — Павел Егорович и Даниил Егорович Манганари, сын Ивана — Николай Иванович Манганари<sup>1</sup>. Так, Павел Егорович Манганари, будучи гардемаринном в 1836–1837 годах прошел замечательную школу под руководством своего дяди Михаила Павловича Манганари на яхте «Голубка», участвовал в описи Черного и Азовского морей. Став в 1839 году мичманом, на шхуне «Снег» осуществлял гидрографические исследования финляндских шхер на Балтийском море, проявил при этом высокие деловые качества, прекрасные способности, но простудился и серьезно заболел. Срочно переведенный в 1840 году на Черноморский флот Павел Егорович Манганари, несмотря на все усилия врачей, скончался в июне 1841 года. Так трагически закончилась жизнь молодого, подававшего серьезные надежды талантливому флотского офицера — мичмана Павла Егоровича Манганари<sup>2</sup>. Десять лет, с 1850 по 1860 год, прослужил на линейном корабле «Ягудиил», затем на винтовой шхуне «Новороссийск», а позднее в Николаевском порту Даниил Егорович Манганари<sup>3</sup>. Заметный след оставил в истории Черноморского флота капитан-лейтенант Николай Иванович Манганари. Он с успехом прослужил четыре года на Балтийском и свыше 16 лет на Черноморском флотах. Отличился в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 годов; с 23 декабря по 26 мая 1855 года отважно сражался с врагом в числе героических защитников Севастополя на 3-м бастионе оборонительных укреплений славного города. Был серьезно ранен в правую руку. За боевые заслуги в период обороны Севастополя был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами, а также серебряной медалью на Георгиевской ленте «В память знаменитой и славной обороны Севастополя»<sup>4</sup>. К сожалению, ранняя, неоправданная смерть в 1865 году прервала жизнь этого подающего серьезные надежды флотского офицера.

<sup>1</sup> Общий морской список. СПб., 1898. Ч. X. С. 630–632.

<sup>2</sup> РГА ВМФ. Общий морской список. СПб., 1898. Ч. X. С. 632.

<sup>3</sup> Там же. С. 630.

<sup>4</sup> РГА ВМФ. Общий морской список. СПб., 1898. Ч. X. С. 631; Царский памятник Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С. 61.

## НАВАРИНО В ИСТОРИИ ГРЕЦИИ, В ПАМЯТИ НАРОДОВ

Есть исторические события, которые не стираются в памяти народной, над которыми время не властно. К таким событиям, несомненно, относится Наваринское морское сражение, 180-летие которого было торжественно и с уважением отмечено в октябре 2007 г. в Греции и России.

Действительно, данное военно-морское историческое событие, имевшее межгосударственные последствия в Европе, сыграло особую роль в истории борьбы греков за свою независимость. Именно во многом благодаря полному разгрому турецко-египетского флота в Наваринском морском сражении 8 (20) октября 1827 г. были серьезно ослаблены морские силы Турции, что резко изменило общую военно-политическую обстановку в регионе, способствовало боевым успехам в национально-освободительной борьбе греческого народа, а позже в успешной блокаде Дарданелл, облегчило действие Черноморского флота в развязанной Турцией в декабре 1827 года войне, завершившейся тяжелым поражением Османской Порты<sup>1</sup>.

Турецкая империя была серьезно ослаблена и вынуждена пойти на значительные политические и территориальные уступки. Известный греческий историк Я. Кордатос, анализируя сложившуюся ситуацию, писал: «Без русской победы Греция не стала бы независимой...» Эти слова были вполне обоснованными. По условиям статьи 10-й Адрианопольского мирного договора Турция полностью признавала положения Лондонской конвенции 1827 года, что означало для Греции получение автономии, конец многовекового рабства, по сути — обретение политической самостоятельности, хотя и в рамках Турецкой империи.

Оценивая военно-политические итоги этой войны, император Николай I называл Адрианопольский мир «...самым славным из всех когда-либо заключенных»<sup>2</sup>.

Вскоре 3 февраля 1830 года после активных дипломатических переговоров, торгов, взаимных уступок и согласований был подписан

---

<sup>1</sup> Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 264; Лазарев М. П. Документы. М., 1952. Т. 1. С. 354.

<sup>2</sup> Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 171.

Россией, Великобританией и Францией Лондонский протокол 1830 года, которым признавались полная государственная независимость Греции и ее право избирать себе короля. Так, свыше 175 лет назад Греция, наконец, стала конституционной монархией, вошла в состав европейских государств. Независимость ее была гарантирована державами, подписавшими этот протокол.

Обозревая минувшее, можно с полной уверенностью утверждать, что важнейшим шагом к реальному освобождению христианских народов Балканского полуострова от османского ига явилось Наваринское сражение, историческое значение которого трудно переоценить. И это подтверждено всем ходом дальнейшей мировой истории.

В мировую военно-морскую историю Наваринское сражение вошло как первое совместное, четко скоординированное действие эскадр союзников — трех крупнейших морских держав своего времени — под общим командованием старшего по чину английского вице-адмирала Э. Кодрингтона, завершившееся полным боевым успехом. А история военно-морского искусства пополнилась фактами исключительного героизма и мужества, примерами умелых и отважных действий командиров кораблей и их славных экипажей. В исторической памяти россиян сохранились подвиги кораблей российской эскадры, находившихся в центре общих боевых порядков и принявших поэтому на себя главную тяжесть ожесточеннейшего сражения. Вот что сообщал Николаю I адмирал Л. П. Гейден вскоре после сражения: «...Не нахожу достаточно выражений, дабы изъяснить Вашему Величеству храбрость, присутствие духа и усердие капитанов, офицеров и нижних чинов, оказанных ими во время кровопролитнейшего сего сражения: они дрались, как львы, против многочисленного, сильного и упорного неприятеля... К сожалению, должен присовокупить, что корабли «Азов», «Гангут» и «Иезекиль» повреждены чрезвычайно...» (Действительно, например, в корпусе «Азова» оказалось 153 пробоины, из которых 7 подводные). Незабываемы подвиги экипажа флагманского корабля россиян «Азов», под искусным руководством его командира — капитана 1 ранга М. П. Лазарева, уничтожившего три фрегата, корвет и 80-пушечный корабль, а также потопившего совместно с линейным кораблем англичан «Азия» флагманский корабль египетского флота. Указом от 17 декабря 1827 года Николая I (который так напутствовал эскадру, уходящую в дальний поход, навстречу морским сражениям: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем порусски!») корабль «Азов» впервые в истории флота России был награжден кормовым Георгиевским флагом — «в честь достохвальных деяний

начальников, мужества и неустранимости офицеров и храбрости нижних чинов»<sup>1</sup>.

В ходе Наваринского сражения прошли испытание боем офицеры «Азова» лейтенант П. С. Нахимов, мичман В. А. Корнилов, гардемарин В. И. Истомина — будущие прославленные адмиралы русского флота, герои обороны Севастополя, отличившиеся храбростью, превосходной военно-морской выучкой, спокойствием и распорядительностью в жестоком бою. П. С. Нахимова наградили орденом Св. Георгия 4-го класса, присвоили ему очередной чин капитан-лейтенанта и назначили командиром плененного в бою корвета, получившего символическое название «Наварин», которым он успешно командовал в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 годов<sup>2</sup>.

Народы и России и Греции не забыли славное Наваринское сражение. Свидетельство тому — награда Греции «Орден Спасителя». В самом названии его содержится оценка заслуг награждаемых. Еще в 1830 году президент Греции И. А. Каподистрия в своем письме вице-адмиралу Л. П. Гейдену писал: «Нация поспешила через своих уполномоченных выразить желание увековечить память стольких подвигов и объявить свою благодарность. Национальное собрание в Аргосе решило воздвигнуть памятник и учредить орден Спасителя, дав мне право поднести Вам знаки его первой степени...»<sup>3</sup>

Сегодня на главной площади г. Пилос (Наварино) возвышается монумент трем союзным адмиралам, воздвигнутый в начале XX столетия. Под барельефными изображениями — фамилии адмиралов Кодрингтона, де Реньи, Гейдена, а под каждым именем — фраза: «Благодарная Греция. 1827–1927». Заслуги героических адмиралов здесь помнят, поэтому у подножия памятника всегда живые цветы. Местные жители и туристы, посещающие греческий островок Сфактерия (Сфагия), скорбно склоняют головы перед большим монументом флотской славы. Здесь же в 45-ю годовщину Наваринского сражения на средства российских военных моряков был установлен памятник погибшим русским морякам (в сражении 59 человек было убито и 141 ранен).

В центре скромного комплекса на постаменте установлена мраморная доска, на которой выбита надпись: «Памяти павших в Наваринском сражении 8 (20) октября 1827 года и погребенных поблизости.

<sup>1</sup> Флот Российской империи. СПб., 1996. С. 146–151; Морские сражения русского флота. М.: Воениздат, 1994. С. 272–291.

<sup>2</sup> История Отечества. М.: Аст-пресс, 2000. С. 425.

<sup>3</sup> Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1896. С. 111–112.



Поставлен в 1827 году начальником отряда свиты Его Императорского Величества контр-адмиралом И. Бутаковым, командирами, офицерами и командой клипера “Жемчуг”. Вокруг памятной доски моряки посадили молодые кипарисы, возвели деревянную решетку, замененную в 1889 году на металлическую командой канонерской лодки «Черноморец». Мраморная плита с надписью и кипарисы сохранились до наших дней.

Этот мемориал посещают экипажи российских военных кораблей во время своих визитов в страну, отдавая дань памяти погибшим. Они ремонтируют комплекс, оплачивают труд местных жителей по уходу за ним. Рядом с памятником возведена церковь Вознесения Господня, где проводятся богослужения, молятся за души погибших. В 1960 году рядом с мраморной плитой была установлена стела, на которой изображение якоря и герба Советского Союза. Надпись на ней гласит, что стела установлена «... в честь русских моряков, героически погибших в Наваринском сражении»<sup>1</sup>.

Ученые, архивисты начали восстанавливать список имен погибших в сражении и умерших от ран моряков (достоверно установлены имена лишь 38 павших), чтобы установить памятную плиту с их перечислением на о. Сфактерия. Думается, это — необходимая дань памяти потомков. Хочется надеяться, что о. Сфактерия будут и впредь посещать российские военные корабли, а их команды поклоняться погибшим россиянам, участникам знаменитого морского сражения. Несомненно, это будет пробуждать у них историческую память, гордость за свое Отечество и его военно-морской флот, уважение к подвигам героических предков, всемерно способствовать патриотическому воспитанию современного поколения военных моряков России.

Наваринское сражение как важное военно-морское историческое событие остается в памяти не только российского и греческого, но и английского, и французского народов. Все новые поколения людей с интересом вглядываются в сложную и противоречивую историю своих государств и народов, стараются на примере этого события познать и понять их, учесть полезный и отрицательный исторический опыт, чтобы не повторять прежних исторических ошибок и уверенно идти в будущее.

---

<sup>1</sup> Флот Российской империи. СПб.: АО «Славия», 1996. С. 150.; Русские и советские моряки на Средиземном море. М.: Воениздат, 1976. С. 100–108.

## **СЛАВНАЯ ДАТА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРЕЦИИ**

3 февраля 2005 года исполнилось 175 лет государственной, национальной независимости современной Греции. Именно в этот незабываемый и знаменательный для греческого народа день, 175 лет тому назад представители России, Великобритании, Франции подписали Лондонский протокол 1830 года, провозгласивший Грецию независимой конституционной монархией.

Так для греческой нации закончилось почти 400-летнее турецкое иго, завершилась упорная борьба греков за свою свободу, государственную независимость. Именно Лондонский протокол 1830 года официально зафиксировал победные итоги многовековой борьбы, греческого народа и ее завершающего этапа — греческой национально-освободительной революции 1821–1829 годов, предопределил дальнейшее урегулирование греческого вопроса, общественно-государственное, национальное развитие Греции как самостоятельного независимого государства Европы.

Несомненно, определяющую роль в судьбе Греции сыграла внешняя политика России, особенно во второй половине XVIII — начале XIX века, поддерживавшая освободительную борьбу народа-единоверца а также в целом согласованные политические и военные действия ряда европейских держав — России, Великобритании, Франции в конце 20-х годов XIX столетия и, главное, реальные боевые успехи российской армии и флота в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, завершившейся победоносным Адрианопольским миром. Оценивая военно-политические итоги данной войны, император Николай I вполне обоснованно считал Адрианопольский мир «...самым славным из всех когда-либо заключенных»<sup>1</sup>. Указанная оценка была полностью подтверждена всем ходом дальнейших исторических событий, самим существованием современной Греции.

Вместе с тем есть необходимость хотя бы кратко напомнить основные этапы греческой национально-освободительной революции 1821–1829 годов, завершившейся освобождением от османского ига; оценить объем, характер и содержание дипломатической и военной помощи восставшей Греции со

---

<sup>1</sup> Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. I. С. 171.

стороны России и других союзных ей в тот период государств, боевые успехи Российской армии и флота на суше и на море, приведшие к поражению турок, к Адрианопольскому миру и вскоре к Лондонскому протоколу 1830 года. В марте 1821 года руководитель греческой революционной организации «Филики Этерии», генерал-майор русской армии, активный участник Отечественной войны 1812 года Александр Ипсиланти, сформировав повстанческую армию, поднял в Молдове вооруженное восстание против турок, ставшее началом греческой национально-освободительной революции 1821–1829 годов, охватившей вскоре всю континентальную Грецию и острова Архипелага. Уже к концу 1821 года в руках восставших оказалась почти вся территория страны. Созванное в январе 1822 г. Национальное собрание провозгласило независимость Греции, был принят Эпидаврский органический статут 1822 года (конституция нового государства).

Оттоманская Порта обрушила на греков жестокие репрессии, стремилась вооруженным путем подавить восстание. Воспользовавшись обострением противоречий между движущими силами революции, приведшими к гражданской войне (1823–1824 и 1824–1825 гг.), ослаблением единства, сил греческих патриотов, Турция в союзе с Египтом, высадив в феврале 1825 года десант, развернули крупномасштабные боевые действия, овладели Мореей и другими районами страны. Через некоторое время положение греков стало критическим.

В этих условиях, всемерно усиливая помощь и поддержку грекам, русское правительство берет курс на соглашение с Англией и Францией, стремящимися укрепить свои позиции на Балканах и опасавшихся усиления влияния России в этом регионе. В апреле 1826 года в Петербурге Россия и Великобритания подписали соглашение по греческому вопросу (Петербургский протокол 1826 года). Вскоре к нему присоединилась Франция<sup>1</sup>. 24 июня (6 июля) названные державы подписали Лондонскую конвенцию 1827 года, предусматривающую согласованные действия союзников против Оттоманской Порты с целью принудить ее прекратить войну против Греции, предоставить ей автономию на условиях выплаты султану ежегодной дани. Однако турецкое правительство полностью отвергло условия Лондонской конвенции 1827 года.

В Средиземное море были направлены английская, французская и русская эскадры. Напутствуя на рейде Кронштадта экипажи кораблей объединения адмирала Д. Н. Сенявина, идущих к берегам Англии (значительная часть которых затем продолжит свое движение в Средиземное

---

<sup>1</sup> История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. С. 540; Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2. С. 158.

море под командованием контр-адмирала Л. П. Гейдена), император Николай I заявил, обращаясь к морякам: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски!»

Союзные эскадры прибыли к берегам Греции и 1 октября 1827 года соединились у острова Закинф (Занте). К этому времени многочисленные турецко-египетские войска и объединенный флот, игнорируя Лондонскую конвенцию, продолжали активные боевые действия и захватили уже почти всю территорию Греции, чиня бесчеловечные расправы с населением. Остался без ответа и ультиматум трех союзных адмиралов командующему турецко-египетскими войсками и флотом Ибрахим-паше о немедленном прекращении военных действий против Греции<sup>1</sup>.

Разгром 8 (20) октября 1827 года в Наваринском морском сражении турецко-египетского флота значительно ослабил морские силы Турции, что, несомненно, резко изменило обстановку, вновь способствовало появлению боевых успехов в национально-освободительной борьбе греческого народа, позже — успешной блокаде Дарданелл, серьезно облегчила действия Черноморского флота в развязанной Турцией в декабре 1827 года Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. В ходе ее Великобритания и Франция, до этого всячески подстрекавшие Турцию к войне с Россией, вынуждены были все же соблюдать нейтралитет, придерживаться пунктов «Протокола о бескорыстии», подписанного в декабре 1827 года по инициативе России<sup>2</sup>.

О двойственности политики Англии в греческом вопросе говорят, например, следующие факты: в своей тронной речи английский король назвал разгром турецко-египетского флота в Наваринском сражении досадной случайностью, а действия командующего английской эскадрой вице-адмирала Кодрингтона, руководившего союзным флотом, излишне поспешными и политически вредными. Более того, будучи вынужденным наградить Кодрингтона орденом, король Георг IV на полях наградного приказа начертал: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки»<sup>3</sup>.

Считая Россию главной виновницей греческой национально-освободительной революции и разгрома ее флота в Наваринской бухте Оттоманская Порта в декабре 1827 года, в одностороннем порядке официально объявила о расторжении всех ранее заключенных с Россией договоров и призвала всех мусульман к «священной войне». Судходство по Босфору и Дарданеллам для российских судов было запрещено, они

<sup>1</sup> Русские и советские моряки на Средиземном море. М.: Воениздат, 1976. С. 103–104.

<sup>2</sup> Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2. С. 158.

<sup>3</sup> Вопросы истории. 1947. № 12. С. 60.

задерживались, а грузы конфисковывались. Российские подданные арестовывались, бросались в тюрьмы.

Только 14 апреля 1828 года Россия вынужденно объявила Турции войну и затем, активизируя боевые действия, стремилась скорее принудить Турцию к миру. В ходе ожесточенных боев русские воины форсировали Дунай, подошли к Балканам, на Кавказе взяли Каре и Эрзурум, а затем вышли и к Трапезунду (Трабзону). Совместно с сухопутными войсками активно действовал в войне Черноморский флот, приняв участие в штурме и захвате Анапы в июне 1828 года, во взятии крепости-порта Варны в сентябре того же года.

Отличился флот и при блокаде, штурме многих других приморских турецких крепостей в боевой кампании 1829 года, например, таких как Сизополь, Ахиолло, Мидия и др.<sup>1</sup>

В ходе этой войны отряд кораблей контр-адмирала П. И. Рикорда Средиземноморской эскадры, под общим руководством героя Наварина вице-адмирала Л. П. Гейдена, осуществлял плотную блокаду Дарданелл, а Черноморский флот, под командованием главного командира Черноморского флота и портов адмирала А. С. Грейга блокировал Босфор, что практически прервало турецкое судоходство через проливы<sup>2</sup>.

Об особой роли российского флота в борьбе за освобождение Греции можно судить, например, из высокой оценки действий Средиземноморской эскадры, данной летом 1830 года, в письме греческого президента графа И. А. Каподистрии вице-адмиралу Л. П. Гейдену, в котором он выразил глубокую благодарность русским морякам и лично главнокомандующему российским флотом в Средиземном море «За услуги, оказанные Греции»<sup>3</sup>. В 1829 году русская армия под руководством генерала от инфантерии графа И. И. Дибича несколькими колоннами перешла через Балканы и, преодолевая упорное сопротивление турецких войск, соединилась в районе древней столицы османов Адрианополя, который был сдан деморализованными турками без боя. Одерживая одну победу за другой, русские войска вышли на ближайшие подступы к столице Османской империи. До Константинополя оставалось не более 60 км.

Успехи российского оружия поднимали боевой дух греков, способствовали активизации их освободительной борьбы. По всей Греции вновь вспыхнули многочисленные вооруженные восстания. Уже к лету

---

<sup>1</sup> *Кротков А.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. С. 56–59.

<sup>2</sup> *Лазарев М. П.* Документы. М.: Военмориздат, 1952. Т. 1. С. 354.

<sup>3</sup> Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1896. С. 111–112.

1829 года турки, ведя борьбу на многих фронтах, потерпели ряд серьезных поражений и от повстанческих войск греков. К осени вся греческая территория до линии Арта — Волос была очищена от турок<sup>1</sup>.

Победоносное движение российских войск, угроза потерять столицу и Черноморские проливы побудили султана Махмуда II внять новым советам Англии и Франции, встревоженных военными успехами России, усилением ее авторитета и влияния на Балканах, вступить в немедленные переговоры о мире, которые вскоре и завершились Адрианопольским трактатом.

Генерал И. И. Дибич, возглавивший сухопутные войска, а затем и мирные переговоры получил чин фельдмаршала, титул «Забалканского», осыпан и другими щедрыми наградами Николая I.

Несомненно, энергичные и весьма эффективные действия Российского флота во многом способствовали успеху наступательных действий сухопутных войск, взятию приморских турецких портов и крепостей, разгрому турок, успехам освободительной борьбы греков, сравнительно скорому завершению войны.

Необходимо особо отметить, что в составе сражающихся воинских частей и кораблей было немало российских офицеров, греков по происхождению, среди них имелись даже адмиралы и генералы. Греки — военнотружущие русской армии и флота, наряду с россиянами, отважно и умело боролись с врагом как на суше, так и на море и тем активно помогали своей исторической Родине, своему угнетенному народу в борьбе за национальное освобождение.

Так, например, 17 августа 1828 года во взятии крепости Инады участвовал отряд кораблей Черноморского флота под командованием капитана I ранга Николая Критского, грека, выпускника Корпуса чужестранных единоверцев, награжденного за покорение Инады орденом Св. Владимира III степени, за участие во взятии Варны золотой саблей «За храбрость»<sup>2</sup>.

16 февраля 1829 года особо отличился отряд кораблей под командованием контр-адмирала Михаила Кумани, грека по происхождению, взявший крепость и город Сизаполь. Командир отряда, уже награжденный золотой саблей «За храбрость», получает Высочайшую признательность и орден Св. Анны I степени с императорской короной<sup>3</sup>.

3 мая 1829 года на Дунае при осаде и взятии крепости Силистрик активно действовала гребная флотилия, руководимая контр-адмиралом Константином Патаниоти, за отличия произведенного в вице-адмиралы<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Русские и советские моряки в Средиземном море. М.: Воениздат, 1976. С. 112.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 1105; Общий морской список. 1890. Ч. I. С. 154.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 25, л. 769; Общий морской список. 1890. Ч. IV. С. 184.

<sup>4</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 2, л. 298; Общий морской список. 1890. Ч. I. С. 298.

На фрегате «Рафаил», а затем на линейном корабле «Пимен» принял самое активное участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов лейтенант Михаил Манганари, будущий адмирал — Главный командир ЧФ и портов, член Адмиралтейств-совета, в ходе которой серьезно отличился, проявил высокие боевые качества, воинское мастерство, храбрость в сражениях. Так, на фрегате «Рафаил» Михаил Манганари принял участие в уничтожении турецких кораблей под Варной, в ходе боя действовал отважно, был ранен пулею в грудь. За боевые отличия был награжден орденом Святого Георгия 4-го класса<sup>1</sup>.

Участвовал, после выздоровления, в осаде Варны, в крейсерстве у Анатолийских берегов. Особо отличился во время морского сражения под Пендераклией, при сожжении турецких линейного корабля и корвета, за что в 1829 году получил свой второй орден Святого Владимира 4-й степени с бантом<sup>2</sup>.

Прекрасно зарекомендовали себя, серьезно отличились во время боевых действий на море в ходе войны 1828–1829 годов, при взятии приморских турецких крепостей и портов, блокаде Босфора командиры многих российских кораблей, в числе которых были и греки, это — командиры линейных кораблей: «Париж» — капитан 1-го ранга Дмитрий Бальзам, «Императрица Мария» — капитан 2-го ранга Григорий Папахристо, «Иоанн Златоуст» — капитан 1-го ранга Егор Папаегоров, «Скорый» — капитан 2-го ранга Стамати Михайли; командиры фрегат: «Флора» — капитан 2-го ранга Христофор Метакса, «Генедос» — капитан 2-го ранга Семен Антипа<sup>3</sup> и некоторые другие командиры различных боевых кораблей Черноморского флота, имена которых, к глубокому сожалению, практически забыты в России и на их исторической Родине — в Греции, хотя их славные дела, победы остались в истории Российского флота, зафиксированы во многих документах Российского государственного архива ВМФ, ждут своих исследователей, общественного признания.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать следующие обобщения и выводы:

- Важнейшим шагом к реальному освобождению христианских народов Балканского полуострова от османского ига явилось

---

<sup>1</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 531, л. 429.

<sup>2</sup> РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 2250, л. 248; Общий морской список. 1893. Ч. VII. С. 475.

<sup>3</sup> РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 59, л. 421; д. 3, л. 89; д. 2, л. 1283; Общий морской список. 1892. Ч. VI. Т. 1. С. 304; Морские сражения русского флота. М.: Воениздат, С. 204, 309.

Наваринское морское сражение 1827 года, ознаменовавшее не только разгром Средиземноморского флота Турции и Египта, серьезное ослабление морских сил Османской Порты, но и несомненный подрыв основ империи, падение ее престижа на международной арене, новую активизацию национально-освободительной борьбы народа Греции;

- Подписанный по итогам войны 1828–1829 годов Адрианопольский мирный договор имел исключительно важное, определяющее значение для исторических судеб ряда стран Европы, их дальнейшего развития, что неоднократно подтверждалось в течение более 175 лет, минувших со дня его подписания;

- По Адрианопольскому трактату, к России отошли: устье Дуная с островами, Кавказское побережье Черного моря, от устья реки Кубань до северной границы Аджарии, с рядом турецких крепостей на восточном берегу Черного моря. Турция признала присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии, Гурии, ханств Эриванского и Нахичеванского, перешедших от Ирана, а также обязались уплатить России контрибуцию, предоставлять русским и другим иностранным купеческим судам право свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Русским подданным обеспечивалась полная свобода торговли во всех турецких владениях и право свободного плавания коммерческого флота по Черному и Средиземному морям;

- Отдельным актом данного договора было определено, что впредь Молдавия и Валахия представляют собой лишь вассальные княжества Турции с собственным управлением (т. е. получили автономию), но были обязаны выплачивать дань Османской Порте. Границей была установлена река Дунай;

- Порта обязалась возвратить Сербии шесть округов, ранее от нее отторгнутых. Христианскому населению Сербии обеспечивались: свобода вероисповедания, независимое управление (т. е. автономия), безопасность личности, свобода торговли;

- По условиям статьи 10 Адрианопольского трактата Османская Порта полностью признала, наконец, положения Лондонской конвенции 1827 года, что означало для Греции получение автономии, конец многовекового рабства, по сути, обретение политической самостоятельности, но в рамках турецкой империи.

Таким образом, Османская Порта, потерпев тяжелое поражение в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, была серьезно ослаблена, вынуждена идти на значительные уступки, понеся ощутимый военный, морально-политический, а также территориально-экономический урон. От империи были отторгнуты Греция, Сербия, княжества Молдавия и Валахия.



Между тем греки, не желая мириться с сохранением даже формальной вассальной зависимости от Порты, стали добиваться от трех союзных держав признания их полной государственной независимости.

Практически через пять месяцев после подписания Адрианопольского мира, в результате активных переговоров, торгов и взаимных уступок представители России, Великобритании и Франции подписали 3 февраля 1830 года Лондонский протокол, завершивший в основном урегулирование греческого вопроса, которым признавалась полная государственная независимость Греции и ее право избирать себе короля. Независимость Греции гарантировалась тремя державами, подписавшими Лондонский протокол.

Правда, по настоянию Великобритании, ее границы были несколько урезаны. В состав Греции не вошли Фессалия, Крит, Самос, Акарнания, часть Этолии и ряд других территорий, населенных греками<sup>1</sup>.

После смерти президента Каподистрии в Лондоне был принят Протокол 25 апреля (7 мая) 1832 года, представивший греческую корону Оттону Баварскому, обещаны все ранее согласованные гарантии, в частности содействие в расширении границ до Артского залива. 16 сентября Порта согласилась уступить эту территорию Греции за 12 миллионов пиастров<sup>2</sup>.

Обозревая минувшее, можно с полной уверенностью и вполне обоснованно считать, что международные акты 1830–1832 годов явились прямым и закономерным следствием успехов внешней политики России, славных побед ее оружия, приведших к Адрианопольскому мирному договору, завершившему русско-турецкую войну, греческую национально-освободительную революцию, обеспечившему подписание Лондонского протокола 1830 года и обретение греческой нацией полной свободы и государственной независимости, установление согласованных границ нового королевства.

Несомненно, народ Греции, население Балканского полуострова не забыли свою историю, знают историческую правду и отдадут дань заслуженной благодарности России, Великобритании и Франции за обретенную более 175 лет назад, после длительной и тяжелой борьбы, своей государственной независимости.

Идя навстречу 180-летию современного греческого государства, народ Греции, несомненно, склонит свои головы перед светлой памятью российских воинов, героически павших в сражениях на суше и на море в борьбе против османского ига, во имя освобождения народа-единоверца. И пусть память эта и слова благодарности будут вечны!

<sup>1</sup> Большая совет. энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 19.

<sup>2</sup> Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2. С. 161.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Много лет тому назад, серьёзно заинтересовавшись генеалогическим древом своей жены, имевшей глубокие греческие корни, я увлёкся греческой проблематикой, греками в истории России, её военного флота.

За годы работы в Киеве, в Институте Истории Украины НАН, после увольнения из рядов ВМФ, а затем в Санкт-Петербурге в Военно-морской академии им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова мне пришлось изучать малоизвестные архивные документы, литературные источники из научных фондов библиотек, в том числе и по греческой тематике, раскрывающие судьбы греков-иммигрантов в России, их участие в экономической, культурной и политической жизни России, в русско-турецких войнах XVIII–XIX веков, в национально-освободительной борьбе греков против османского ига, их вклад историю Российской Армии и Императорского флота.

Побудительные мотивы заниматься греческой проблематикой были самые различные: в Киеве — выполнение планов научных исследований по кругу своих обязанностей, участие в греко-украинских проектах, в международных научных конференциях и симпозиумах; в Санкт-Петербурге — желание глубже изучить интересующие греческие темы, судьбы выдающихся греков — российских военнослужащих, внесших заметный вклад в историю России, её Армии и Флота, а ныне забытых всеми, мало известных и на своей этнической Родине, несмотря на их общепризнанные боевые заслуги перед Россией и Грецией.

Конечным итогом исследований являлись публикации научно-исторических статей и очерков, доклады и выступления на международных научных конференциях.

Опубликованные статьи прошли апробацию в среде учёных-историков, не получали отрицательных оценок у российских и греческих читателей, в кругу любителей и знатоков истории.

Считая, что греческая проблематика, накануне предстоящего 180-летия государственной независимости Греции, актуальна, вызывает повышенный интерес у историков и политиков, у широкой общественности Греции и России было решено, на основе уже опубликованных ранее научных материалов, выпустить сборник статей: «Греки в истории России XVIII–XIX веков. Исторические очерки».

В данный сборник были включены наиболее интересные и важные, по мнению автора, исторические очерки, могущие показать жизнь и деятельность греков-переселенцев в России, их роль в истории российского общества и государства, армии и флота, в национально-освободительной борьбе своего народа.

Тематика и объём представленных очерков различны, но главное, что их объединяет — это то, что статьи написаны на основе малоизвестных, нередко впервые вводимых в научный оборот архивных документов, и максимально объективно отражают, по оценке автора, исторические события и обстановку своего времени, реальные судьбы подлинных людей — героев очерков.

Автор надеется, что данная книга будет способствовать пробуждению интереса к событиям и героям прошлого, внесших заметный вклад в историю братских народов Греции и России.

Автор считает, что предлагаемые Исторические очерки будут пропагандировать документальные богатства Российских архивов и научных фондов библиотек, дающих возможность более глубоко и всесторонне изучать историю своих государств, важные исторические события и их подлинных героев.

Автор верит, что содержание очерков заинтересует многих читателей, поможет им глубже понять и оценить роль и место греков-переселенцев в российской истории, их несомненные заслуги перед Россией и Грецией.

*Доктор исторических наук, профессор Юрий Прякин*

## СОДЕРЖАНИЕ

Переселение в Керчь-Еникале в 1775 году воинов Албанского (греческого) войска: малоизвестные документы, забытые подробности .....	5
Образование греческой диаспоры в Керчь-Еникале из числа воинов-переселенцев. Ее дальнейшее развитие и деятельность (конец XVIII — XIX столетия) .....	15
Греческий Легион императора Николая I и поселение его воинов в Приазовье .....	83
Греческое население Феодосии (конец XVIII — XIX в.) .....	99
История образования и становления греческого поселения Балта-Чокрак в Крыму (начало XIX в.) .....	103
Греческие воинские формирования в истории Одессы: причины создания, структура, решаемые задачи .....	113
Роль греческих храмов и монастырей в сохранении духовности и национальной культуры греков в России .....	116
Греческая гимназия (Корпус чужестранных единоверцев) в системе военного образования России .....	121
Известный военный деятель Екатерининской эпохи — грек Петр Мелиссино в истории Санкт-Петербурга .....	136
Грек Афанасий Кесоглу в истории первого десятилетия Одессы .....	149
Иероним Витали: действия в Эгейском море в составе Российского флота в 1770–1775 годах (архивные подтверждения) .....	159
Легендарный греческий капер в боевой летописи флота России .....	168
Российская корсарская флотилия в Средиземном море в годы Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. ....	174
Жизнь и деятельность прославленного греческого корсара Ламбро Кациониса после заключения Ясского мирного договора .....	187

Уроженец острова Наксос Антонис Коронелли – российский воин и дипломат .....	200
Генерал Алексей Мелиссино — шеф Мариупольского и Лубенского гусарских полков .....	211
Портрет в Военной галерее Зимнего дворца. Дмитрий Курута .....	220
Полковник Ликург Качиони: на службе России, умножение традиций фамилии .....	232
Братья Манганари в истории гидрографии, мореплавания Черноморского военного флота .....	241
Наварино в истории Греции, в памяти народов .....	256
Славная дата государственной независимости Греции .....	260
Послесловие .....	268



### **Ю. Д. Пряхин**

Капитан 1 ранга в отставке, доктор исторических наук, профессор Военно-Морской академии им. Н.Г. Кузнецова в Санкт-Петербурге.

Родился в г. Владивосток 31 августа 1933 года. Окончил Тихоокеанское Высшее военно-морское училище в 1956 году по специальности офицер - корабельный артиллерист, Военно-политическую академию им. В.И. Ленина в Москве в 1968 году, адъюнктуру при данной академии. Защитил в 1973 году диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Преподавал в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф.Э. Дзержинского. Прослужил в плавсоставе ВМФ на Тихоокеанском, Черноморском, Северном флотах на надводных кораблях и атомных ракетных подводных лодках, в Высших военно-морских учебных заведениях свыше сорока лет. С 1988 года доктор исторических наук, с 1989 года профессор. После увольнения из рядов ВМФ, в 1993-1996 годах работал ведущим научным сотрудником института Истории Академии наук Украины. С 1997 года, после возвращения в Россию, профессор Военно-Морской академии в Санкт-Петербурге.

Автор нескольких монографий, свыше 120 публикаций на различные военно-морские и исторические темы, (книга «Ламброс Кацонис в истории Греции и России», переведена на греческий язык и издана в Афинах в 2005 г.) Организатор и участвующий в международных научных конференциях. Член Ассоциации прессы Санкт-Петербурга, редакционных коллегий журналов «Войсковая часовой», «Морской вестник».

57348  
294.00